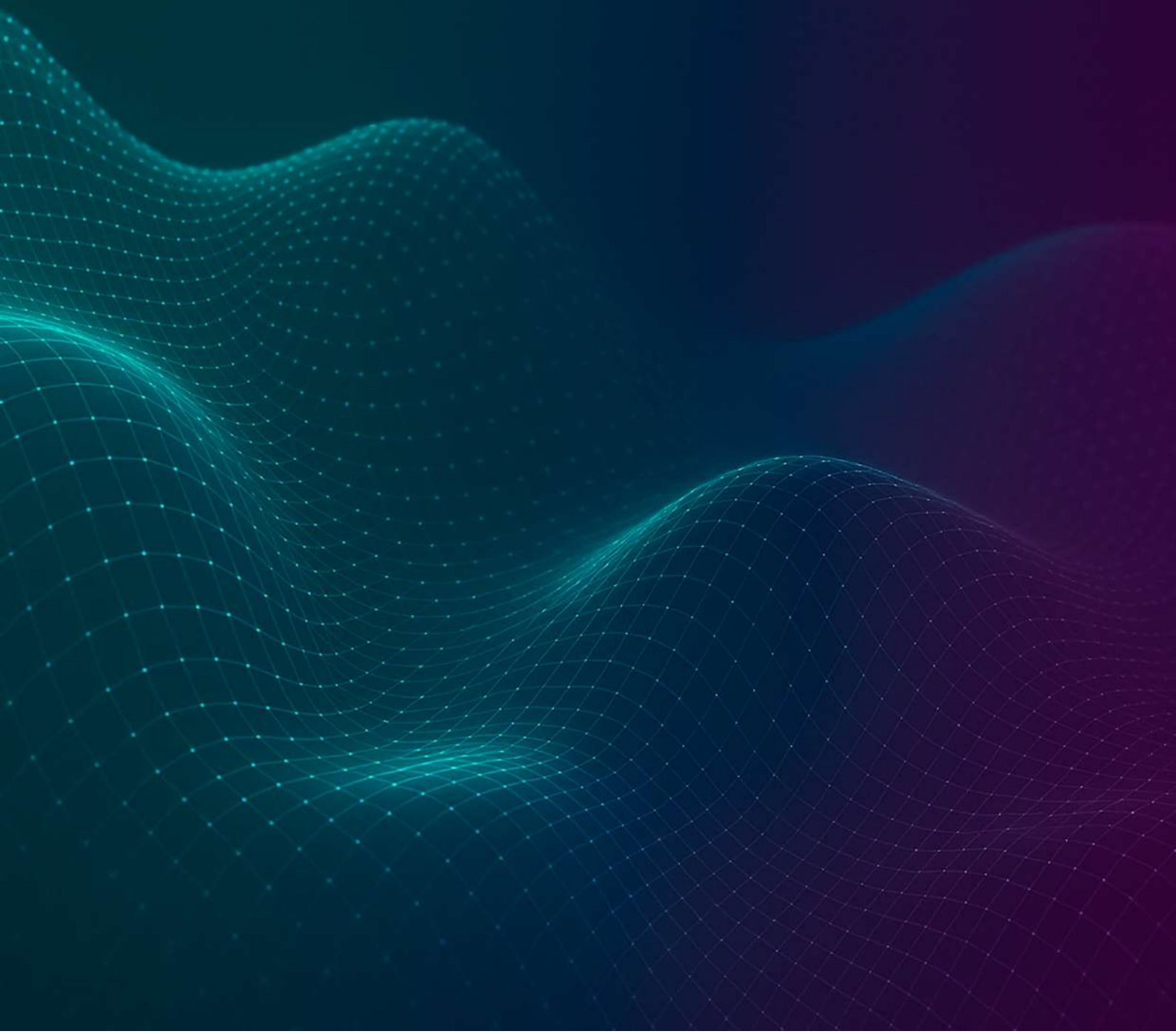

ЯКОН

Язык. Коммуникация. Общество

Язык. Коммуникация. Общество

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный экономический университет» (СПбГЭУ).

Журнал издается с 2023 г., выходит четыре раза в год.

Языки: русский, английский.

Редакция журнала: 191023, г. Санкт-Петербург, Москательный пер., д. 4, каб. 302.

e-mail: info@yako-journal.ru
yako-journal.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

А. Д. Кривоносов, д-р филол. наук, проф.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Заместители главного редактора:

И. В. Кононова, д-р филол. наук, проф.,

А. А. Пруцких, канд. филол. наук

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Ежова Е.Н., д-р филол. наук, проф. (Северо-Кавказский государственный университет, Россия)

Карасик В.И., д-р филол. наук, проф. (Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Россия)

Корнилова Е.Е., д-р филол. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия)

Кочетова Л.А., д-р филол. наук, проф. (Волгоградский государственный университет, Россия)

Магировская О.В., д-р филол. наук, доц. (Сибирский федеральный университет, Россия)

Маслобоева О.Д., канд. филос. наук, доц. (Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия)

Мельник Г.С., д-р полит. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

Нильсен Е.А., д-р филол. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия)

Степанов В.Н., д-р филол. наук, проф. (Международная академия бизнеса и новых технологий, Россия)

Тимраниева Ю.Г., д-р филол. наук, доц. (Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия)

Хомелев Г.В., д-р филос. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель:

И. А. Максимцев, д-р экон. наук, проф.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Байчунь Ч., д-р филос. наук, проф. (Пекинский педагогический университет, Китай)

Бурханов Р.А., д-р филос. наук, проф. (Сургутский государственный университет, Россия)

Гончарова Е.А., д-р филол. наук, проф. (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия)

Ивченков В.И., д-р филол. наук, проф. (Белорусский государственный университет, Беларусь)

Кафтанджиев Х.Н., д-р филол. наук, проф. (Софийский университет имени Климента Охридского, Болгария)

Лебедева Т.Ю., д-р филол. наук, проф. (Московский государственный университет, Россия; Европейский институт PR, Франция)

Ответственный секретарь:

А.Ю. Бомбин, канд. экон. наук, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Редактор сайта:

Д.А. Багдасарян, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Язык. Коммуникация. Общество. 2026. № 2 (14). 77 с.

О журнале: электронный научный журнал «Язык. Коммуникация. Общество» (Санкт-Петербургский государственный экономический университет) основан в 2022 году с целью расширения единого научного и образовательного пространства. Журнал представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых по социогуманитарным проблемам развития общества и публикует научно-исследовательские статьи и критические научные рецензии на русском и английском языках в области трех научных дисциплин: философия (научные специальности 5.7.1 «Онтология и теория познания»; 5.7.2 «История философии»); лингвистика (научные специальности 5.9.6 «Языки народов зарубежных стран (германские языки)»; 5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика»); коммуникативистика (научная специальность 5.9.9. «Медиакоммуникации и журналистика»).

Цель журнала: создать информационную площадку, которая может обеспечить научное сообщество результатами анализа теоретических и эмпирических проблем в области философии, лингвистики, рекламы, связей с общественностью и медиакоммуникаций.

Задачи журнала:

- публикация оригинальных результатов научных исследований по вопросам философии, лингвистики, коммуникативистики, полученных широким кругом авторов из российских и зарубежных научных организаций;
- осуществление научной коммуникации между российскими и зарубежными специалистами по лингвистике, коммуникациям, философии, работающим в различных научных организациях;
- интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к социогуманитарным исследованиям.

Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требования к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте yako-journal.ru.

Материалы журнала доступны по лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 License

© СПбГЭУ, 2026

Language. Communication. Society

Founder and publisher: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saint-Petersburg State University of Economics" (UNECON).

Founded in 2023. Issued 4 times a year.

Accepted Languages: Russian, English.

Editorial address: Saint-Petersburg State University of Economics, Moskatelny lane, 4, office 302, St. Petersburg, 191023, Russia.

e-mail: info@yako-journal.ru

yako-journal.ru

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief:

Alexey D. Krivososov, Doctor of Sciences in Philology, Professor
St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Deputy Editors-in-Chief:

Inna V. Kononova, Doctor of Sciences in Philology, Professor.,

Andrei A. Prutskikh, Candidate of Sciences in Philology
St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Elena N. Yezhova, Doctor of Sciences in Philology, Professor (North-Caucasus Federal University, Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Sciences in Philology, Professor (Pushkin State Russian Language Institute, Russia)

Evgenia E. Kornilova, Doctor of Sciences in Philology, Professor (St. Petersburg State University of Economics, Russia)

Larisa A. Kochetova, Doctor of Sciences in Philology, Professor (Volgograd State University, Russia)

Oksana V. Magirovskaya, Doctor of Sciences in Philology, Associate Professor (Siberian Federal University, Russia)

Olga D. Masloboeva, Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor (St. Petersburg State University of Economics, Russia)

Galina S. Melnik, Doctor of Sciences in Politics, Professor (St. Petersburg University, Russia)

Evgenia A. Nilsen, Doctor of Sciences in Philology, Professor (St. Petersburg State University of Economics, Russia)

Valentin N. Stepanov, Doctor of Sciences in Philology, Professor (International Academy of Business and New Technologies (MUBiNT), Russia)

Julia G. Timralieva, Doctor of Sciences in Philology, Associate Professor (St. Petersburg State University of Economics, Russia)

Gennady V. Khomelev, Doctor of Sciences in Philosophy, Associate Professor (St. Petersburg State University of Economics, Russia)

Marina G. Shilina, Doctor of Sciences in Philology, Associate Professor (Lomonosov Moscow State University, Russia)

Lada V. Shipovalova, Doctor of Sciences in Philosophy, Professor (St. Petersburg State University, Russia)

THE EDITORIAL COUNCIL

Chair of the Editorial Board:

Igor A. Maksimtsev, Doctor of Sciences in Economics, Professor
Saint Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Zhang Baichun, Doctor of Sciences in Philosophy, Professor (Beijing Normal University, China)

Raphael A. Burkhanov, Doctor of Sciences in Philosophy, Professor (Surgut State University, Russia)

Evgenia A. Goncharova, Doctor of Sciences in Philology, Professor (Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia)

Viktor I. Ivchenkov, Doctor of Sciences in Philology, Professor (Belarusian State University, Belarus)

Hristo N. Kaftandzhiev, Doctor of Sciences in Philology, Professor (Sofia University «St. Kliment Ohridski», Bulgaria)

Tatyana Yu. Lebedeva, Doctor of Sciences in Philology, Professor (Lomonosov Moscow State University, Russia; European Institute of Public Relations, France)

Executive Secretary:

Andrei Yu. Bombin, Candidate of Sciences in Economics,
St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Website Editor:

Diana A. Baghdasaryan, St. Petersburg State University of Economics,
St. Petersburg, Russia

Language. Communication. Society. 2026. 2 (14): 77.

About the journal: electronic scientific journal «Language. Communication. Society» (St. Petersburg State University of Economics) was founded in 2022 with the aim of expanding the unified scientific and educational space. The journal presents the results of scientific research by Russian and foreign scientists on socio-humanitarian problems of society development and publishes research articles and critical scientific reviews in Russian and English in the field of three scientific disciplines: philosophy (scientific specialties 5.7.1 «Ontology and theory of knowledge»; 5.7.2 «History of Philosophy»); linguistics (scientific specialties 5.9.6 «Languages of peoples of foreign countries (Germanic languages)»; 5.9.8. «Theoretical, applied and comparative linguistics»); communication studies (scientific specialty 5.9.9. «Media communications and journalism»).

Purpose of the journal: to create an information platform that can provide the scientific community with the results of the analysis of theoretical and empirical problems in the field of philosophy, linguistics, advertising, public relations and media communications.

Mission of the journal:

- publication of original research results on philosophy, linguistics, and communication studies obtained by a wide range of authors from Russian and foreign scientific organizations;
- implementation of scientific communication between Russian and foreign specialists in linguistics, communications, philosophy working in various scientific organizations;
- integration of the possibilities of a multidisciplinary approach to socio-humanitarian research.

Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at yako-journal.ru.

All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

© UNECON, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Мария Павловна Ефремова, Анастасия Александровна Солдатыхина, Ирина Алексеевна Демидова. Компетенции переводчика в эпоху генеративного ИИ	5-15
Евгения Александровна Нильсен, Полина Юрьевна Филина. Особенности перевода имен собственных в анимационном фильме «Hercules»	16-21
Максим Владимирович Файбушевский. Теоретические и прикладные аспекты когнитивной терминологии	22-29

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

Линчжи Лай. Китайское журналистское образование в эпоху искусственного интеллекта: инновационные траектории и парадигмальный сдвиг	30-37
Андрей Васильевич Прохоров, Анна Сергеевна Загулицына. Специфика продвижения музыкального продукта в эпоху стриминговых платформ (на примере альбомов Тейлор Свифт)	38-45

ФИЛОСОФИЯ

Иван Андреевич Дуплинских, Роза Абдулхаевна Тукаева. Ландшафт как пространство творческого мышления: философия взаимодействия человека и природы	46-55
Тельман Эмиралиевич Кафаров. Некоторые конфессиональные смыслы в понимании божественного творчества через концепты добра и зла	56-63
Александр Александрович Львов, Глеб Викторович Богомолов. Антропологическое измерение коммуникационной теории Никласа Лумана	64-71

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Алина Николаевна Сыркина. Исследование современного российского рынка PR: от глобальных к глокальным характеристикам (рецензия на: современный российский PR: глобальные и глокальные характеристики: коллективная монография / под ред. проф. А. Д. Кривоносова. СПб. : изд-во СПбГЭУ, 2026. – 247с.)	72-75
---	-------

CONTENTS

LINGUISTICS & INTERCULTURAL COMMUNICATION

Maria P. Efremova, Anastasia A. Soldatikhina, Irina A. Demidova. Translator competencies in the era of generative AI	5-15
Evgeniia A. Nilsen, Polina Yu. Filina. Peculiarities of translating proper nouns in the animated film «Hercules»	16-21
Maxim V. Faiboushevskiy. Theoretical and applied aspects of cognitive terminography	22-29

MEDIACOMMUNICATIONS & JOURNALISM

Lingzhi Lai. Chinese journalism education in the era of artificial intelligence: Innovative trajectories and paradigm shift	30-37
Andrey V. Prokhorov, Anna S. Zagulitsyna. The specifics of music product promotion in the era of streaming platforms (using Taylor Swift's albums as an example)	38-45

PHILOSOPHY

Ivan A. Duplinskikh, Roza A. Tukaeva. Landscape as a space of creative thinking: philosophy of human-natural interaction	46-55
Telman E. Kafarov. Some confessional nuances in understanding divine creativity through concepts of good and evil	46-55
Alexander A. Lvov, Gleb V. Bogomolov. The anthropological dimension of Niklas Luhmann's theory of communication	56-71

SCIENTIFIC REVIEWS & PEER-REVIEWS

Alina N. Syrkina. Research on the contemporary russian PR market: from global to glocal characteristics (review of: contemporary russian PR: global and glocal characteristics: collective monograph / edited by prof. A. D. Krivonosov. St. Petersburg: SPbGEU publishing house, 2026. 247 p.)	72-75
--	-------

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ LINGUISTICS & INTERCULTURAL COMMUNICATION

Научная статья

УДК 378.016:81'322.4

КОМПЕТЕНЦИИ ПЕРЕВОДЧИКА В ЭПОХУ ГЕНЕРАТИВНОГО ИИ

Мария Павловна Ефремова¹, Анастасия Александровна Солдатихина²,
Ирина Алексеевна Демидова³

^{1, 2, 3} Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

¹ SPIN: 3029-1079, ORCID: 0000-0001-6041-6006, efremova.mp@mail.ru

² SPIN: 8948-6786, ORCID: 0009-0003-0371-8325, soldatikhina@mail.ru

³ SPIN: 5920-1402, i.takushevich@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена трансформации профессиональных компетенций переводчика в эпоху повсеместного внедрения генеративных нейросетей. Актуальность исследования обусловлена тем, что системы нейронного машинного перевода (NMT) и большие языковые модели (LLM) продуцируют всё более беглые (fluent), но потенциально недостоверные тексты, что делает традиционный навык постредактирования недостаточным для обеспечения качества перевода. Исследование опирается на анализ современных научных работ по проблеме галлюцинаций в машинном переводе, а также на эмпирический материал — переводы, выполненные различными NMT-системами и LLM, которые были проанализированы авторами с целью выявления устойчивых типов ошибок. На основе проведенного анализа предложена расширенная типология ошибок и галлюцинаций, характерных для генеративных моделей (detached, oscillatory, factual, detail, style hallucination и др.). Обосновывается необходимость перехода в подготовке переводчиков от узконаправленного обучения постредактированию к формированию комплексных компетенций редактирования переводов при помощи ГИИ, включающих текстологический анализ, критическое мышление, промпт-инжиниринг и работу с данными. Предлагается обновленная модель профессиональной подготовки, нацеленная на формирование переводчика нового типа — интерпретатора смысла и аудитора качества, способного эффективно взаимодействовать с генеративными технологиями.

Ключевые слова: машинный перевод, генеративный искусственный интеллект, постредактирование, редактирование, галлюцинации NMT, типология ошибок, подготовка переводчиков, цифровая компетентность, большие языковые модели.

Original article

TRANSLATOR COMPETENCIES IN THE ERA OF GENERATIVE AI

Maria P. Efremova¹, Anastasia A. Soldatikhina², Irina A. Demidova³

^{1, 2, 3} St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

¹ SPIN: 3029-1079, ORCID: 0000-0001-6041-6006, efremova.mp@mail.ru

² SPIN: 8948-6786, ORCID: 0009-0003-0371-8325, soldatikhina@mail.ru

³ SPIN: 5920-1402, i.takushevich@gmail.com

Abstract. The article examines the transformation of professional translator competencies in the era of widespread adoption of generative neural networks. The relevance of the study stems from the fact that neural machine translation (NMT) systems and large language models (LLMs) produce increasingly fluent but potentially unreliable texts, rendering the traditional skill of post-editing insufficient for ensuring translation quality. The research is based on an analysis of contemporary scholarly works on the problem of hallucinations in machine translation, as well as on empirical material — translations produced by various NMT systems and

LLMs, which were analyzed by the authors to identify stable types of errors. Based on the analysis, an extended typology of errors and hallucinations characteristic of generative models is proposed (detached, oscillatory, factual, detail, style hallucination, among others). The necessity of a shift in translator training from narrowly focused post-editing instruction to the development of comprehensive competencies for editing translations using Generative AI is substantiated. These competencies include textological analysis, critical thinking, prompt engineering, and data management skills. An updated model of professional training is proposed, aimed at shaping a new type of translator — a meaning interpreter and quality auditor capable of effectively interacting with generative technologies.

Keywords: machine translation, generative artificial intelligence, post-editing, editing, NMT hallucinations, error typology, translator training, digital competence, large language models.

Введение. Генеративные модели стали «новой нормой» в индустрии перевода. Системы нейронного машинного перевода (NMT) и большие языковые модели (LLM) применяются по умолчанию для решения широкого спектра задач: от бытовой коммуникации до профессиональной локализации. Однако, как справедливо отмечают исследователи, «NMT errors are not random; they follow systematic patterns» [Voita, 2020]. Это означает, что перед современным переводчиком стоит задача не просто исправить очевидные погрешности машинного вывода, но и противостоять системным, структурно обусловленным искажениям смысла. В этих условиях классический навык постредактирования (post-editing) уступает место более сложной компетенции: редактированию перевода, выполненного при помощи ГИИ, что требует возвращения к фундаментальным текстологическим навыкам и развития новых цифровых компетенций.

Эволюция машинного перевода: от RBMT к LLM.

Понимание современных вызовов невозможно без рассмотрения эволюции машинного перевода. История развития МТ насчитывает более семи десятилетий. Первые эксперименты, начатые в 1950-х годах (знаменитый Georgetown–IBM experiment 1954 года), основывались на rule-based подходах, где перевод строился на лингвистических правилах и словарях. Такие системы (например, SYSTRAN) использовались вплоть до конца 1990-х годов, однако их трудоемкость и ограниченная масштабируемость стимулировали поиск новых подходов.

С 2000-х годов доминирующей парадигмой стал статистический машинный перевод (SMT), в котором перевод рассматривался как вероятностная задача. Ключевая работа Филиппа Кёна [Koehn, 2010] заложила теоретические основы SMT, а модели выравнивания слов [Och & Ney, 2003] стали стандартом для обучения таких систем. SMT позволил значительно улучшить качество перевода, особенно для языков с большими параллельными корпусами, однако оставалась проблема фрагментарности перевода и неспособности учитывать длинный контекст. Переломным моментом стало внедрение нейронного машинного перевода (NMT). Работа D. Bahdanau с соавторами [Bahdanau et al., 2015], предложившая механизм внимания (attention mechanism), позволила моделям эффективно обрабатывать длинные предложения. В 2016 году Google представил свою NMT-систему [Wu et al., 2016], ознаменовавшую переход промышленного машинного перевода на нейросетевые технологии. Архитектура Transformer [Vaswani et al., 2017] окончательно утвердила новые стандарты, заменив рекуррентные слои механизмом самовнимания (self-attention).

С 2022 года набирает силу новая парадигма — использование больших языковых моделей (LLM) для перевода. Модели семейства GPT, Claude, Gemini и др. демонстрируют способность к переводу с учетом широкого контекста, стилистической настройке и генерации альтернативных вариантов. Однако именно с LLM связана новая категория проблем, среди которых центральное место занимают галлюцинации — генерация беглого, правдоподобного, но фактически недостоверного текста.

Традиционное понимание постредактирования машинного перевода сформировалось в эпоху статистических и ранних нейросетевых моделей и предполагало минимальное вмешательство человека с целью достижения приемлемого качества («достаточно хорошо») [Nunes Vieira, 2020]. Однако современные генеративные модели качественно изменили характер ошибок. Как подчеркивают Guerreiro et al., «галлюцинации — это фундаментальное свойство авторегрессивных моделей» [Guerreiro et al., 2023]. Это фундаментальное свойство — способность моделей «галлюцинировать», то есть гене-

ризовать беглый, правдоподобный, но не соответствующий действительности текст — ставит под сомнение эффективность поверхностного постредактирования. «Fluent nonsense is still nonsense» (Гладкая бессмыслица остается бессмыслицей) [Freitag et al., 2022]. Эта максима точно отражает суть вызова: гладкость текста больше не является индикатором его надежности. Ложная плавность (*false fluency*) маскирует фактические, терминологические и логические ошибки, что требует от редактора не столько лингвистической коррекции, сколько глубокого критического анализа и верификации смысла.

Представленная типология опирается на ключевые исследования в области анализа ошибок машинного перевода. Классическая лингвистическая модель ошибок (лексические, морфологические, синтаксические) была предложена Филиппом Кёном [Koehn, 2010] для статистического машинного перевода. В дальнейшем Елена Войта [Voita et al., 2020] выявила специфические ошибки нейронных моделей, связанные с согласованием, выбором значения слова и потерей содержания. Феномен галлюцинаций в нейронном машинном переводе впервые был систематически описан Викасом Раунаком с соавторами [Raunak et al., 2021], которые выделили два основных типа: *detached hallucination* (несвязанный перевод) и *oscillatory hallucination* (повторы и распад структуры). Расширенная типология, включающая фактические, стилистические и языковые галлюцинации, была предложена N. Guerreiro с коллегами [Guerreiro et al., 2023], которые также создали аннотированный корпус для детекции подобных ошибок.

Методология исследования. Эмпирическая база исследования включает переводы, выполненные с использованием различных систем нейронного машинного перевода и больших языковых моделей. В анализ вошли следующие инструменты: Google NMT, DeepL, Yandex Translate (как представители коммерческих NMT-систем), а также GPT-4 (OpenAI), Claude (Anthropic) и Gemini (Google) в качестве LLM. Выбор этих систем обусловлен их широким распространением в профессиональной переводческой практике и доступностью для тестирования.

Корпус проанализированных текстов составил около 5000 предложений, относящихся к различным жанрам и функциональным стилям: техническая документация (инструкции, спецификации), медицинские тексты (выписки из историй болезни, описания процедур), юридические документы (договоры, лицензионные соглашения), публицистические и научно-популярные тексты, а также материалы деловой переписки. Такой разнородный состав позволил выявить как универсальные, так и жанрово-специфические типы ошибок.

Выявление галлюцинаций и других ошибок осуществлялось методом экспертной оценки. В качестве экспертов выступили авторы статьи, имеющие многолетний опыт работы в области перевода и редактирования.

Типология ошибок и галлюцинаций NMT

Анализ эмпирического материала (переводов, выполненных различными NMT-системами и LLM) позволяет выделить несколько устойчивых типов ошибок и галлюцинаций, которые выходят за рамки традиционной классификации и требуют особого внимания при редактировании.

1. **Detached hallucination (несвязанный перевод).** Модель полностью «отрывается» от исходного текста и порождает семантически независимое высказывание.

Пример:

EN "The committee reviewed the annual report without major remarks."

RU «Комитет объявил о начале нового налогового года и представил подробный план реформ».

В примере наблюдается полная потеря содержательного соответствия при сохранении внешней связности текста.

2. **Oscillatory hallucination (повторы и распад структуры).** Модель «зацикливается» на слове или фрагменте, что ведет к деградации синтаксической структуры.

Пример:

EN "The sensor did not respond to the last calibration attempt."

RU «Датчик не реагировал на последнюю калибровку, калибровку, калибровку устройства...».

Подобные сбои указывают на потерю внимания (*attention loss*) и сбой в механизме авторегрессии.

3. **Fact-based hallucination (подмена фактов).** Одна из наиболее критичных ошибок, особенно в технических и научных текстах. Модель «исправляет» корректный факт на основании внутренних статистических ассоциаций.

Пример:

EN "Marie Curie received two Nobel Prizes."

RU «Мария Кюри получила Нобелевскую премию один раз».

Ошибка возникает не из-за незнания языка, а из-за «угадывания» моделью более вероятного, с её точки зрения, факта.

4. **Detail hallucination (добавление несуществующих деталей).** Модель дополняет текст деталями, отсутствующими в источнике, часто опираясь на контекстуально ожидаемые шаблоны.

Пример:

EN "The patient reported mild dizziness after the procedure."

RU «Пациент сообщил о лёгком головокружении и боли в груди после процедуры».

В медицинском контексте подобное «фантазирование» недопустимо и несет прямые риски для безопасности.

5. **Style hallucination (стилистическая интерполяция).** Модель привносит в текст дополнительные смысловые оттенки или изменяет регистр, руководствуясь представлениями о «красивом» или «полном» тексте.

Пример:

EN "The meeting is scheduled for Monday."

RU «Совещание назначено на понедельник и будет иметь большое значение для дальнейшей стратегии компании».

Добавленная информация о «значимости» и «стратегии» является генерацией модели, не имеющей опоры в исходном тексте.

6. **Language drift (смена языка).** Характерная ошибка для многоязычных моделей, когда вывод неожиданно переключается на другой, часто неродственный целевой, язык.

EN "The voltage dropped to 2.3 volts."

RU «Напряжение упало до 2,3 вольта, что es peligroso para el equipo».

Переход на испанский язык в конце русской фразы демонстрирует сбой в языковом тэгировании или внутреннем представлении модели.

7. **Noise-induced errors (ошибки из-за шума).** Чувствительность NMT к искажениям во входных данных (опечатки, пропуски символов) может провоцировать катастрофические ошибки, когда модель «компенсирует» шум фантазией.

Пример:

EN "The engine was re-calibratted yesterday." (опечатка)

RU «Двигатель вчера был полностью заменён».

8. **Инверсия отрицания.** Частный случай, когда модель системно «теряет» отрицание, меняя смысл высказывания на противоположный.

Пример:

EN "This method does not guarantee accurate results in all cases."

RU «Этот метод обеспечивает точные результаты во всех случаях».

Гладкость перевода маскирует грубейшую логическую ошибку.

9. **Entity hallucination (искажение именованных сущностей).** Модель заменяет имена, названия организаций, географические наименования на другие, часто более частотные в обучающих данных.

Пример:

EN "The CEO of Acme Corp announced the merger."

RU «Генеральный директор Google объявил о слиянии».

Модель подменяет малочастотную именованную сущность на более распространенную, искажая фактическую информацию.

Исследования показывают, что модели особенно склонны к галлюцинациям при работе с низкоресурсными языками и при переводе с английского, что может актуализировать токсичные паттерны из обучающих данных. При этом LLM продуцируют качественно иные галлюцинации по сравнению с традиционными NMT-моделями, что требует дифференцированного подхода к редактированию.

Причины возникновения галлюцинаций

Понимание причин, по которым генеративные модели продуцируют галлюцинации, необходимо для эффективного редактирования. Исследователями выделяется несколько ключевых факторов.

В первую очередь стоит отметить такой фактор, как Exposure bias. Модели обучаются методом teacher forcing: на каждом шаге они получают правильное предыдущее слово из обучающей выборки. На этапе инференса модель опирается на собственные предсказания, и малейшая ошибка может «сойти с рельсов», приводя к генерации несвязанного или повторяющегося текста. Этот механизм лежит в основе oscillatory hallucination. Как показал С. Бенжио [Bengio et al., 2015], exposure bias приводит к квадратичному накоплению ошибок с ростом длины последовательности. В. Раунак с коллегами [Raunak et al., 2021] связывают exposure bias непосредственно с возникновением oscillatory hallucinations, демонстрируя, что модели, обученные с teacher forcing, склонны к необратимому накоплению ошибок.

Также среди факторов, приводящих к галлюцинациям, можно отнести domain shift. Модели обучаются на определенных корпусах (чаще всего новостные и общеупотребительные тексты). При переводе специализированных текстов (медицинских, юридических, технических) модель может «додумывать» недостающую информацию, опираясь на статистические паттерны из других доменов. Это провоцирует factual и detail hallucination. М. Мюллер с соавторами [Müller et al., 2020] показали, что NMT-модели более склонны к галлюцинациям при работе с out-of-domain текстами. Domain shift рассматривается как один из основных факторов, провоцирующих галлюцинации в нейронном машинном переводе [Wang & Sennrich, 2020]. Н. Геррейру (Guerreiro et al., 2023) подтверждает, что смена домена является одним из триггеров возникновения фактических ошибок.

Как уже упоминалось, выше, проблемой могут стать и низкоресурсные языки. Для языков с малым объемом параллельных корпусов (например, некоторые языки постсоветского пространства) модели имеют меньше качественных обучающих примеров. В таких условиях вероятность галлюцинаций существенно возрастает, особенно при переводе редких терминов и именованных сущностей. Как отмечает Ч. Хуньин [Hongying et al., 2025], «нейронный машинный перевод достиг значительного прогресса благодаря глубокому обучению и крупномасштабным многоязычным моделям, однако перевод низкоресурсных языков по-прежнему сталкивается с недостатком обучающих данных и, как следствие, с галлюцинациями». Исследование П. Сингха [Singh et al., 2025], посвященное переводу африканских языков, также подчеркивает, что ограниченность обучающих данных является ключевым вызовом, провоцирующим генерацию недостоверного вывода.

Одной из распространенных причин возникновения галлюцинаций является шум во входных данных. Опечатки, грамматические ошибки, нестандартная пунктуация в исходном тексте могут провоцировать катастрофические ошибки. Модель, стремясь сохранить беглость вывода, может «компенсировать» шум генерацией дополнительной информации (noise-induced errors). В работе В. Раунака с соавторами [Raunak et al., 2021] вводится понятие «Hallucinations under Perturbations» (HP) и демонстрируется, что внесение шума в исходный текст может приводить к генерации галлюцинаций. К. Ли [Lee et al., 2018] в одной из первых работ, посвященных этой проблеме, показали, что малые возмущения во входных данных могут приводить к кардинально отличающимся (галлюцинированным) выводам.

Также фактор возникновения галлюцинаций заложен в самих архитектурных ограничениях LLM. Несмотря на механизм внимания, модели имеют ограниченный контекст (context window). Для LLM этот параметр постоянно растет (до 200К токенов у современных моделей), однако при переводе длинных документов потеря информации из начала текста все еще возможна, что приводит к нарушению когерентности. Как отмечается в обзоре М. Бюкера [Bücker, 2025], «длина контекста определяет, может ли модель "запомнить" длинные разговоры или документы; более длинный контекст улучшает анализ, но при переводе длинных документов потеря информации из начала текста все еще возможна».

Е. Войта с соавторами [Voita et al., 2020] показали, что при переводе длинных текстов модели могут терять фокус на исходном тексте, что приводит к снижению source contribution и, как следствие, к галлюцинациям. Сама архитектура Transformer [Vaswani et al., 2017], несмотря на свою эффективность, имеет теоретические ограничения по длине обрабатываемого контекста.

От постредактирования к редактированию: новая парадигма подготовки

Представленная типология ошибок демонстрирует, что поверхностная правка («косметический ремонт» текста) недостаточна. От переводчика требуется глубокое понимание механик работы генеративных моделей, умение выявлять и классифицировать системные ошибки, оценивать риски их возникновения. Как отмечают Е.М. Вишневская и А.М. Иванова, «несмотря на то что системы нейронного машинного перевода в значительной степени автоматизируют работу с текстом, остается острая необходимость в постпереводческом редактировании», однако само это редактирование обретает новое качество, сближаясь с классической редактурой и текстологией [Вишневская, Иванова, 2025].

Современная профессиональная подготовка переводчика должна включать следующие ключевые компетенции:

1. **Текстологическая компетенция:** умение анализировать структуру текста, его стиль и коммуникативные задачи, что позволяет отличать авторский замысел от «фантазий» модели.
2. **Навыки критической оценки МТ-вывода:** способность верифицировать логику, факты, терминологию и целевую адекватность перевода, выявляя даже хорошо замаскированные галлюцинации.
3. **Основы работы с данными:** компетенции в создании и очистке глоссариев, подготовке корпусов, маркировке данных для тонкой настройки (fine-tuning) моделей. Переводчик становится куратором данных (data curator) и тренером моделей (model trainer).
4. **Промпт-инжиниринг (Prompt Engineering):** умение формулировать точные и эффективные запросы к LLM, задавая не только языковые, но и стилистические, фактологические и структурные параметры перевода.
5. **Сравнительный анализ МТ-движков:** компетенция в оценке качества выводов различных систем (Google NMT, DeepL, Yandex, GPT, Claude) с точки зрения консистентности, терминологической точности и подверженности галлюцинациям.
6. **Работа с Translation Memories (TM):** навыки создания, очистки, обновления и интеграции Translation Memories как важнейшего инструмента контроля качества и обеспечения единообразия.
7. **Медиация между МТ и пользователем:** понимание границ применимости машинного перевода, умение принимать стратегические решения о необходимости полного отказа от автоматизации в пользу человеческого перевода для стилистически сложных, художественных или критически важных с точки зрения безопасности текстов.

Трансформация профессиональных компетенций приводит к формированию принципиально новых ролей, которые современный переводчик всё чаще совмещает в своей практике. Среди таких стоит отметить следующие:

1. **Инженер запросов (Prompt Engineer).** Переводчик не просто передает текст модели, но формулирует условия задачи: стиль, жанр, целевую аудиторию, терминологическую политику, формат вывода. Это требует разработки шаблонов промптов, их адаптации под различные движки и оценки эффективности формулировок [He, 2024].
2. **Тренер моделей (Model Trainer).** В ряде проектов переводчик участвует в дообучении (fine-tuning) МТ-систем на проектных данных. Задачи включают подготовку корпуса (чистка, выравнивание, нормализация), создание обучающих выборок и контроль качества обучения [Raunak et al., 2023].
3. **Куратор данных (Data / TM Curator).** Качество машинного перевода напрямую зависит от качества данных, на которых модель обучается или которые используются в качестве памяти. Переводчик создает и поддерживает Translation Memories, ведет терминологические базы, осуществляет маркировку и фильтрацию данных [Reynolds, 2015].

4. Аудитор качества (Quality Auditor). Даже лучшая модель не гарантирует консистентности на длинных дистанциях или в сложных текстах. Переводчик-аудитор оценивает адекватность перевода, выявляет логические ошибки и нарушения фактов, обеспечивает стилистическое и терминологическое единообразие.

Эти роли не взаимоисключают друг друга; в реальной практике один специалист часто совмещает несколько функций, особенно в небольших проектах и командах.

Рекомендации для преподавателей переводческих дисциплин

Подготовка переводчиков нового типа требует пересмотра учебных программ и методик преподавания. На основе проведенного анализа можно предложить следующие рекомендации.

1. Интеграция работы с LLM в курс постредактирования. Студенты должны освоить не только традиционное постредактирование NMT, но и работу с LLM. Показательным будет опыт сравнения переводов разных моделей (Google NMT, DeepL, GPT-4, Claude и др.) для одного и того же текста; выявления и классификации галлюцинаций; создания промптов для разных жанров и стилей; оценка эффективности различных промпт-стратегий.

2. Развитие критического мышления. Необходимо формировать у студентов установку, что беглый текст модели не является гарантией его достоверности. Обязательным этапом работы с текстом становится фактчекинг переведенных текстов по авторитетным источникам; верификация терминологии в специализированных корпусах и словарях; выявление логических несоответствий в переводе; групповая экспертиза спорных случаев.

3. Обучение работе с данными. Студенты должны освоить базовые навыки работы с переводческими данными: создание и очистка глоссариев; подготовка параллельных корпусов; работа с Translation Memories (Trados, Promt и др.); маркировка данных для тонкой настройки моделей. Эти навыки становятся критически важными для работы в крупных локализационных проектах. На данном этапе эта работа осуществляется практически в полном объеме, работа с ТМ и навыки работы в Cat-tools являются базовыми при подготовке переводчиков.

4. Формирование МТ-грамотности (MT literacy). Студенты должны понимать принципы работы NMT и LLM, их сильные и слабые стороны, архитектурные ограничения. Это позволит им осознанно выбирать инструменты для решения конкретных задач и аргументированно объяснять заказчикам границы применимости машинного перевода.

5. Проектная деятельность. Эффективной формой обучения является выполнение реальных или учебных проектов, где студенты проходят полный цикл работы с текстом. Такая деятельность находит отражение в учебном процессе как при работе с полноценными проектами, так и в виде имитационных упражнений, симулирующих реальную деятельность переводчика, на которых можно отработать как ключевые и базовые аспекты работы с LLM при переводе, так и редкие частные случаи.

Работа переводчика в условиях переводческого центра или любой другой организации, как правило, предполагает постредактирование, выполняемое отдельно, без такого постредактирования работают только переводчики-фрилансеры, которые сами отвечают за конечный результат. Результат работы системы машинного перевода обязательно требует постредактирования, объем которого зависит как от цели перевода, так и от требований заказчика. Переводчику необходимо владеть перечисленными навыками, как этого требует современный рынок переводов [Беляева, 2022].

Этические и правовые аспекты использования ГИИ в переводе

Внедрение генеративных моделей в переводческую практику порождает новые этические и правовые вопросы, которые требуют осмысления и регулирования.

Конфиденциальность данных имеет ключевое значение. Использование облачных LLM (ChatGPT, Claude, Gemini и др.) для перевода коммерческой, медицинской или юридической документации может нарушать политику конфиденциальности. Загружаемые тексты могут использоваться для дообучения моделей, что создает риски утечки чувствительной информации. Для работы с такими текстами предпочтительнее использовать локальные модели или корпоративные версии с гарантиями неиспользования данных для обучения.

Остро стоит и вопрос об авторских правах. Вопрос о принадлежности авторских прав на перевод, выполненный с помощью LLM, остается юридически неурегулированным. В большинстве юрисдикций текст, сгенерированный ИИ без существенного человеческого вмешательства, не охраняется

авторским правом. Это создает риски для переводчиков, использующих LLM: если заказчик требует оригинального авторского продукта, необходимо документировать объем человеческого редактирования.

Кроме того, нерешенным остается и другой важный аспект, а именно ответственность за ошибки. При использовании МТ в высокорисковых доменах возникает вопрос: кто несет ответственность за галлюцинации, приведшие к негативным последствиям (например, неверный медицинский или юридический перевод)? Разработчики моделей обычно отказываются от ответственности в условиях использования, переводческое агентство может перекладывать ответственность на исполнителя, а сам переводчик может не обладать достаточными ресурсами для компенсации ущерба. Формирование прозрачных моделей ответственности — насущная задача для индустрии.

На данный момент единственным работающим механизмом при решении этических и правовых вопросов является процедура прозрачности и информирования заказчика. Этически оправданной практикой становится информирование заказчика о том, какие инструменты использовались при выполнении перевода, и какой объем человеческого редактирования был применен. В ряде сфер (академические публикации, юридические переводы) требуется декларация использования ИИ.

Н.Н. Гавриленко отмечает, что «ответственность переводчика включает также умение обеспечивать безопасность при работе с информацией в сети, то есть умение грамотно пользоваться различными цифровыми сервисами, понимать, что есть определенные этические нормы общения в сети. При этом важно, чтобы переводчик осознавал свою ответственность за содержание любого создаваемого контента» [Гавриленко, 2018].

Кейсы, где человеческий фактор остается ключевым

Несмотря на впечатляющие успехи генеративных моделей, существует целый ряд задач, где автоматический перевод без глубокого человеческого участия невозможен или опасен. Рассмотрим такие аспекты.

В первую очередь, это стилистически сложные тексты. К ним можно отнести публицистику, тексты научно-популярного стиля, экспертные обзоры. Такие тексты требуют тщательной работы со стилем, риторикой, жанровой адекватностью. При машинном переводе часто получается «ровный», но стилистически плоский текст, в котором утрачены авторский голос и риторические нюансы.

Во-вторых, стоит упомянуть локализацию игровых и медиапроектов. Здесь требуется учет культурного контекста, прагматики, социокультурных особенностей аудитории. Системам машинного перевода все еще сложно передавать юмор, аллюзии, национальные реалии и интертекстуальные отсылки и др. Достижение контекстуально уместных переводов остается вызовом, особенно в отношении идиоматических выражений и культурных нюансов.

В-третьих, нельзя обойти вниманием диалоги и разговорную речь. Живая речь, динамика реплик, скрытые смыслы, интонации, сленг, прерывистая речь, социальные диалекты и другие особенности, которые могут возникать в живой речи, передаются моделями нестабильно и требуют человеческой интерпретации.

В-четвертых, особняком стоит художественный перевод. Нет нужды говорить о сложности и многослойности художественного текста. Невозможно заменить на данный момент человека при передаче творческой интерпретации, авторского стиля, образности, метафоричности и многих других стилистических и авторских аспектов художественного произведения. LLM может предложить варианты, но не способна создать художественного решения на уровне автора-переводчика.

И, наконец, человеческий фактор крайне высок при работе с так называемыми высокорисковыми доменами. К таким относятся юридические, медицинские, технические документы, где ошибка влияет на безопасность или юридическую корректность. В таких документах риск ошибки крайне критичен, в этих областях даже единичная фактическая галлюцинация (например, добавление несуществующего симптома или подмена юридического термина) может иметь катастрофические последствия.

Выводы и перспективы. Генеративный искусственный интеллект не устраняет человека из процесса. Генеративный искусственный интеллект не устраняет человека из процесса перевода, а, напротив, возвышает его роль до уровня интерпретатора смысла и аудитора качества. Подготовка переводчика в эпоху ГИИ не может сводиться к обучению техническим приемам постредактирования.

Необходима интеграция фундаментальных текстологических знаний с глубоким пониманием работы генеративных моделей, основами анализа данных и критическим мышлением.

Как отмечают исследователи, концепция Human-in-the-loop (человек в контуре) становится не просто желательной, но необходимой для обеспечения безопасности, качества и этичности применения МТ в высокорисковых областях [Mosqueira-Rey et al., 2023]. Только такой синтез позволит будущим специалистам эффективно использовать мощь ИИ, минимизируя риски, связанные с его фундаментальной склонностью к галлюцинациям.

Переводческая компетенция трансформируется в компетенцию управления смыслом в человеко-машинном диалоге, где последнее слово всегда остается за человеком. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой методик обучения новым компетенциям, созданием системы оценки качества редактирования переводов, выполненного при помощи ГИИ, а также с изучением специфики взаимодействия переводчика с различными типами генеративных моделей в зависимости от жанра и сложности текста.

Список источников

- Беляева, Л. Н. Машинный перевод в современной технологии процесса перевода / Л. Н. Беляева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2022. № 203. С. 22–30.
- Вишневская, Е. М. Понимание как диалог с текстом: генеративный искусственный интеллект в обучении переводу / Е. М. Вишневская, А. М. Иванова // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2025. № 2(58). С. 190–202.
- Гавриленко, Н. Н. Цифровая компетентность — ключевой компонент профессионализма переводчика / Н. Н. Гавриленко // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2018. № 3. С. 139–150.
- Bahdanau, D., Cho, K., Bengio, Y. Neural Machine Translation by Jointly Learning to Align and Translate // International Conference on Learning Representations (ICLR). 2015.
- Bengio, S., Vinyals, O., Jaitly, N., Shazeer, N. Scheduled Sampling for Sequence Prediction with Recurrent Neural Networks // Advances in Neural Information Processing Systems. 2015. Vol. 28. P. 1171–1179.
- Bücker, M. Generative AI: Large Language Models. FH Münster, 2025. Lecture Materials.
- Freitag, M., Rei, R., Mathur, N., Lo C., Stewart, C., Avramidis, E., Kocmi, T., Foster, G., Lavie, A., Martins, A. F. T. Results of WMT22 Metrics Shared Task: Stop Using BLEU – Neural Metrics Are Better and More Robust // Proceedings of the Seventh Conference on Machine Translation (WMT). 2022. P. 1031–1051.
- Guerreiro, N. M., Alves, D. M., Waldendorf J., Haddow, B., Birch, A., Colombo, P., Martins, A. F. T. Hallucinations in Large Multilingual Translation Models // Transactions of the Association for Computational Linguistics. 2023. Vol. 11. P. 1500–1517.
- He, S. Prompting ChatGPT for Translation: A Comparative Analysis of Translation Brief and Persona Prompts // arXiv preprint arXiv:2403.00127. 2024.
- Koehn, P. Statistical Machine Translation. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 466 p.
- Lee, K., Firat, O., Agarwal, A., Fannjiang, C., Sussillo, D. Hallucinations in Neural Machine Translation // NeurIPS 2018 Workshop on Interpretability and Robustness in AI. 2018.
- Mosqueira-Rey, E., Hernández-Pereira, E., Alonso-Ríos, D., Bobes-Bascarán, J., Fernández-Leal, Á. Human-in-the-loop machine learning: a state of the art // Artificial Intelligence Review. 2023. Vol. 56. P. 3005–3054.
- Müller, M., Rios, A., Sennrich, R. Domain Robustness in Neural Machine Translation // Proceedings of the 14th Conference of the Association for Machine Translation in the Americas. 2020. P. 151–164.
- Nunes Vieira, L. Post-editing of machine translation // The Routledge Handbook of Translation and Technology / ed. by M. O'Hagan. London: Routledge, 2020. P. 319–335.
- Och, F. J., Ney, H. A Systematic Comparison of Various Statistical Alignment Models // Computational Linguistics. 2003. Vol. 29. № 2. P. 263–311.
- Raunak, V., Menezes, A., Junczys-Dowmunt, M. The Curious Case of Hallucinations in Neural Machine Translation // Proceedings of the 2021 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies. 2021. P. 1172–1183.
- Raunak, V., Menezes, A., Junczys-Dowmunt, M. Leveraging GPT-4 for Automatic Translation Post-Editing // Findings of the Association for Computational Linguistics: EMNLP 2023. 2023. P. 1209–1224.
- Reynolds, P. Machine translation, translation memory and terminology management // Handbook of Terminology: Volume 1 / ed. by H. J. Kockaert, F. Steurs. Amsterdam: John Benjamins, 2015. P. 276–287.
- Singh, P. R., Prasad, K., Zaki, M., Wasnik, P. In-Domain African Languages Translation Using LLMs and Multi-armed Bandits // Proceedings of ACL-25. 2025.
- Vaswani, A., Shazeer, N., Parmar, N., Uszkoreit, J., Jones, L., Gomez, A. N., Kaiser, L., Polosukhin, I. Attention Is All You Need // Advances in Neural Information Processing Systems. 2017. Vol. 30. P. 5998–6008.
- Voita, E., Sennrich, R., Titov, I. Analyzing the Source and Target Contributions to Predictions in Neural Machine Translation // Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. 2020. P. 1126–1141.
- Wang, C., Sennrich, R. On Exposure Bias, Hallucination and Domain Shift in Neural Machine Translation // Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. 2020. P. 3544–3552.
- Wu, Y., Schuster, M., Chen, Z., Le, Q. V., et al. Google's Neural Machine Translation System: Bridging the Gap between

Human and Machine Translation // arXiv preprint arXiv:1609.08144. 2016.

References

- Belyayeva L. N. (2022) Mashinnyy perevod v sovremennoy tekhnologii protsessa perevoda [Machine Translation in the Modern Technology of the Translation Process]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 203: 22–30.
- Vishnevskaya Ye. M., Ivanova A. M. (2025) P onimaniye kak dialog s tekstom: generativnyy iskusstvennyy intellekt v obuchenii perevodu [Understanding as a Dialogue with the Text: Generative Artificial Intelligence in Translation Teaching]. *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoye obrazovaniye*, 2(58): 190–202.
- Gavrilenko N. N. (2018) Tsifrovaya kompetentnost' — klyuchevoy komponent professionalizma perevodchika [Digital Competence as a Key Component of Translator's Professionalism]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki*, 3: 139–150.
- Bahdanau D., Cho K., Bengio Y. (2015) Neural Machine Translation by Jointly Learning to Align and Translate. *International Conference on Learning Representations (ICLR)*.
- Bengio S., Vinyals O., Jaitly N., Shazeer N. (2015) Scheduled Sampling for Sequence Prediction with Recurrent Neural Networks. *Advances in Neural Information Processing Systems*, 28: 1171–1179.
- Bücker M. (2025) *Generative AI: Large Language Models*. FH Münster. Lecture Materials.
- Freitag M., Rei R., Mathur N., Lo C., Stewart C., Avramidis E., Kocmi T., Foster G., Lavie A., Martins A. F. T. (2022). Results of WMT22 Metrics Shared Task: Stop Using BLEU – Neural Metrics Are Better and More Robust. *Proceedings of the Seventh Conference on Machine Translation (WMT)*: 1031–1051.
- Guerreiro N. M., Alves D. M., Waldendorf J., Haddow B., Birch A., Colombo P., Martins A. F. T. (2023) Hallucinations in Large Multilingual Translation Models. *Transactions of the Association for Computational Linguistics*, 11: 1500–1517.
- He S. Prompting ChatGPT for Translation: A Comparative Analysis of Translation Brief and Persona Prompts. *arXiv preprint arXiv:2403.00127*. 2024.
- Koehn P. (2010) *Statistical Machine Translation*. Cambridge: Cambridge University Press: 466.
- Lee K., Firat O., Agarwal A., Fannjiang C., Sussillo D. (2018) Hallucinations in Neural Machine Translation. *NeurIPS 2018 Workshop on Interpretability and Robustness in AI*.
- Mosqueira-Rey E., Hernández-Pereira E., Alonso-Ríos D., Bobes-Bascarán J., Fernández-Leal Á. (2023) Human-in-the-loop machine learning: a state of the art. *Artificial Intelligence Review*, 56: 3005–3054.
- Müller M., Rios A., Sennrich R. (2020) Domain Robustness in Neural Machine Translation. *Proceedings of the 14th Conference of the Association for Machine Translation in the Americas*: 151–164.
- Nunes Vieira L. (2020) Post-editing of machine translation. *The Routledge Handbook of Translation and Technology* / ed. by M. O'Hagan. London: Routledge: 319–335.
- Och F. J., Ney H. A (2003) Systematic Comparison of Various Statistical Alignment Models. *Computational Linguistics*, 29, (2): 263–311.
- Raunak V., Menezes A., Junczys-Dowmunt M. (2021) The Curious Case of Hallucinations in Neural Machine Translation. *Proceedings of the 2021 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies*: 1172–1183.
- Raunak V., Menezes A., Junczys-Dowmunt M. (2023) Leveraging GPT-4 for Automatic Translation Post-Editing. *Findings of the Association for Computational Linguistics: EMNLP 2023*: 1209–1224.
- Reynolds P. (2015) Machine translation, translation memory and terminology management. *Handbook of Terminology: Vol. 1* / ed. by H. J. Kockaert, F. Steurs. Amsterdam: John Benjamins: 276–287.
- Singh P. R., Prasad K., Zaki M., Wasnik P. (2025) In-Domain African Languages Translation Using LLMs and Multi-armed Bandits. *Proceedings of ACL-25*.
- Vaswani A., Shazeer N., Parmar N., Uszkoreit J., Jones L., Gomez A. N., Kaiser Ł., Polosukhin I. (2017) Attention Is All You Need. *Advances in Neural Information Processing Systems*, 30: 5998–6008.
- Voita E., Sennrich R., Titov I. (2020) Analyzing the Source and Target Contributions to Predictions in Neural Machine Translation *Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*: 1126–1141.
- Wang C., Sennrich R. (2020) On Exposure Bias, Hallucination and Domain Shift in Neural Machine Translation. *Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*: 3544–3552.
- Wu Y., Schuster M., Chen Z., Le Q. V., et al. (2016) Google's Neural Machine Translation System: Bridging the Gap between Human and Machine Translation. *arXiv preprint arXiv:1609.08144*.

© Ефремова М.П., Солдатовина А.А., Демидова И.А., 2026

Информация об авторах:

Мария Павловна Ефремова – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия, 191023, город Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, литер А. Автор 47 научных публикаций. Сфера научных интересов: теория перевода, перевод и переводоведение, концептология, когнитивная лингвистика.

Вклад автора: разработка концепции, написание текста статьи, проведение исследования, изучение теоретических данных, редактирование текста, утверждение окончательного варианта. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 13.03.2025; принята после рецензирования 25.03.2026; опубликована онлайн 29.05.2026.

Анастасия Александровна Солдатихина – старший преподаватель кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия, 191023, город Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, литер А.. Автор 12 научных публикаций. Сфера научных интересов: теория перевода, перевод и переводоведение.

Вклад автора: редактирование текста, утверждение окончательного варианта. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 13.03.2025; принята после рецензирования 25.03.2026; опубликована онлайн 29.05.2026.

Ирина Алексеевна Демидова – старший преподаватель кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия, 191023, город Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, литер А.. Автор 22 научных публикаций. Сфера научных интересов: теория перевода, перевод и переводоведение, педагогический дизайн.

Вклад автора: редактирование текста, утверждение окончательного варианта. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 13.03.2025; принята после рецензирования 25.03.2026; опубликована онлайн 29.05.2026.

Information about the authors:

Maria P. Efremova – Candidate of Philological Sciences (PhD), Associate Professor at the Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State University of Economics, 30-32 Griboedov Canal Embankment, letter A, Saint Petersburg, 191023, Russia. Author of 47 scientific publications. Research interests: translation theory, translation and translation studies, conceptology, cognitive linguistics.

Author's contribution: conceptual development, writing the article, conducting the research, study of theoretical data, text editing, approval of the final version. No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 13.03.2025; adopted after review 25.03.2026; published online 29.05.2026.

Anastasia A. Soldatikhina – Senior Lecturer at the Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State University of Economics, 30-32 Griboedov Canal Embankment, letter A, Saint Petersburg, 191023, Russia. Author of 12 scientific publications. Research interests: translation theory, translation and translation studies.

Author's contribution: text editing, approval of the final version. No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 13.03.2025; adopted after review 25.03.2026; published online 29.05.2026.

Irina A. Demidova – Senior Lecturer at the Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State University of Economics, 30-32 Griboedov Canal Embankment, letter A, Saint Petersburg, 191023, Russia. Author of 22 scientific publications. Research interests: translation theory, translation and translation studies, instructional design.

Author's contribution: text editing, approval of the final version. No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 13.03.2025; adopted after review 25.03.2026; published online 29.05.2026.

Научная статья

УДК 811.11

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В АНИМАЦИОННОМ ФИЛЬМЕ «HERCULES»

Евгения Александровна Нильсен¹, Полина Юрьевна Филина²^{1, 2} Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия¹ SPIN: 1244-6886, ORCID: 0000-0002-4424-0706, janenilsen@mail.ru² Fpolina-2@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности перевода прозвищ героев детского комедийного музыкального анимационного фильма «Hercules». Делается вывод, что имена собственные представляют собой особенный инструмент создания образов персонажей, который позволяет создателям мультфильмов подчеркнуть индивидуальность героев и черты их характера. Перевод этих лексических единиц требует от переводчика осуществления большого объема работы по подбору эквивалентных лексических средств, позволяющих передать смыслы, заложенные в оригинале. Метод фреймового анализа позволяет ускорить процесс подбора эквивалентов и улучшить качество перевода.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, дубляж, анимационный фильм «Hercules», «говорящие» имена собственные, прозвища.

Original article

PECULIARITIES OF TRANSLATING PROPER NOUNS IN THE ANIMATED FILM «HERCULES»

Evgeniia A. Nilsen¹, Polina Yu. Filina²

St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

¹ SPIN: 1244-6886, ORCID: 0000-0002-4424-0706, janenilsen@mail.ru² Fpolina-2@mail.ru

Abstract. The article examines the peculiarities of translating character nicknames in the children's comedy musical animated film "Hercules." It is concluded that proper names serve as a unique tool for creating character images, allowing the filmmakers to emphasize the individuality of the characters and their personal traits. The translation of these lexical units requires a significant amount of work in selecting equivalent lexical means that convey the meaning embedded in the original text. The method of frame analysis helps to expedite the process of selecting equivalents and improves the quality of translation.

Keywords: audiovisual translation, dubbing, animated film "Hercules," "speaking" proper names, nicknames.

Введение. Анимационные фильмы являются неотъемлемой частью современного досуга, и их перевод играет важную роль в популяризации и распространении произведений подобного жанра по всему миру, делая их доступными для широкой аудитории. По сложившейся традиции, перевод анимационных произведений, нацеленных на детскую аудиторию, осуществляется методом дублирования, суть которого заключается в полной замене исходного текста перевода таким образом, что оригинальные реплики и голоса актеров озвучивания не слышны зрителю [Богинский, 2016]. Возраст аудитории, а также разница ментальных и культурных особенностей восприятия играют важнейшую роль, когда дело касается осуществления перевода. Переводчику следует учитывать рекомендации по цензурированию отдельных частей кинотекста, так как некоторые отсылки и шутки могут быть неприемлемыми для принимающей культуры [Song, 2012]. Особенности детской психологии оказывают влияние на выбор лексических единиц для передачи образов, заложенных в оригинальном произведе-

нии, так как перевод должен быть адаптирован под детское восприятие. Еще одну сложность представляет процесс воссоздания культурного фона оригинального произведения, особую роль в этом процессе играет перевод имен собственных [Скороходько, 2015].

Имена собственные можно разделить на несколько крупных групп, одной из которых являются антропонимы – имена собственные, называющие людей. Согласно классификации, предложенной Д. И. Ермоловичем, к словесным знакам, используемым для называния людей, относятся не только имена, присвоенные человеку официально, собственно, антропонимы, но и прозвища, представляющие собой альтернативные знаки, служащие для номинации людей, а также имена собственные смешанного типа, которые представляют собой индивидуализирующие знаки, состоящие из антропонима и нарицательного компонента [Ермолович, 2001].

Результаты исследования. Рассмотрим перевод имен героев анимационного фильма «Hercules» на русский язык. Особую роль в мультфильме играют прозвища, которыми персонажи называют друг друга. Данный тип имен собственных имеет статус «говорящих имен», для передачи которых используется метод покомпонентного перевода (калькирования). При проведении сопоставительного анализа имен собственных оригинального произведения и их вариантов, переданных на русском языке студией «Невафильм», выполнившей дублированный перевод анимационного фильма «Hercules», был осуществлен фреймовый анализ образов персонажей, актуализированных при использовании данных имен собственных. Ниже представлены результаты анализа некоторых из них.

К первой группе прозвищ следует отнести те, что используются для обозначения главного героя мультфильма, Геркулеса. Этот персонаж является сыном Зевса и Геры, и в детстве он пережил похищение слугами своего дяди Аида, который стремился избавиться от племянника для получения власти над Олимпом. Одно из первых прозвищ, которое звучит в мультфильме, – это «Hunkules», лексическая единица, которой героя называют музы, повествующие о подвигах героя. Данное имя собственное было создано благодаря игре слов: сочетание имени, данного герою при рождении («Hercules»), и лексемы «Hunk», которая, согласно словарю, имеет следующее значение: «a physically attractive man, usually with a well-developed physique» (внешне привлекательный мужчина с хорошо развитым телосложением), и может быть передана на русский язык как «качок» [Cambridge Dictionary]. В фрейме, актуализирующемся при просмотре оригинального произведения, данное прозвище может заполнять слот «физическая привлекательность». В дубляже переводчики воспользовались методом целостного преобразования, заменив данную лексему фразой «Что за мужчина? Вот душка!», где первая часть реплики, представленная выражением «Что за мужчина?», передает эмоциональную окраску оригинала. Лексема «душка», определяющая героя, в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова трактуется как «приятный, привлекательный человек (разг. фам.)» [Толковый словарь Ушакова]. Языковая игра оригинала утеряна, но слот «физическая привлекательность» был сохранен, однако произошло сужение смысла оригинального прозвища «привлекательный из-за мускулистого телосложения» до более общего значения «приятный, привлекательный», что не репрезентирует идеальный внешний вид героя, а может также описывать добродушный характер героя («приятный»).

Прозвища «Destructo Boy» и «Jerkules» Геркулес получает от сверстников, которые становятся свидетелями того, как герой, неспособный грамотно распоряжаться своей силой, разрушает местный рынок. Имя собственное «Jerkules» имеет ту же основу, что и «Hunkules» – имя собственное, данное главному герою при рождении («Hercules»). Лексема «Jerk» в словаре трактуется как «an annoyingly stupid or foolish person» (раздражающе глупый человек) [Urban Dictionary], и, согласно данным двуязычного словаря, имеет следующие соответствия в русском языке: «сопляк», «болван» (и прочие вульгаризмы с более негативной коннотацией) [Multitran]. Данное прозвище оязыковляет слот «исходный статус героя», подчеркивая глупость героя и его неуклюжесть. В переводе на русский язык переводчики передали данное имя собственное как «Дуркулес», сохранив связь прозвища с именем персонажа посредством слога «лес». Первая часть прозвища содержит лексему «дурк», которая отсылает зрителя к вульгаризму «дурак». Согласно данным словаря русского языка под редакцией Евгеньевой, данная лексема трактуется как «глупый, тупой человек» [Словарь русского языка]. Подобный вариант передачи этого прозвища на русский язык можно считать эквивалентным, так как он сохраняет характеристику героя, заложенную в оригинале. Однако раздражение, которое испытывают второстепенные

персонажи, наблюдая за действиями главного героя, в переводе на русский язык при передаче прозвища было утрачено.

Прозвище «Destructo Boy» состоит из двух имен нарицательных и является говорящим именем собственным; его первая часть «Destructo» очень похожа на английское слово «destruct» – «разрушать», «уничтожать», а его форма, вероятно, отсылает нас к испанскому или итальянскому языкам. Однако в словарях испанского и итальянского языков похожих слов нет, а в словаре английского языка есть слово «destructor», от латинского слова «*destructus*» – «разрушение» [Merriam-Webster Dictionary]. Вторая часть прозвища представлена лексемой «Boy», которая в словаре трактуется как «a male child or, more generally, a male of any age» (ребенок мужского пола или, более часто, представитель мужского пола любого возраста) [Cambridge Dictionary]. Несмотря на тот факт, что лексема «boy» может называть любого представителя мужского пола, оригинальное прозвище актуализирует в сознании реципиента когнитивный фрейм, который можно охарактеризовать как «молодой и неопытный человек, чья неконтролируемая сила приносит ущерб окружающим». В переводе на русский язык данное прозвище было передано как «Герк-крушитель», в котором встречается компонент «Герк» – сокращение от имени «Геркулес», обладающее идентификационным значением, что позволяет точно определить референта прозвища. Лексема «крушитель» является именем существительным и происходит от глагола «крушить», который, согласно данным толкового словаря под редакцией Евгеньевой, имеет значение «с силой ломать, разбивать на части, разрушать» [Словарь русского языка]. В переводе на русский язык происходит небольшой сдвиг: если в оригинальном произведении разрушительная сила Геркулеса связана с его неопытностью, то в дубляже эта идея утрачена.

Мегара, которую Геркулес спасает от кентавра в их первую встречу, называет героя именем «Wonderboy», которое состоит из двух лексем: «wonder» и «boy». Слово «wonder» в словаре трактуется как «a cause of astonishment or admiration» (причина удивления или впечатления) [Cambridge Dictionary], что характеризует Геркулеса как объект восторга, чьи способности и поступки вызывают восхищение у окружающих. Данное прозвище поддерживается визуальной составляющей мультфильма, так как впервые Геркулес получает его после блестящей победы над монстром. В переводе на русский язык данное прозвище передано лексемой «Вундеркинд», которая в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова трактуется как «Ребенок или подросток, проявляющий необыкновенные умственные или художественные дарования», что смещает акцент на другие отличительные черты героя [Толковый словарь Ушакова]. В оригинальном произведении образ героя репрезентируется через фрейм «юный, физически сильный герой», и прозвище «Wonderboy» напрямую отсылает зрителя к физическим подвигам Геркулеса и его невероятной силе. В русском языке лексема «вундеркинд» определяет интеллектуальные способности ребенка, который быстро развивается, из-за чего элемент восхищения силой и подвигами героя в переводе на русский язык элиминируются, и происходит сдвиг в восприятии образа персонажа.

Прозвища божественных существ в оригинале совмещают в себе элементы возвышенного и более приземленного. Так, Зевса называют Mr. Lightning Bolts, где Mr. – «Мистер» – уважительная форма обращения к мужчине создает комический эффект, снижая статус главного божества древнегреческого пантеона до уровня обычного «начальника» божественных существ. Вторая часть прозвища представляет собой «говорящее имя», отсылающее реципиента к стихии этого божества, главным оружием которого являются молнии (lightning bolts) [Merriam-Webster Dictionary]. В совокупности, все элементы этого прозвища характеризуют Зевса как «главного по молниям», а дословно данное имя собственное можно передать как «Мистер Молнии» – все это лишает героя мистического ореола. В переводе появляется вариант «большая шишка», которое является не прозвищем, а метафорой, характеризующей персонажа. Данное словосочетание представляет собой фразеологическое выражение, которое имеет иронический оттенок и трактуется как «важный, значительный, влиятельный человек», что подчеркивает статус Зевса среди прочих божественных существ [Толковый словарь Ушакова].

Еще одно прозвище, которым Аид называет своего брата, в оригинальном произведении звучит как «Zeusy», что не является говорящим именем собственным и представляет собой форму имени «Zeus» (Зевс) с добавлением суффикса «у», который используется для образования неформальных прозвищ и ласковых обращений [Ермолович, 2001]. Визуальный ряд произведения в момент произне-

сения прозвища (Аид захватывает Олимп), интонация и мимика героя демонстрируют пренебрежительное отношение Аида к своему брату, верховному богу. В данном случае проявляется контраст между высоким статусом референта (бог-громовержец, высшее божество Олимпа, почитаемое жителями Древней Греции) и фамильярным именем собственным. Данное прозвище характеризует не только своего референта, но того, кто его применяет, Аида, создавая образ того, кто не признает высших авторитетов и способен идти против власти. В переводе на русский язык появляется вариант «Зюся», что представляет собой более свободное преобразование имени «Зевс»: происходит трансформация корня и добавление «ю», который используется для создания ласкового прозвища в русском языке [Ермолович, 2001]. Данное имя в переводе на русский язык создает тот же эффект, что в оригинале: передает пренебрежительное отношение к Зевсу.

Аида в оригинале сопровождает прозвище «Lord of the Dead», которое, в отличие предыдущего имени собственного, характеризующего Зевса, не направлено на создание юмористического фона. Слово «Lord» (господин) имеет возвышенный оттенок; согласно словарю, оно означает «a title used in front of the names of male peers and officials of very high rank» (титул, занимающий положение перед именами мужчин высокого чина и ранга), подчеркивает не личные качества героя, а его положение и силу [Merriam-Webster Dictionary]. Вторая часть прозвища определяет сферу, на которую распространяется власть Аида. Это прозвище подчеркивает силу персонажа и подчеркивает его контраст с Зевсом; такое противопоставление играет важную роль в создании характера персонажа. На русский язык прозвище Аида передали как «Лорд Подземелий», не сохранив фокус на его власти над душами мертвых, его главенствующее положение над смертью. В переводе слово «подземелья» вызывает ассоциации с чем-то приключенческим, загадочным, прозвище отсылает к месту, над которым распространяется власть героя, но не к сути его божественной силы [Большой толковый словарь русского языка].

Учителем Геркулеса становится персонаж по имени Филоктет, который является сатиром. В древнегреческой мифологии сатиры являются антропоморфными существами, имеющими лошадиные уши и хвост, а также козлиные ноги. Мегара, с которой у Филоктета были напряженные отношения, называет персонажа словом «Pinto», которое трактуется как «a horse or pony of various breeding that is marked with patches of white and another color» (лошадь или пони пегой масти с пятнами белого или иного цвета) [Merriam-Webster Dictionary]. Данное прозвище использовалось для того, чтобы продемонстрировать зооморфную природу данного персонажа, который не отождествляет себя с животными (продемонстрировано в мультфильме), и подобное сравнение для него является оскорбительным. В переводе на русский язык данное прозвище было передано лексемой «Коротышка», которая в словаре трактуется как «человек небольшого роста» [Словарь русского языка].

Оригинальная метафора, основанная на сходстве Филоктета с копытными животными, которых тот не любит и не воспринимает как равных себе существ, в переводе на русский язык заменяется антропоморфной характеристикой – оскорбление персонажа, связанное с его нечеловеческой природой, заменяется на обычную «дразнилку», основанную на физическом параметре. Одной из причин подобной замены может быть ориентация на детскую аудиторию.

Дословный перевод лексемы «Pinto» ("Пегая лошадь") не воспринимался бы русскоязычным зрителем как оскорбление из-за своей громоздкости, из-за чего переводчики выбрали стратегию полной замены и использовали лексику «коротышка», которая сохраняет и передает пренебрежительно-насмешливые коннотации оригинала и доступна для восприятия аудитории перевода.

Таким образом, фрейм, репрезентируемый прозвищем «Pinto» в оригинальном произведении («животная природа Филоктета») в переводе на русский язык полностью элиминируется и заменяется фреймом («физический недостаток»). Внутренний конфликт персонажа, связанный с его неприятием себя и своей сущности в дубляже утрачивается, из-за чего образ Филоктета перестает быть глубоким и становится более поверхностным.

Выводы. Как показывает материал исследования, прозвища в анимационных фильмах обладают как номинативной, так и характеризующей, эмоционально-оценочной и сюжетообразующей функциями. Данный тип имен собственных актуализируют в сознании зрителей когнитивные фреймы, репрезентирующие отношения между персонажами, а также характеризующие героев по социальным, возрастным и статусным признакам. В анимационном фильме «Hercules» прозвища создают интерес-

ный образ главного героя и подчеркивают физическую привлекательность и силу Геркулеса после обретения его героического статуса, а также акцентируют внимание зрителя на его неопытности и неумении контролировать свою разрушительную силу до прохождения обучения у Филоктета. Прозвища, данные прочим, второстепенным персонажам, необходимы для демонстрации их комплексов («Pinto»), а также их взаимоотношений друг с другом («Mr. Hey, get off my cloud»).

В переводе на русский язык наблюдается трансформация фреймов, актуализированных в оригинальном произведении. Приоритет в переводе отдается сохранению прагматической функции оригинала и эмоциональной оценке персонажей. Прозвища в данном произведении содержат элементы языковой игры, культурные отсылки или сложные структуры, которые не сохраняются в переводе на русский язык и либо заменяются описательными функциями, либо адаптируются для русскоязычной детской аудитории путем выбора функционально близких эквивалентов.

Список источников

- Богинский, И. А. Перевод американских аудио-медиа-текстов на русский язык: сущность и проблемы / И. А. Богинский // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevod-amerikanskih-audio-medialnyh-tekstov-na-russkiy-yazyk-suschnost-i-problemy> (дата обращения: 15.03.2026).
- Ермолович, Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д. И. Ермолович. Москва: Р. Валент, 2001. 200 с.
- Скороходько, С. А. Мультипликационный фильм как переводческая проблема / С. А. Скороходько, М. А. Коган // Мировая литература на перекрестке культур и цивилизаций. 2015. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/multiplikatsionnyy-film-kak-perevodcheskaya-problema> (дата обращения: 15.03.2026).
- Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. Москва: Наука, 1973. 352 с.
- Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под общ. ред. С. А. Кузнецова. Режим доступа: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (дата обращения: 15.03.2026).
- Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Москва: Русский язык: Полиграфресурсы, 1999. Режим доступа: <http://feb-web.ru> (дата обращения: 15.03.2026).
- Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/ushakov> (дата обращения: 15.03.2026).
- Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 15.03.2026).
- Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 15.03.2026).
- Multitran [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.multitran.com> (дата обращения: 15.03.2026).
- Song, C. Creativity in Translating Cartoons from English into Mandarin Chinese / C. Song // The Journal of Specialised Translation. 2012. No. 17. P. 124–135.

Urban Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.urbandictionary.com> (дата обращения: 15.03.2026).

References

- Boginskii, I. A. (2016) Perevod amerikanskikh audio-medialnykh tekstov na russkii yazyk: sushchnost i problemy [Translation of American Audio-Media Texts into Russian: Essence and Problems]. Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk [Current Issues in the Humanities and Natural Sciences]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevod-amerikanskih-audio-medialnyh-tekstov-na-russkiy-yazyk-suschnost-i-problemy> (accessed: 15.03.2026). (In Russ.)
- Bolshoi tolkovyi slovar russkogo yazyka [Comprehensive Explanatory Dictionary of the Russian Language] / ed. by S. A. Kuznetsov. Available at: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (accessed: 15.03.2026). (In Russ.)
- Cambridge Dictionary. Available at: <https://dictionary.cambridge.org> (accessed: 25.05.2026).
- Ermolovich, D. I. (2001) Imena sobstvennye na styke yazykov i kultur [Proper Names at the Intersection of Languages and Cultures]. Moscow, R. Valent: 200. (In Russ.)
- Merriam-Webster Dictionary. Available at: <https://www.merriam-webster.com> (accessed: 25.05.2026).
- Multitran. Available at: <https://www.multitran.com> (accessed: 15.03.2026).
- Skorokhodko, S. A., Kogan, M. A. (2015) Multiplikatsionnyi film kak perevodcheskaya problema [Animated Film as a Translation Problem]. Mirovaya literatura na perekrestye kultur i tsivilizatsii [World Literature at the Crossroads of Cultures and Civilizations]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/multiplikatsionnyy-film-kak-perevodcheskaya-problema> (accessed: 15.03.2026). (In Russ.)
- Slovar russkogo yazyka: v 4 t. [Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.] / ed. by A. P. Evgenieva. (1999) Moscow, Russkii yazyk, Poligrafresursy. Available at: <http://feb-web.ru> (accessed: 25.05.2026). (In Russ.)
- Song, C. (2012) Creativity in Translating Cartoons from English into Mandarin Chinese. The Journal of Specialised Translation, 17: 124–135.
- Superanskaya, A. V. (1973) Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo [General Theory of Proper Names]. Moscow, Nauka: 352. (In Russ.)

Tolkovyi slovar Ushakova [Ushakov's Explanatory Dictionary]. Available at: <https://gufo.me/dict/ushakov> (accessed: 15.03.2026). (In Russ.)

Urban Dictionary. Available at: <https://www.urbandictionary.com> (accessed: 15.03.2026).

© Нильсен Е.А., Филина П.Ю., 2026

Информация об авторе:

Нильсен Евгения Александровна – зав. кафедрой английской филологии и перевода, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, наб. канала Грибоедова, 30-32 (литера А), 191023, г. Санкт-Петербург, Россия. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, перевод и переводоведение, история английского языка, диахроническая концептология.

Вклад автора: разработка концепции, проведение исследования, подготовка текста, утверждение окончательного варианта. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 20.03.2026; принята после рецензирования 15.04.2026; опубликована онлайн 29.05.2026.

Филина Полина Юрьевна – магистрант 2 курса, направление подготовки 45.04.02 – Лингвистика, Институт Магистратуры, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, наб. канала Грибоедова, 30-32 (литера А), 191023, г. Санкт-Петербург, Россия. Сфера научных интересов: перевод и переводоведение, когнитивная лингвистика.

Вклад автора: разработка концепции, проведение исследования, подготовка текста. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 20.03.2026; принята после рецензирования 15.04.2026; опубликована онлайн 29.05.2026.

Information about the author:

Evgeniya A. Nilsen – Head of the Department of English Philology and Translation, Doctor of Philology, Professor, Saint Petersburg State University of Economics, 30-32 nab. kanala Griboyedova, lit. A, 191023 St. Petersburg, Russia. Research interests: cognitive linguistics, translation studies, history of the English language, diachronic conceptology.

Author's contribution: development of the concept, conducting the research, preparation of the text, approval of the final version. Received 20.03.2026; adopted after review 15.04.2026; published online 29.05.2026.

Polina Yu. Filina – 2nd year master's student, 45.04.02 Linguistics, Institute of Master's Studies, Saint Petersburg State University of Economics, 30-32 nab. kanala Griboyedova, lit. A, 191023 St. Petersburg, Russia. Research interests: translation studies, cognitive linguistics.

Author's contribution: development of the concept, conducting the research, preparation of the text. Received 20.03.2026; adopted after review 15.04.2026; published online 29.05.2026.

Научная статья

УДК 81'33

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ КОГНИТИВНОЙ ТЕРМИНОГРАФИИ**Максим Владимирович Файбушевский**

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

SPIN: 9045-5334, ORCID: 0009-0007-3036-1906, faiboushevski@mail.ru

Аннотация. Когнитивный вектор развития терминоведения оказал существенное влияние как на его теорию, так и на практическую терминологическую деятельность. Ярким примером такого рода является терминография – научное-практическое направление в терминоведении, основной задачей которого является описание принципов и инструментария в создании терминологических словарей. Новым этапом в науке и практике составления специальных словарей стала когнитивная терминография, теоретическая база которой непосредственно связана с основами традиционного и когнитивного терминоведения, терминографии. Труды выдающихся отечественных терминоведов и терминологов, лексикографов О. В. Александровой, А. С. Герда, Е. И. Головановой, С. В. Киселевой, З. И. Комаровой, В. М. Лейчика, В. Ф. Новодрановой, А. Я. Шайкевича и других исследователей остаются незаменимым источником для формирования фундаментальных основ деятельности, направленной на построение терминографической модели, включающей лексикографические параметры, демонстрирующие когнитивные элементы терминологической сферы. В настоящей статье проанализирован теоретический и практический базис когнитивной терминографии – науки о проектировании специальных словарей, учитывающих когнитивные аспекты терминоведения. Особое внимание уделено предмету, объекту, целям и задачам нового научного направления, объекту лексикографирования, формату, а также логике макро- и микроструктуры специального ресурса. Сформулировано рабочее определение когнитивной терминографии, представлены ее проблематика, а также перспективы. Цифровая трансформация в вопросах формализованной демонстрации знания имеет решающее значение в расширении логики практической терминографии, объема и композиции специального словаря, диверсификации его источников, общих принципов организации ресурса, антропоцентрического характера терминографической деятельности.

Ключевые слова: термин, концепт, понятие, терминография, терминологический словарь, когнитивная терминография.

Original article

THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS OF COGNITIVE TERMINOGRAPHY**Maxim V. Faiboushevskiy**

St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

SPIN: 9045-5334, ORCID: 0009-0007-3036-1906, faiboushevski@mail.ru

Abstract. The cognitive development of terminology has had a significant impact on its conclusions and practical terminological work. One example of this is terminography – a scientific and practical approach to terminology whose core element is the description and tools for compiling terminological dictionaries. A new stage in the science and the compilation of specialized vocabulary was marked by cognitive terminography, a theoretical framework directly linked to the foundations of traditional and cognitive terminology. The works of outstanding Russian terminologists, lexicographers O.V. Alexandrova, A.S. Gerd, E.I. Golovanova, S.V. Kiseleva, Z.I. Komarova, V.M. Leichik, V.F. Novodranova, A.Ya. Shaikevich and other researchers remain an indispensable source for the formation of fundamental foundations for activities aimed at constructing a terminographic model that includes lexicographic parameters demonstrating the cognitive elements of the terminological sphere. This article analyzes the theoretical and practical foundations of cognitive terminography.

graphy – the science of designing specialized vocabulary that takes into account the cognitive aspects of terminology. Particular attention is paid to the subject, object, goals, and objectives of this new scientific field, as well as the object of lexicography, format, and logic of the macro- and microstructure of specialized resources. The paper formulates a working definition of cognitive terminography and presents its problems and prospects. Digital transformation in matters of formalized knowledge demonstration is of great importance in expanding the logic and scope of practical terminology, the composition of specialized vocabulary, the diversification of its sources, the general principles of resource organization, and the anthropocentric nature of terminographic work.

Keywords: term, concept, notion, terminology, terminological dictionary, cognitive terminography.

Введение и постановка проблемы. Когнитивная парадигма, актуальная для современной лингвистики, оказала существенное влияние на терминологическую науку. Появление когнитивного терминоведения в определенной степени изменило вектор его прикладных направлений, первым из которых по праву считается терминография – наука о создании, использовании, классификации специальных словарей. Данная тенденция привела к расширению типов объекта лексикографирования – от совокупностей специальных знаков терминологической системы до логико-понятийных систем как совокупностей специальных понятий, концептов определенной науки, научного направления, сферы деятельности и проч.

В данной работе, продолжающей серию трудов автора, посвященных лексикографическому описанию терминосистем в русле когнитивной терминографии, представлены базовые теоретические и практические положения современной терминографии, логика и принципы терминографирования с точки зрения когнитивного подхода.

История вопроса. Зарождение теории терминографии (или ранее – научно-технической/терминологической/отраслевой лексикографии) принято связывать с именами известных отечественных специалистов по прикладной и компьютерной лингвистике: А. С. Герда, С. В. Гринева-Гриневича, З. И. Комаровой, Ю. Н. Марчука, А. Я. Шайкевича. В. М. Лейчик и С. В. Гринев-Гриневич отмечают: «с начала 1980-х гг. основными направлениями терминологических исследований стали разработка теории терминографии и терминологических банков данных (...)» [Гринев, 1999: 8]. С этого времени и до настоящего момента выходят в свет фундаментальные труды, описывающие основные положения науки о специальных словарях [Шайкевич, 1983; Герд, 1986; Марчук, 1992; Гринев-Гриневич, 2021; Комарова, 2023]. Когнитивные ориентиры, доминирующие в лингвистике в последние десятилетия, стали актуальными и для терминоведения. В работах О.В. Александровой, Л. М. Алексеевой, Е. И. Головановой, С. В. Киселевой, В. М. Лейчика, С. Л. Мишлановой, В. Ф. Новодрановой, П. И. Шлейвиса и других исследователей были определены ключевые вопросы, представлен теоретический базис когнитивного терминоведения как нового этапа развития терминологической науки [Александрова, 2021; Алексеева, 2021; Голованова, 2024; Киселева, 2018; Киселева, 2020; Новодранова, 1998; 2013; Новодранова, 2012; Шлейвис, 2016]. Кроме того, появляются исследования, в которых с позиций когнитивной науки рассматриваются логико-понятийные системы определенных направлений в совокупности с терминологическими системами, являющимися их знаковым выражением [Киселева, 2017; Росянова, 2017; Руберт, 2018] и др.

Закономерным результатом кропотливой работы специалистов по когнитивному терминоведению можно назвать появление когнитивной терминографии – науки о специальных словарях, при составлении которых учитывается когнитивная составляющая. В формальном отношении речь идет о создании системы «когнитивных акцентов» в терминологическом словаре, подразумевая под последним как специальный словарь-концептуарий, так и классический терминологический лексикографический ресурс.

Впервые понятие «когнитивная терминография» прозвучало в работах Ю. Г. Кокориной, опубликовавшей в 2011 году монографию «Терминосистема концептуальной области «Археология» и определившей в ней основные теоретические положения данного научного направления в сопоставлении с базовыми предметом, объектом, целями и задачами традиционной терминографии и классической лексикографии. Согласно данному исследованию, предмет когнитивного терминоведения – «раз-

работка (...) методологии и конкретных приемов составления словарей логически осмысленных концептов, которые находят свою объективацию в термине», объект же совпадает с объектом традиционной терминологии, то есть «терминология или терминосистема конкретной науки или области знания» [Кокорина, 2011: 257 – 258].

Методика исследования. Весьма логично изложенные в монографии и в других трудах Ю. Г. Кокориной, реализованные в прикладной лексикографической деятельности, данные определения во многом актуальны для специального словаря-концептуария. Вместе с тем современная работа, связанная с построением терминологического словаря – способа формализованного представления знания как логико-понятийной системы, требует несколько иного взгляда на базовые положения когнитивной терминологии.

Лексикографирование в известном смысле можно представить как метод, исследовательский процесс и наглядный результат терминологической деятельности. Словарь в самом широком смысле также необходимо рассматривать как процесс, результат, особую разновидность текста, источник (для) филологического исследования. Текстовая природа словаря сегодня, как и десятилетия назад, сводится к пониманию лексикографического ресурса как вторичного текста [Герд, 2011: 32]. Однако продуктивная словарная деятельность, создание новых словарей немыслимы без опыта предшествующих поколений. В настоящее время словарь – это и вторичный, и «третичный» ресурс: в актуальном лексикографическом источнике использование имеющихся словарных работ – не компиляция, а своеобразная диверсификация источников, расширение круга адресатов и логики лексикографической деятельности в целом. Эту тенденцию можно наблюдать в исключительно востребованных открытых, «свободных» и контекстных словарях (или прочих лексикографических источниках), а также корпусных ресурсах.

Максимально линейно представляя теоретическую основу терминологии, можно увидеть ее как некую совокупность переведенных в терминологический формат лексикологических основ лексикографии и ее формального инструментария, а также теоретического базиса терминоведения. Таким образом, кажется очевидной позиция, согласно которой терминология – научно-практическое направление на стыке терминоведения и лексикографии. Такое упрощение может иметь место, хотя и с некоторыми оговорками.

Специальный словарь – это всегда определенный этап в упорядочении терминологии, в терминах терминоведения – нормализация как стандартизации и рекомендации терминологий [Гринев-Гриневич, 2008: 229]. Этот этап можно назвать промежуточным, то есть (синхронным) срезом формализованного научного знания в лексикографическом выражении. Терминологические словари появились задолго до возникновения терминоведения и терминологии, что объясняется в числе прочего острой потребностью стандарта и источника универсального языка профессионального общения и его знаковой структуры. Терминоведение с его системным подходом к специальному языку и анализу терминосистем явилось (как уже было сказано выше) теоретическим базисом терминологии, также, как и лексикология для лексикографии: «общеизвестно, что лексикография тесно связана с лексикологией, во многом используя результаты лексикологических исследований и, в свою очередь, предоставляя материал для постановки и решения лексикологических проблем. Такая же тесная связь существует между терминологией и терминоведением – многие проблемы, исследуемые терминоведами, возникли в практике разработки терминологических словарей, и решение этих проблем влияет на методы составления словарей» [Гринев-Гриневич и др., 2023: 306]. Проблемы определения термина, классификации специальной лексики, формирования терминологий и конструирования терминосистем [Лейчик, 2022] не просто актуальны для терминологии, но отчасти маркируются и решаются с помощью практической терминологической работы.

Переходя непосредственно к решаемому вопросу, определим, как именно влияет необходимость отображать когнитивные аспекты на практическую терминологическую деятельность. Как справедливо отмечает С.В. Киселева: «иногда лингвистам трудно было найти ответ на целый ряд важных вопросов, связанных с репрезентацией знаний в сознании человека, роли системы образов при актуализации значения, тождественности языкового и речевого уровней восприятия лексики и др.» [Киселева, 2009: 8]. Когнитивным терминоведением разрабатывается ряд актуальных для лингвистики проблем, в числе которых логико-понятийная организация знания, категоризация и классификация его

элементов, а также представление результатов когнитивной деятельности человека. Согласно В. Ф. Новодрановой: «закрепив полученную человеком информацию, термин сам становится инструментом познания, поскольку дает возможность обобщить научные факты, умножать знания и передавать их следующим поколениям ученых» [цит. по Татарinov, 2006: 82].

В видении термина инструментом и вербализованным результатом профессиональной деятельности человека, когнитивное терминоведение, как и когнитивная лингвистика, оперирует понятиями концепт, концептосфера, рассматривая терминосистему и логико-понятийную систему определенной области знания в совокупности. Когнитивное терминографирование – это либо работа над моделями словарей-концептуариев, либо совершенствование методов или приемов, указывающих на когнитивные аспекты термина, своеобразная система когнитивных акцентов. Важной особенностью такого рода словарей является полипараметричность как возможность целостного лексикографического портрета термина (и/или специального понятия).

Принципы полипараметрической лексикографии могут быть в исключительном смысле востребованы и в когнитивной терминографии, однако, бесспорно, они должны быть согласованы с концепцией гипертрофированного антропоцентризма с его максимальной ориентацией на адресата словаря. Но линейное деление на антропоцентрическую и лингвоцентрическую лексикографию для терминографии не может быть актуально. Специальный словарь призван и «фиксировать, описывать, оценивать имеющиеся языковые факты» (лингвоцентризм) и «помочь человеку, во-первых, в формировании языка как принадлежности сознания, а во-вторых, в эффективном использовании языка» (антропоцентризм) [Дубичинский, 2009: 337].

Вопрос формата такого ресурса – это отдельная проблема, на протяжении многих лет решаемая в лексикографии и имеющая непосредственное отношение к когнитивной терминографии. Возможно, одной из центральных сложностей в разрешении этого вопроса (в условиях общей цифровой трансформации) является своеобразная «закрытость» лексикографических платформ, а также необходимость привлечения к лексикографической работе широкого круга специалистов. А. С. Герд отмечает: «термины, в силу характера своего значения, как никакой другой пласт лексики, располагают к применению автоматизации вплоть до создания настоящих терминологических словарей по отдельным заранее заданным семантическим параметрам, компонентам (...). Сами параметры описания можно группировать по их позиции в определении термина в зависимости от характера науки, ориентации словаря» [Герд, 1988: 231]. Выбор определенной цифровой лексикографической платформы реализуется исходя из конкретных задач, что отражено в научных работах, посвященных использованию информационных технологий в лексикографии и переводе, прикладной и компьютерной лингвистике в целом [Михайлова, 2011], [Митренина, 2025] и др.

Формально-композиционную составляющую специального лексикографического ресурса принято делить на макроструктуру (общая система организации) и микроструктуру (логика и состав словарной статьи). Аспекты описания конкретных особенностей лексикографируемой единицы называют параметрами, которые детально описаны и в науке о терминологических словарях. Названный принцип организации переходит в терминографию из лексикографии, где уже была разработана детальная система таких параметров. Ю. Н. Караулову принадлежит классическое определение лексикографического параметра: «под параметром понимается некоторый квант информации о языковой структуре, который в экстремальном случае может представлять для пользователя самостоятельный интерес, но, как правило, выступает в сочетании с другими квантами (параметрами) и находит специфическое выражение в словарях; иными словами – это особое словарное представление структурных черт языка» [Караулов, 1981: 51]. Кроме того, ученым также приведена подробная классификация данных параметров.

Таким образом, в теоретической и практической плоскости когнитивная терминография напрямую связана с рядом фундаментальных лингвистических и даже философских принципов организации и фиксации знания:

- Междисциплинарный характер теоретической и практической базы;
- Антропоцентризм и лингвоцентризм в подходе к прикладной работе;
- Полипараметричность в широте лексикографического изображения;

- Диверсификация ресурсной базы в аспекте целесообразности отбора материала для составления ресурса;

- Нелинейное понимание объекта терминографирования.

Сформулируем основные теоретические и практические аспекты когнитивной терминографии: определение, предмет и объект, цели и задачи науки, теоретическую основу в формально-дисциплинарном отношении, основную логику и объект лексикографического описания, а также проблему источников.

Полученные в ходе анализа результаты исследования. *Определение.* Когнитивная терминография – направление в терминографии, изучающее проблемы теории и практики составления специальных словарей, описывающих когнитивные аспекты терминологической сферы. Под последними понимается широкий спектр сформированных современным терминоведением когнитивноориентированных акцентов, позволяющих увидеть совокупности терминов как знаковых моделей логико-понятийных систем наук.

Предмет когнитивной терминографии – формирование лексикографического инструментария для составления терминологических словарей, отражающих принцип конструирования логико-понятийных систем конкретной области знания сквозь призму конкретной концептуальной области.

Объектом когнитивной терминографии можно назвать логико-понятийную систему определенной области знания, находящую объективацию в системе специальных единиц и ключевых понятий терминов как концептов этой области.

Теоретическим базисом когнитивной терминографии является когнитивное терминоведение.

Цель – создание лексикографической модели, позволяющей на уровне макро- и микрокомпозиции специального лексикографического ресурса отображать когнитивные аспекты терминов и терминосистем. Данная цель достигается последовательным решением ряда *задач*:

- Отобрать современные авторитетные первичные и вторичные тексты (монографии и прочие научные труды, учебные пособия, актуальные и сходные по тематике лексикографические ресурсы) как источники для словаря;

- Сконструировать знаковую систему конкретной области – терминосистему, включающую в себя специальные единицы, которые могут быть востребованы пользователями;

- Выстроить и описать определенный принцип (или принципы) организации логико-понятийной системы лексикографируемой области;

- Связать концепцию макро- и микрокомпозиции с логикой терминосистемы и логико-понятийной системы, используя идею лексикографической параметризации;

- Разработать систему лексикографической реализации когнитивных акцентов: на всех уровнях структуры словаря: макроструктура как общий замысел – элементы макроструктуры – дополнительные параметры (индексы и проч.).

Таким образом, *объектом лексикографирования* является совокупность специальных единиц и логико-понятийная система (в более традиционном случае) и/или совокупность специальных концептов конкретной области знания. Стоит особенно подчеркнуть, что данный вариант «и/или» – это не взаимоисключающие объекты. Современный лексикографический ресурс в обозримой перспективе сможет совмещать в себе все необходимые перечисленные элементы: благодаря продуманной цифровой или традиционной (бумажной) лексикографической модели реализации.

Отчасти технический вопрос *формата* такого источника решается либо обращением к бумажному формату, что обозначает некоторый регресс и громоздкость ресурса, либо переходом терминографической работы в проектную плоскость.

Перспективы дальнейшей исследовательской работы по указанной теме и выводы. Когнитивная терминография ставит перед исследователями целый ряд задач, которые еще необходимо решить: от разработки универсальных моделей терминографического представления когнитивных аспектов терминов и терминологий (в самом широком смысле) до решения формальных проблем формата ресурсов и реализации словаря в проектной организации лексикографической работы.

Когнитивная терминография позволяет представить словарь как «понятийный хаб», связывающий пользователя и составителя, а также позволяющий осуществлять навигацию по различным информативным элементам словаря согласно запросам пользователя. Кроме того, данное направление

терминографии решает важные теоретические и практические задачи, связанные с логикой формализованного представления знания, его знаковой и понятийной системами, пониманием проектирования лексикографического ресурса как необходимого этапа нормализации терминологий.

Список источников

- Александрова, О. В. Изменение терминологии в условиях новой языковой парадигмы / О. В. Александрова // Актуальные проблемы современной лингвистики: сборник научных статей к юбилею доктора филологических наук, профессора Ирины Борисовны Руберт / под ред. д.ф.н., проф. Е. А. Нильсен, д.ф.н., проф. И. В. Кононовой. 2021. С. 7-12.
- Алексеева, Л. М. Вековой путь российского терминоведения / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова // Научный диалог. 2021. № 9. С. 9-34.
- Герд, А. С. Введение в изучение языков для специальных целей / А. С. Герд. СПб: СПбГУ РИО, 2011. 60 с.
- Герд, А. С. Еще раз об автоматизации лексикографических работ / А. С. Герд // Советская лексикография: сборник статей / редколл. Ю. Н. Караулов и др. 1988. С. 225-232.
- Герд, А. С. Основы научно-технической лексикографии (как работать над терминологическим словарем) / А. С. Герд. Л.: ЛГУ, 1986. 72 с.
- Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение / Е. И. Голованова. М.: Флинта : Наука, 2024. 224 с.
- Гринев, С. В. К Истории отечественного терминоведения / С. В. Гринев, В. М. Лейчик // Научно-техническая информация. 1999. № 7. С. 1 – 13.
- Гринев-Гриневиц, С. В. Терминоведение / С. В. Гринев-Гриневиц, Э. А. Сорокина, М. А. Молчанова. М.: Ленанд, 2023. – 500 с.
- Гринев-Гриневиц, С. В. Введение в терминоведение / С. В. Гринев-Гриневиц. М.: Издательский центр «Академия» 2008. 304 с.
- Гринев-Гриневиц, С. В. Введение в терминографию / С. В. Гринев-Гриневиц. М.: ЛИБРОКОМ, 2021. 222 с.
- Дубичинский, В. В. Лексикография русского языка / В. В. Дубичинский. М.: Флинта : Наука, 2009. 432 с.
- Караулов, Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю. Н. Караулов. М.: Наука, 1981. 366 с.
- Киселева, С. В. Когнитивный сдвиг в современном зарубежном терминоведении: обзор основных направлений исследования / С. В. Киселева, Т. С. Росянова // Вестник Курганского государственного университета. 2018. № 2 (49). С. 21-25.
- Киселева, С. В. Сущность многозначного слова в английском языке: монография: семантический, когнитивный анализ / С. В. Киселева. СПб: Астерион, 2009. 215 с.
- Киселева, С. В. Английская терминология маркетинга: становление, состав и когнитивно-семантические свойства / С. В. Киселева, Т. С. Росянова. СПб: СПбГЭУ, 2017. 149 с.
- Киселева, С. В. Обзор основных направлений исследования в современном международном терминоведении / С. В. Киселева, Т. С. Росянова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Филологические науки. 2020. Т. 1, № 3. С. 9-15.
- Кокорина, Ю. Г. Терминосистема концептуальной области «Археология»: монография / Ю. Г. Кокорина. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 352 с.
- Комарова, З. И. Семантическая структура специального слова и её лексикографическое описание: монография / З. И. Комарова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ФЛИНТА, 2023. 336 с.
- Лейчик, В. М. Терминоведение. Предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. М.: ЛИБРОКОМ, 2022. 248 с.
- Марчук, Ю. Н. Основы терминографии / Ю. Н. Марчук. М.: МГУ, 1992. 76 с.
- Митренина, О. В. Машинный перевод / О. В. Митренина // Прикладная и компьютерная лингвистика. М.: ЛЕНАНД, 2025. С. 156-189.
- Михайлова, В. Д. Автоматизированные лексикографические системы // Информационные технологии в лексикографии. 2011. С. 79-82.
- Новодранова, В. Ф. Когнитивные аспекты терминологии / В. Ф. Новодранова // Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы развития: Материалы Первой Международной школы-семинара по когнитивной лингвистике, Тамбов, 26–30 мая 1998 года / Институт языкознания Российской академии наук, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. 1998. Часть 1. С. 13-16.
- Новодранова, В. Ф. Развитие когнитивного терминоведения в России в начале XXI века / В.Ф. Новодранова // Когнитивные исследования языка. 2013. № 15. С. 92-100.
- Новодранова, В. Ф. Использование методов когнитивного анализа в терминологических исследованиях / В. Ф. Новодранова, Л. А. Манерко // Когнитивные исследования языка. 2012. № 11. С. 226-229.
- Росянова, Т. С. Английская терминология маркетинга: концептуальная и категориальная организация / Т. С. Росянова. СПб: СПбГЭУ, 2017. 151 с.
- Руберт, И. Б. Концепт и тематические группы: подходы к изучению терминосистем и переводу терминов / И. Б. Руберт, М. В. Файбушевский // Когнитивные исследования языка. 2019. № 38. С. 492-500.
- Татаринов, В. А. Общее терминоведение: Энциклопедический словарь / В. А. Татаринов. М.: Московский Лицей, 2006. 528 с.
- Шайкевич, А. Я. Проблемы терминологической лексикографии / А. Я. Шайкевич. М.: ВЦП, 1983. 67 с.
- Шлейвис, П. И. Лингвистически релевантные характеристики терминологических единиц / П. И. Шлейвис // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2016. №4 (10). С. 21-27.

References

- Aleksandrova, O. V. (2021) *Izmeneniye terminologii v usloviyakh novoy yazykovoy paradigmy* [Changing terminology in the context of a new language paradigm]. *Aktual'nyye problemy sovremennoy lingvistiki : sbornik nauchnykh statey k yubileyu doktora filologicheskikh nauk, professora Iriny Borisovny Rubert / pod red. d.f.n., prof. YE. A. Nil'sen, d.f.n., prof. I. V. Kononovoy* [Current Issues in

- Modern Linguistics: A Collection of Scientific Statements for the Anniversary of Doctor of Philological Sciences, Professor Irina Borisovna Rubert / edited by D.Sc. (philology), prof. E.A. Nilsen, D.Sc. (philology), prof. I. V. Kononova]: 7-12. (In Russ.)
- Alekseyeva, L. M. (2021) Vekovoy put' rossiyskogo terminovedeniya [The century-long path of Russian terminology]. *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue], 9: 9-34. (In Russ.)
- Dubichinskiy, V. V. (2009) *Leksikografiya russkogo yazyka* [Lexicography of the Russian language]: 432. (In Russ.)
- Gerd, A.S. (1986) *Osnovy nauchno-tehnicheskoy leksikografii (kak rabotat' nad terminologicheskim slovarom)* [Basics of scientific and technical lexicography (how to work on a terminological dictionary)]: 72. (In Russ.)
- Gerd, A.S. (1988) Eshche raz ob avtomatizatsii leksikograficheskikh rabot [Once again about the automation of lexicographic work]. *Sovetskaya leksikografiya* [Soviet lexicography]: 225–232. (In Russ.)
- Gerd, A.S. (2011) *Vvedeniye v izucheniye yazykov dlya spetsial'nykh tseley* [Introduction to the Study of Languages for Specific Purposes]: 60. (In Russ.)
- Golovanova, YE.I. (2024) *Vvedeniye v kognitivnoye terminovedeniye* [Introduction to Cognitive Terminology]: 224. (In Russ.)
- Grinev, S.V. (1999) K Istorii otechestvennogo terminovedeniya [About the history of Russian terminology]. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya* [Scientific and technical information]: 1-13. (In Russ.)
- Grinev-Grinevich, S. V (2023). *Terminovedeniye* [Terminology]: 304. (In Russ.)
- Grinev-Grinevich, S.V. (2008) *Vvedeniye v terminovedeniye* [Introduction to Terminology]: 304. (In Russ.)
- Grinev-Grinevich, S.V. (2021) *Vvedeniye v terminografiyu* [Introduction to Terminography]: 222. (In Russ.)
- Karaulov, YU.N. (1981) *Lingvisticheskoye konstruirovaniye i tezaurus literaturnogo yazyka* [Linguistic construction and thesaurus of the literary language]: 366. (In Russ.)
- Kiseleva, S. V. (2018) Kognitivnyy sdvig v sovremennom zarubezhnom terminovedenii: obzor osnovnykh napravleniy issledovaniya [Cognitive shift in modern foreign terminology: a review of the main research areas]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kurgan State University], 2 (49): 21-25. (In Russ.)
- Kiseleva, S. V. (2009) *Sushchnost' mnogoznachnogo slova v angliyskom yazyke: semanticheskoy, kognitivnyy analiz* [The essence of a polysemantic word in the English language: monograph: semantic, cognitive analysis]: 215. (In Russ.)
- Kiseleva, S. V. (2017) *Angliyskaya terminologiya marketinga: stanovleniye, sostav i kognitivno-semanticheskiye svoystva* [English marketing terminology: formation, composition and cognitive-semantic properties]: 149. (In Russ.)
- Kiseleva, S.V. (2020) Obzor osnovnykh napravleniy issledovaniya v sovremennom mezhdunarodnom terminovedenii [Review of the main research directions in modern international terminology]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii. Filologicheskoye nauki* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy. Philological Sciences], 1 (3): 9-15. (In Russ.)
- Kokorina, YU. G. (2011) Terminosistema kontseptual'noi oblasti «Arkheologiya»: monografiya [Terminology of the conceptual field «Archaeology»]: 352. (In Russ.)
- Komarova, Z. I. (2023) Semanticheskaya struktura special'nogo slova i eyo leksikograficheskoye opisanie [Semantic structure of a special word and its lexicographic description]: 336. (In Russ.)
- Lejchik, V. M. (2022) Terminovedenie. Predmet, metody, struktura [Terminology. Subject, methods, structure]: 248. (In Russ.)
- Marchuk, YU. N. (1992) *Osnovy terminografii* [Basics of Terminography]: 76. (In Russ.)
- Mikhaylova, V. D. (2011) Avtomatizirovannyye leksikograficheskiye sistemy [Automated lexicographic systems] // *Informatsionnyye tekhnologii v leksikografii* [Information technology in lexicography]: 79-82. (In Russ.)
- Mitrenina, O. V. (2025) Mashinnyy perevod [Machine translation] // *Prikladnaya i komp'yuternaya lingvistika* [Applied and Computational Linguistics]: 156-189. (In Russ.)
- Novodranova, V. F. (1998) Kognitivnye aspekty terminologii [Cognitive aspects of terminology]. *Kognitivnaya lingvistika: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya: Materialy Pervoy Mezhdunarodnoy shkoly-seminara po kognitivnoy lingvistike, Tambov, 26 – 30 maya 1998 goda / Institut yazykoznavaniya Rossiyskoy akademii nauk, Tambovskiy gosudarstvennyy universitet im. G.R. Derzhavina* [Cognitive linguistics: current status and development prospects: Proceedings of the First International School-Seminar on Cognitive Linguistics, Tambov, May 26 – 30, 1998 / Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Tambov State University named after G. R. Derzhavin.], 1: 13-16. (In Russ.)
- Novodranova, V. F. (2013) Razvitiye kognitivnogo terminovedeniya v Rossii v nachale XXI veka [Development of cognitive terminology in Russia at the beginning of the 20th century]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], 15: 92-100. (In Russ.)
- Novodranova, V. F., Manerko, L. A. (2012) Ispolzovanie metodov kognitivnogo analiza v terminologicheskikh issledovaniyakh [Using cognitive analysis methods in terminological research]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], 11: 226-229. (In Russ.)
- Rosyanova, T. S. (2017) Angliyskaya terminologiya marketinga: kontseptual'naya i kategorial'naya organizatsiya [English Marketing Terminology: Conceptual and Categorical Organization]: 151. (In Russ.)
- Rubert, I. B. (2019) Koncept i tematicheskiye gruppy: podkhody k izucheniyu terminosistem i perevodu terminov [Concept and thematic groups: approaches to the study of term systems and translation of terms]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive language research], 38: 492-500. (In Russ.)
- Shajkevich, A. YA. (1983) *Problemy terminologicheskoy leksikografii* [Problems of terminological lexicography]: 67.
- Shleivis, P. I. (2016) Lingvisticheski relevantnyye kharakteristiki terminologicheskikh edinit [Linguistically

relevant characteristics of terminological units]. *Nauchnyi rezul'tat. Voprosy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki* [Scientific Result. Issues of Theoretical and Applied Linguistics], 4 (10): 21-27. (In Russ.)

Tatarinov, V. A. (2006) *Obshchee terminovedenie: Ehntsi-klopedicheskii slovar'* [General Terminology: Encyclopedic Dictionary]: 528. (In Russ.)

© Файбушевский М.В., 2026

Информация об авторе:

Максим Владимирович Файбушевский – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет. Контакты: Москательный переулок, д. 4, Санкт-Петербург, Россия. 190005. Автор более 55 научных публикаций. Сфера научных интересов: терминография, терминоведение, профессиональная лингводидактика, фонодидактика, русский язык как иностранный.

Вклад автора: разработка концепции, проведение исследования, подготовка текста, утверждение окончательного варианта. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 19.03.2026; принята после рецензирования 15.03.2026; опубликована онлайн 29.05.2026.

Information about the author:

Maxim V. Faiboushevskiy – candidate of Phil. Sciences, Associate Professor of the Department of Roman-Germanic Philology and Translation, St. Petersburg State University of Economics. Contacts: Moskatelny p., 4, St. Petersburg, Russia. 190005. Author of more than 55 scientific publications. Research interests: terminography, terminology, professional linguodidactics, phonodidactics, Russian as a foreign language.

Author's contribution: development of the concept, text editing, approval of the final version. No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 19.03.2026; adopted after review 15.03.2026; published online 29.05.2026.

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА MEDIACOMMUNICATIONS & JOURNALISM

Научная статья
УДК 81'84

КИТАЙСКОЕ ЖУРНАЛИСТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ИННОВАЦИОННЫЕ ТРАЕКТОРИИ И ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ СДВИГ

Линчжи Лай

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
SPIN: 4649-8860, ORCID: 0000-0003-3180-9286, 1169478672@qq.com

Аннотация. Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) радикально трансформирует логику производства и распространения новостей, создавая как беспрецедентные вызовы, так и новые возможности для системы журналистского образования в Китае. В статье на основе анализа системного воздействия ИИ на медиаиндустрию и возникающих вследствие этого новых требований к профессиональной подготовке выявляются ключевые проблемы китайского журналистского образования: дисбаланс между спросом на кадры и их предложением, технологическая архаичность учебных планов, структурные дефициты преподавательского состава и слабость этической составляющей обучения. В ответ на эти вызовы предлагаются инновационные пути реформирования по четырём направлениям: реструктуризация учебных планов, трансформация педагогических моделей, обновление концепций подготовки специалистов и расширение международного сотрудничества. Исследование показывает, что модернизация журналистского образования в эпоху ИИ представляет собой не просто внедрение технологических инструментов, а глубокий парадигмальный сдвиг, охватывающий ценностные установки, структуру знаний и систему компетенций. Ключевым условием успеха выступает переход от стратегии «приручения инструментов» к стратегии «перестройки мышления», что обеспечивает фундаментальную эволюцию журналистского образования от передачи навыков к развитию интегральных компетенций.

Ключевые слова: искусственный интеллект, журналистское образование, реформа учебных планов, парадигмальный сдвиг, подготовка междисциплинарных кадров, Китай.

Original article

CHINESE JOURNALISM EDUCATION IN THE ERA OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: INNOVATIVE TRAJECTORIES AND PARADIGM SHIFT

Lingzhi Lai

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
SPIN: 4649-8860, ORCID: 0000-0003-3180-9286, 1169478672@qq.com

Abstract. The rapid development of artificial intelligence (AI) technologies is radically transforming the logic of news production and distribution, creating both unprecedented challenges and new opportunities for the journalism education system in China. Based on an analysis of AI's systemic impact on the media industry and the resulting new requirements for professional training, this article identifies the key problems facing Chinese journalism education: the imbalance between talent demand and supply, technological obsolescence of curricula, structural deficits in the teaching staff, and the weakness of the ethical component of training. In response to these challenges, innovative reform paths are proposed along four directions: restructuring curricula, transforming pedagogical models, upgrading talent training concepts, and expanding international cooperation. The research shows that the modernization of journalism education in the AI era is not merely the introduction of technological tools, but a deep paradigm shift encompassing value systems,

knowledge structures, and competency frameworks. The key condition for success is the transition from a strategy of “taming tools” to a strategy of “restructuring thinking,” ensuring a fundamental evolution of journalism education from skills transmission to the development of integrated competencies.

Keywords: artificial intelligence, journalism education, curriculum reform, paradigm shift, interdisciplinary talent training, China.

Введение и постановка проблемы. С широким внедрением генеративного искусственного интеллекта медиаотрасль переживает системную трансформацию беспрецедентного масштаба. Согласно данным [Reuters Institute, 2025], за период 2024–2025 гг. доля населения мира, использующего ИИ в повседневной жизни, возросла с 40% до 61%, причём информационные запросы и генерация контента стали доминирующими сценариями применения. В Китае прорывные достижения в области больших языковых моделей (таких как DeepSeek) уже трансформируют традиционный линейный цикл «сбор — написание — редактирование — распространение» в новую парадигму человеко-машинного сотрудничества, управляемую данными и алгоритмами.

Эти отраслевые изменения неизбежно отражаются на сфере журналистского образования. Классическая модель подготовки, выстроенная вокруг базовых навыков (интервьюирование, написание, редактирование, комментирование), оказывается структурно дисфункциональной в условиях интеллектуальных медиа. Технологии AIGC порождают глубокие вызовы достоверности новостей, поэтому журналистское образование должно усилить блоки проверки фактов и верификации источников [Китайская федерация специалистов по новостным технологиям, 2025]. Некоторые исследователи [Lewis et al., 2019; Carlson, 2018] также подчёркивают, что ИИ создаёт экзистенциальные вызовы для дисциплины, требуя «респециализации» и формирования компетенций в области человеко-машинной коммуникации.

В данной статье предпринимается попытка ответить на следующие вопросы: с какими именно вызовами сталкивается китайское журналистское образование под влиянием ИИ? На каких уровнях необходимы инновации и трансформация? Какова теоретическая логика и практические основания предлагаемых изменений?

Полученные результаты

Системная трансформация новостного производства и распространения под воздействием ИИ. Прежде чем перейти к анализу проблем в образовании, необходимо понять, как именно искусственный интеллект перестраивает всю цепочку создания новостного продукта. Этот процесс затрагивает три ключевые сферы: производство контента, его распространение и способы потребления.

В сфере производства новостей большие языковые модели позволяют генерировать структурированные краткие сообщения (финансовые отчёты, спортивные обзоры) за считанные минуты, многократно повышая оперативность. Системы интеллектуального поиска на основе ИИ помогают журналистам извлекать релевантные данные из огромных массивов информации. Виртуальные ведущие делают возможным круглосуточный выпуск новостей, преодолевая ограничения человеческих ресурсов. Однако эти технологические прорывы сопряжены с новыми рисками: из-за отсутствия у ИИ опыта реального мира его «знания» целиком зависят от обучающих выборок; при наличии искажений или «галлюцинаций» модели создаваемый контент может быть внешне логичен, но фактически ошибочен [Ли, Ши, 2025]. Это предъявляет повышенные требования к развитию навыков фактчекинга;

Что касается распространения информации, то персонализированные рекомендации, основанные на анализе поведения пользователей (история просмотров, лайки, комментарии), повышают точность и охват доставки новостей. Одновременно системы интеллектуального мониторинга отслеживают динамику общественного мнения в реальном времени. Однако чрезмерная алгоритмизация чревата формированием «информационных пузырей» и фрагментацией общественно значимых тем. Для журналистского образования это означает необходимость не только освоения алгоритмических инструментов, но и развития критического мышления, позволяющего распознавать системные искажения [Китайский интернет-информационный центр 2025].

Наконец, на уровне опыта потребления интеграция ИИ с технологиями виртуальной и дополненной реальности создаёт новые иммерсивные форматы: пользователь может погрузиться в новостную ситуацию от первого лица. Голосовое взаимодействие расширяет доступ к информации в ситуациях, когда использование экрана невозможно (например, за рулём). Следовательно, будущие журналисты должны обладать междисциплинарными нарративными компетенциями, выходящими за рамки работы с одним типом медиа [Jenkins, 2006].

В совокупности эти изменения знаменуют переход от эпохи «профессионального производства и пассивного потребления» к эпохе «человеко-машинного производства, алгоритмической точности распространения и активного участия аудитории». Журналистское образование обязано дать системный ответ на этот структурный сдвиг.

Структурная дисфункция китайского журналистского образования в условиях развития ИИ. Переходя от анализа отрасли к сфере образования, можно выделить несколько уровней системного несоответствия между сложившейся практикой подготовки кадров и новыми требованиями эпохи.

Первая и наиболее очевидная проблема — разрыв между спросом на рынке труда и реальными компетенциями выпускников. Весенняя кампания по набору в медиаиндустрии 2026 г. показала, что навыки работы с ИИ перешли из разряда «дополнительного преимущества» в разряд «порогового требования». Такие компетенции, как применение AIGC, понимание алгоритмов, интеллектуальный сбор и редактирование, стали стандартными для ведущих СМИ, платформ и MCN-агентств [Китайская сеть новостей и публикаций в сфере печати, 2026]. Тем не менее учебные планы большинства вузов по-прежнему ориентированы на узкие операционные умения (работа с софтом, базовый монтаж). У студентов медиаспециальностей наблюдается структурный дефицит ИИ-грамотности: они «больше используют, чем понимают». Большинство ограничивается поверхностным функциональным знанием, не имея системного представления о машинном обучении, нейронных сетях или обработке естественного языка [Лань, 2026]. Некоторые учащиеся чрезмерно полагаются на контент, сгенерированный AIGC, утрачивая способность к независимой верификации информации. Подобное состояние — «умение пользоваться, но непонимание правил» — формирует тревожный разрыв между компетентностью выпускников и реальными запросами отрасли;

Далее: не менее серьёзной проблемой выступает фрагментарность учебных планов. Хотя технологии ИИ пронизывают все этапы медиапроизводства, учебные программы большинства вузов по направлениям «журналистика и коммуникация» всё ещё базируются на традиционных теориях и базовых технологиях раннего интернет-периода. Курсы по большим данным, алгоритмической этике, производству виртуального контента либо отсутствуют, либо представлены разрозненными факультативами без глубокой интеграции с профильными дисциплинами. Как отмечается в отраслевых обсуждениях [Китайская федерация специалистов по новостным технологиям, 2025], проблема адаптации традиционных «кодифицированных» специальностей к интеграционным тенденциям цифровой эпохи становится всё более острой. Реформа учебного плана не должна сводиться к механическому добавлению нескольких технических курсов — требуется преодоление междисциплинарных барьеров и создание целостной системы компетенций;

Третий значимый аспект — структурный дефицит этического образования. Широкое применение ИИ порождает новые этические дилеммы: непрозрачность AIGC-контента, сложность верификации, алгоритмические предубеждения, размытая зона ответственности и проблемы авторского права. В сентябре 2025 г. в Китае вступили в силу «Правила маркировки контента, сгенерированного искусственным интеллектом», требующие обязательной маркировки всех материалов, созданных ИИ [Центральное правительство КНР, 2025]. Это свидетельствует о переходе регулирования ИИ из академической дискуссии в практическую плоскость государственного управления. Однако в университетском образовании этическая подготовка по-прежнему ограничена рамками традиционной журналистской этики; новые темы, такие как алгоритмическая этика, защита данных и распределение ответственности в человеко-машинном сотрудничестве, систематически не преподаются. Критики [Лань, 2026] отмечают устойчивый перекося: «приоритет инструментов над ценностями, приоритет использования над рефлексией». Между тем отрасль остро нуждается в «ценностных сторожах» — специалистах,

способных использовать интеллектуальные инструменты, сохраняя при этом гуманистические и профессиональные ориентиры [Ли, 2025].

Инновационные пути реформирования. Ответом на описанные выше вызовы становится комплексное обновление журналистского образования по нескольким взаимосвязанным направлениям.

Одним из ключевых направлений реформы выступает реструктуризация учебных планов. Вместо фрагментарного набора факультативов формируется целостная матрица курсов, включающая три обязательных модуля: применение технологий, информационная критика и этическая рефлексия. В Коммуникационном университете Китая, например, реализуется система из шести путей интеграции ИИ в подготовку магистров, охватывающая общие факультативы, междисциплинарные модули, профильные предметы и курсы по передовым рубежам. Такой подход разрушает барьеры между традиционными специальностями и направлен на переход от простого «умения использовать ИИ» к «мастерству управления ИИ». Дополнительно вводятся специализированные курсы: «Интеллектуальные коммуникации», «Алгоритмическая этика», «Регулирование AIGC-контента». На теоретическом уровне некоторые учёные предлагают спиральную модель, где ИИ-грамотность последовательно осваивается на трёх уровнях: когнитивное ознакомление, рефлексивное применение и критическое конструирование. Показателен и опыт Школы журналистики Чунцинского университета, где AIGC рассматривается одновременно как содержание обучения (через общие и новые профильные курсы) и как средство обучения (интеллектуальные помощники, персонализация учебного процесса) [Китайская федерация специалистов по новостным технологиям, 2025].

Другим важным аспектом становится трансформация самих моделей преподавания. В эпоху ИИ преподаватель перестаёт быть единственным транслятором знаний. Концептуально журналистское образование эволюционирует от модели «передатчика информации» к модели «ценностного сторожа». Генеративный ИИ реконструирует ценностные координаты: необходимо не просто обучать инструментам, но в глобальной перспективе переосмысливать отношения между человеком-машинным сотрудничеством, профессиональным суждением и общественными ценностями [Коммуникационный университет Китая, 2026]. В практическом плане широко внедряются диалоговые методы «цепочки рассуждений» и «луковичная модель», помогающие студентам деконструировать технологические «чёрные ящики». Важным драйвером изменений выступает интеграция образования и производства. Хунаньский педагогический университет совместно с технопарком создал лабораторию интеллектуальных новостей, вынося обучение на передний край отрасли. Пекинский объединённый университет подписал соглашения с 12 организациями о создании баз практики в таких областях, как интеллектуальный сбор, анализ общественного мнения, цифровое издательство и создание виртуальных образов [Интернет-версия «Жэньминь жибао», 2025]. Модель «реальный проект + проектное обучение + стажировка» успешно применяется, например, в Пекинском университете спорта, где студенты работают в реальных диспетчерских пунктах во время спортивных мероприятий. Такая интеграция эффективно преодолевает разрыв между теорией и практикой.

Кроме того, необходима глубинная перестройка самой концепции подготовки кадров — переход от подготовки узких «умелых операторов» к формированию «мыслящих специалистов, обладающих суждением». Как подчёркивает Лань Яньлин [2026], успех программы «Интеллект+» зависит не только от оптимизации учебных планов, но и от развития у студентов индивидуальной ИИ-грамотности, умения интегрированно применять технологии и одновременно отстаивать гуманистические ценности. Профессор Чжу Чжунюань Хэйлунцзянского университета на конференции ВЕА 2026 отметил необходимость перехода от навыко-ориентированного подхода к интеграции мышления, объединяя технологическую грамотность, гуманитарную заботу и профессиональные ценности [Коммуникационный университет Китая, 2025]. Таким образом, подготовка специалистов в области медиа должна охватывать три измерения: на уровне навыков — свободное владение AIGC-инструментами, алгоритмическими рекомендательными системами, мониторингом общественного мнения; на уровне знаний — глубокое понимание как теорий коммуникации, так и технологической логики (профилирование пользователей, дизайн метавселенных); на уровне ценностных компетенций — следование марксистским взглядам на журналистику, способность через анализ данных достигать баланса между социальной и коммерческой ценностью.

Завершающим, но не менее значимым измерением инноваций становится расширение международного видения и междисциплинарная интеграция. Трансформация журналистского образования не может замыкаться национальными границами. В апреле 2025 г. делегация Коммуникационного университета Китая участвовала в ежегодной конференции Broadcast Education Association (BEA) и выступила организатором форума «Медиа и журналистское образование в эпоху ИИ: переопределение границ и будущих практик». Участники пришли к выводу, что ИИ перестраивает структуры знаний и компетенций, а образование должно в глобальной перспективе переосмыслить связь между человеко-машинным сотрудничеством, профессиональным суждением и междисциплинарностью [Коммуникационный университет Китая, 2026]. Этот форум заложил основу для долгосрочного китайско-зарубежного сотрудничества в области медиаобразования. Одновременно междисциплинарная интеграция становится практическим трендом: как отметил проректор Пекинского объединённого университета Бао Синьчжун, для подготовки кадров, сочетающих социальную ответственность и аналитические способности, необходима глубокая интеграция журналистики с компьютерными науками и науками о данных [Пекинский объединённый университет 2025]. В Шаньдунском педагогическом университете несколько курсов были включены в проект «AI+X», охватывая новостные интервью, дизайн новых медиа, фотоискусство и др [Шаньдунский университет, 2025]. Аньхойский педагогический университет открыл междисциплинарную специальность «Цифровая и интеллектуальная коммуникация» [Аньхойского педагогического университета, 2025]. Эти примеры показывают, что построение образовательной экосистемы, выходящей за рамки отдельных дисциплин, становится осознанным выбором всё большего числа вузов.

Заключение и перспективы дальнейших исследований. Подводя итог, можно утверждать, что волна искусственного интеллекта с беспрецедентной глубиной преобразует журналистскую индустрию и образование. В статье на основе системного анализа влияния ИИ на новостную отрасль, реальных проблем китайского журналистского образования и экспериментальной практики различных университетов выявлены множественные аспекты этой трансформации. Модернизация журналистского образования в эпоху ИИ давно переросла простое добавление технологических инструментов; это глубинный парадигмальный сдвиг, затрагивающий ценностную систему, структуру знаний и конфигурацию компетенций. Сложность реформы требует не разрозненных локальных корректировок, а системного проектирования на высшем уровне: реструктуризация учебных планов — от «фрагментированных факультативов» к «интегрированной матрице курсов»; трансформация моделей преподавания — от «однаправленной передачи знаний» к «человеко-машинному диалогу мышления»; обновление концепции подготовки — от «навыковых операторов» к «компетентным специалистам» [Ли Бяо, 2025; Лань Яньлин, 2026].

Ключевой вопрос данной образовательной реформы в конечном счёте сводится к фундаментальной проблеме: в эпоху, когда ИИ может выполнять большую часть ранее уникальных человеческих функций, в чём заключается незаменимость журналистского образования? Ответ, вероятно, лежит не в соревновании с машинами в эффективности, а в развитии качеств, которые машины заменить не могут: критическое мышление, проникающее за «чёрный ящик» алгоритмов; человеческая креативность, позволяющая создавать глубокие нарративы с помощью интеллектуальных инструментов; ценностная устойчивость для этических суждений в сложной информационной среде.

Основополагающий принцип расширения возможностей журналистского образования с помощью ИИ заключается в том, что понимание важнее применения, а конечная цель — развитие человека. Инновации в журналистском образовании направлены не на подготовку более эффективных производителей контента, а на воспитание более проникательных, ответственных и гуманистически ориентированных хранителей общественных ценностей. Возможно, это и есть ключевая миссия китайского журналистского образования в эпоху искусственного интеллекта.

Перспективы дальнейших исследований включают эмпирическое изучение эффективности конкретных учебных модулей по ИИ в разных китайских университетах, сравнительный анализ российского и китайского опыта адаптации журналистского образования к вызовам ИИ, а также разработку методик оценки сформированности «ценностной компетенции» у будущих журналистов в условиях цифровой среды.

Список источников

- Институт журналистики и коммуникации Аньхойского педагогического университета. Навстречу эпохе интеллекта — подготовка многопрофильных специалистов: в институте журналистики и коммуникации успешно прошла презентация микропрограммы «Цифровая и интеллектуальная коммуникация». URL: <https://chm.ahnu.edu.cn/info/1003/31611.htm> (Дата обращения: 13.03.2026).
- Институт журналистики и коммуникации Шаньдунского университета. Многопрофильные курсы Школы журналистики и медиа были включены в список проектов по междисциплинарной интеграции и курсов «AI+X» университета на 2025 год. URL: <http://www.cbxy.sdu.edu.cn/info/1221/29461.htm> (Дата обращения: 13.03.2026).
- Интернет-версия «Жэньминь жибао». (2025). Институт гуманитарных и естественных наук Пекинского объединённого университета подписал соглашения с 12 организациями. URL: <http://bj.people.com.cn/n2/2025/1209/c14540-41436556.html> (дата обращения: 13.03.2026).
- Китайская сеть новостей и публикаций в сфере печати. Три ключевых слова: ИИ, ИС, международные коммуникации. URL: <https://www.chinaxwcb.com/2026/04/14/99875974.html> (Дата обращения: 13.03.2026).
- Китайский интернет-информационный центр. Реформа образования в области журналистики и коммуникации в эпоху искусственного интеллекта. URL: http://news.china.com.cn/2025-08/14/content_116706542.shtml (дата обращения: 13.03.2026).
- Коммуникационный университет Китая. Китайские и зарубежные исследователи в рамках ВЕА совместно обсудили новое будущее мирового медиаобразования. URL: <https://tvs.cuc.edu.cn/2026/0507/c240a269973/page.htm> (дата обращения: 13.03.2026).
- Лань, Яньлин. Ускорение подготовки междисциплинарных медийных кадров формата «Интеллект+». Китайская газета общественных наук // https://www.cssn.cn/skgz/bwyc/202601/t20260107_5968181.shtml (дата обращения: 13.03.2026).
- Ли, Бяо. От «передатчика информации» к «хранителю ценностей»: парадигмальная реконструкция журналистского образования под влиянием генеративного ИИ // Молодые журналисты. 2025. №12. С. 106–112.
- Ли, Сюань, Ши, Бинбин. (2025) Как осуществлять новостную фильтрацию в эпоху AIGC? URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=Mzg5MDgzODg3NA%3D%3D&mid=2247578498 (дата обращения: 13.03.2026).
- Пекинский объединённый университет. В Пекине состоялся семинар на тему «Подготовка кадров в области журналистики и коммуникации в регионе Пекин–Тяньцзинь–Хэбэй и сотрудничество промышленности, академических кругов, правительства и исследовательских институтов», участники которого обсудили новые пути подготовки специалистов в эпоху цифрового интеллекта. URL: https://www.cas.buu.edu.cn/art/2025/12/10/art_20706_819718.html (дата обращения: 13.03.2026).
- Китайская федерация специалистов по новостным технологиям. (2025) Первый академический форум «Образование в области журналистики и коммуникации в эпоху AIGC». URL: <https://www.capt.cn/aigc-dt/2026-01-05/2984.html> (дата обращения: 13.03.2026).
- Центральное правительство КНР (2025). Уведомление о введении в действие «Мер по идентификации контента, сгенерированного или синтезированного с помощью искусственного интеллекта». URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/202503/content_7014286.htm (дата обращения: 13.03.2026).
- Carlson, M. (2018) Automating judgment? Algorithmic judgment, news knowledge, and journalistic professionalism. *New Media & Society*, 20(5), 1755–1772.
- Jenkins, H. (2006) *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York University Press.
- Lewis, S. C., Guzman, A. L., & Schmidt, T. R. (2019) Automation, journalism, and human-machine communication: Rethinking roles and relationships in the digital age. *Digital Journalism*, 7(4), 409–427. DOI: 10.1080/21670811.2019.1577147.
- Reuters Institute. (2025). *Generative AI and News Report 2025: How people think about AI's role in journalism and society*. University of Oxford. URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/generative-ai-and-news-report-2025> (дата обращения: 13.03.2026).

References

- Carlson, M. (2018). Automating judgment? Algorithmic judgment, news knowledge, and journalistic professionalism. *New Media & Society*, 20(5): 1755–1772. (In English)
- Institut zhurnalistiki i kommunikatsii Ankhoyskogo pedagogicheskogo universiteta (2026) *Navstrechu epokhe intellekta — podgotovka mnogoprofil'nykh spetsialistov: v institute zhurnalistiki i kommunikatsii uspeshno proshla prezentatsiya mikroprogrammy «Tsifrovaya i intellektual'naya kommunikatsiya»* [Towards the era of intelligence — training of multidisciplinary specialists: the presentation of the microprogram "Digital and Intelligent Communication" was successfully held at the Institute of Journalism and Communication]. URL: <https://chm.ahnu.edu.cn/info/1003/31611.htm> (date of access: 13.03.2026).
- Institut zhurnalistiki i kommunikatsii Shandunskogo universiteta (2026). *Mnogoprofil'nyye kursy Shkoly zhurnalistiki i media byli vklyucheny v spisok proyektov po mezhdistiplinarnoy integratsii i kursov «AI+X» universiteta na 2025 god* [Multidisciplinary courses of the School of Journalism and Media were included in the list of projects on interdisciplinary integration and "AI+X" courses of the university for 2025]. URL: <http://www.cbxy.sdu.edu.cn/info/1221/29461.htm> (date of access: 13.03.2026).
- Internet-versiya «Zhenmin zhibao» (2025). *Institut gumanitarnykh i yestestvennykh nauk Pekinskogo ob'yedinennogo universiteta podpisal soglasheniya s 12 organizatsiyami* [The Institute of Humanities and Natural Sciences of Beijing United University signed agreements with 12 organiza-

- tions]. URL: <http://bj.people.com.cn/n2/2025/1209/c14540-41436556.html> (date of access: 13.03.2026).
- Jenkins, H. (2006) *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York University Press. (In English)
- Kitayskaya federatsiya spetsialistov po novostnym tekhnologiyam (2026) *Pervyy akademicheskyy forum «Obrazovaniye v oblasti zhurnalistiki i kommunikatsii v epokhu AIGC»* [First academic forum "Education in Journalism and Communication in the AIGC Era"]. URL: <https://www.capt.cn/aigc-dt/2026-01-05/2984.html> (date of access: 13.03.2026).
- Kitayskaya set' novostey i publikatsiy v sfere pechati (2026). Tri klyuchevykh slova: AI, IP, mezhdunarodnyye kommunikatsii [Three key words: AI, IP, international communications]. URL: <https://www.chinax-web.com/2026/04/14/99875974.html> (date of access: 13.03.2026).
- Kitayskiy internet-informatsionnyy tsentr (2025). *Reforma obrazovaniya v oblasti zhurnalistiki i kommunikatsii v epokhu iskusstvennogo intellekta* [Reform of education in the field of journalism and communication in the era of artificial intelligence]. URL: http://news.china.com.cn/2025-08/14/content_116706542.shtml (Accessed 13.03.2026).
- Kommunikatsionnyy universitet Kitaya. (2026) *Kitayskiye i zarubezhnyye issledovateli v ramkakh BEA sovместно obсуди novoye budushcheye mirovogo mediaobrazovaniya* [Chinese and foreign researchers within the BEA jointly discussed the new future of global media education]. URL: <https://tvs.cuc.edu.cn/2026/0507/c240a269973/page.htm> (date of access: 13.03.2026).
- Lan, Yanling. (2026) *Uskoreniye podgotovki mezhdistitsiplinarnykh mediynnykh kadrov formata «Intellekt+»* [Accelerating the training of interdisciplinary media personnel of the "Intelligence+" format]. Kitayskaya gazeta obshchestvennykh nauk [Chinese Journal of Social Sciences]. URL: https://www.cssn.cn/skgz/bwyc/202601/t20260107_5968181.shtml (date of access: 13.03.2026).
- Lewis, S. C., Guzman, A. L., & Schmidt, T. R. (2019). Automation, journalism, and human-machine communication: Rethinking roles and relationships in the digital age. *Digital Journalism*, 7(4): 409–427. DOI: 10.1080/21670811.2019.1577147. (In English)
- Li, Biao. (2025) Ot «peredatchika informatsii» k «khranitel'nyy tsennostey»: paradigmal'naya rekonstruktsiya zhurnalistikogo obrazovaniya pod vliyaniyem generativnogo AI [From "information transmitter" to "value guardian": paradigmatic reconstruction of journalism education under the influence of generative AI]. *Molodyye zhurnalisty* [Young Journalists], (12): 106–112. (In Chinese) Ли Сюань, Ши Бинбин
- Li, Xuan, Shi, Binbin. (2025) *Kak osushchestvlyat' novostnuyu fil'tratsiyu v epokhu AIGC?* [How to carry out news filtering in the AIGC era?]. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=Mzg5MDgzODg3NA%3D%3D&mid=2247578498 (date of access: 13.03.2026).
- Pekinskiy ob'yedinennyy universitet (2025) *V Pekine sostoyal'sya seminar na temu «Podgotovka kadrov v oblasti zhurnalistiki i kommunikatsii v regione Pekin–Tyan'tsin'–Khebey i sotrudnichestvo promyshlennosti, akademicheskikh krugov, pravitel'stva i issledovatel'skikh institutov», uchastniki kotorogo obsudili novyye puti podgotovki spetsialistov v epokhu tsifrovogo intellekta* [A seminar on "Training of personnel in the field of journalism and communication in the Beijing-Tianjin-Hebei region and cooperation between industry, academia, government and research institutes" was held in Beijing, participants discussed new ways of training specialists in the digital intelligence era]. URL: https://www.cas.buu.edu.cn/art/2025/12/10/art_20706_819718.html (date of access: 13.03.2026).
- Reuters Institute (2025) *Generative AI and News Report 2025: How people think about AI's role in journalism and society*. University of Oxford. URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/generative-ai-and-news-report-2025> (date of access: 13.03.2026).
- Tsentrallye pravitel'stvo KNR (2025) *Uvedomleniye o vvedenii v deystviye «Mer po identifikatsii soderzhaniya, generirovannogo ili sintezirovannogo s pomoshch'yu iskusstvennogo intellekta»* [Notification on the implementation of "Measures for identifying content generated or synthesized using artificial intelligence"]. URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/202503/content_7014286.htm (date of access: 13.03.2026).

© Лай Линчжи, 2026

Информация об авторе:

Лай Линчжи – кандидат политических наук, доцент кафедры международной журналистики, Санкт-Петербургский государственный университет, Васильевский остров, 1 линия, д. 26, Санкт-Петербург. Автор более 40 статей. Сфера научных интересов: взаимодействие СМИ и внешней политики страны, внешняя коммуникационная стратегия СМИ, межкультурная коммуникация, ценностные ориентации журналистов, журналистика в странах Азии, теория и практика международной журналистики, российско-китайские отношения.

Вклад автора: разработка концепции, формулирование научной гипотезы. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 21.03.2026; принята после рецензирования 15.04.2026; опубликована онлайн 29.05.2026.

Information about the author:

Lai Lingzhi – Candidate of Sciences in Political, Associate Professor of the Department of International Journalism, St. Petersburg State University, Vasilyevsky Island, 1st Line, Bldg. 26, St. Petersburg, Author of over 40 articles. Research interests: interaction between the media and the country's foreign policy, external communication strategy of the media, intercultural communication, value orientations of journalists, journalism in Asian countries, theory and practice of international journalism, Russian-Chinese relations.

Author's contribution: concept development, hypothesis formulation, data collection, research, text preparation and editing. No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 21.03.2026; adopted after review 15.04.2026; published online 29.05.2026.

Научная статья

УДК 659

СПЕЦИФИКА ПРОДВИЖЕНИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО ПРОДУКТА В ЭПОХУ СТРИМИНГОВЫХ ПЛАТФОРМ (НА ПРИМЕРЕ АЛЬБОМОВ ТЕЙЛОР СВИФТ)

Андрей Васильевич Прохоров¹, Анна Сергеевна Загулицына²¹ Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Россия^{1,2} Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», Москва, Россия¹ SPIN: 4795-7443, ORCID: 0000-0002-1263-695X, proh_and@rambler.ru² m2203270@edu.misis.ru

Аннотация. Статья посвящена особенностям продвижения музыкального продукта (альбома) в условиях господства стриминговых платформ, которые коренным образом изменили характер дистрибуции и потребления музыкального контента. Эмпирическую базу исследования составили альбомы певицы Тейлор Свифт «1989» и «Reputation», сопровождающий их медиаконтент (музыкальные клипы, проморолики, тизеры), а также показатели популярности музыкального контента на стриминговых и медиаплатформах. Исследование позволило сделать вывод о потенциале комплексной коммуникационной кампании продвижения альбома, которая, основывается на использовании коротких видео, следовании визуальному стилю, апеллировании к личному бренду артиста и взаимодействии с аудиторией.

Ключевые слова: музыкальный альбом, музыкальный продукт, релиз, стриминговые сервисы, личный бренд.

Original article

THE SPECIFICS OF MUSIC PRODUCT PROMOTION IN THE ERA OF STREAMING PLATFORMS (USING TAYLOR SWIFT'S ALBUMS AS AN EXAMPLE)

Andrey V. Prokhorov¹, Anna S. Zagulitsyna²¹ Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia^{1,2} National University of Science and Technology "MISIS", Moscow, Russia¹ SPIN: 4795-7443, ORCID: 0000-0002-1263-695X, proh_and@rambler.ru² m2203270@edu.misis.ru

Abstract. This article examines the specifics of music product (album) promotion in the context of streaming platforms dominance, which have fundamentally changed the nature of music content distribution and consumption. The empirical basis of the study consists of Taylor Swift's albums "1989" and "Reputation", accompanying media content (music videos, promotional videos, teasers), and music content popularity indicators on streaming and media platforms. The study reveals the potential of complex album promotion communications campaign based on the use of short videos, consistent visual style, appealing to the artist's personal brand, and audience engagement.

Keywords: music album, music product, release, streaming services, personal brand.

Введение и постановка проблемы. Продвижение музыкального продукта в современных условиях сопровождается высочайшим уровнем конкуренции на музыкальном рынке. Фактором успешности релиза является не только качество выпускаемого продукта, но коммуникационные усилия, определяющие поддержание интереса у существующей аудитории и привлечение новой аудитории. Коммуникационные кампании как комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на достижение поставленных целей путем взаимодействия с целевой аудиторией, играют ключевую роль в формировании узнаваемости артиста, продвижении новых релизов, попадании треков в плейлисты, составляемые как редакторами стриминговых платформ, так и алгоритмами.

Актуальность данного исследования обусловлена глубокими трансформациями современной медиасреды и тем, что значительная часть населения перешла на новые, более технологичные источники информации. Развитие сети Интернет серьезно трансформировало характер потребления музыкальных продуктов. Все меньше пользователей стали приобретать физические носители, такие как DVD-, компакт- и MP3-диски. Актуальное потребление музыкальных продуктов связано с возможностями стриминговых платформ. Обозначенные перемены ведут к коренной перестройке всей системы музыкальной индустрии: новые способы доступа к музыке, упрощение коммуникации и потенциал расширения аудитории создают новые возможности для артистов, в то же время формируя новые вызовы, связанные с адаптацией к современным реалиям медиапотребления и экономическим моделям музыкальной индустрии.

Огромное влияние на перестройку музыкальной индустрии оказало повеление и массовое развитие стриминговых платформ (например, Apple Music, Яндекс Музыка, Boom, VK музыка, Звук, Кион Музыка и др.). Изменения коснулись и характера продвижения музыкального продукта, обозначив переход от классических рекламных каналов (пресса, ТВ, радио) к цифровым каналам. Стриминговые платформы – это цифровые сервисы, позволяющие пользователям слушать музыку через интернет в реальном времени без скачивания ее на устройство. Такие платформы предоставляют доступ к широкому кругу музыкальных композиций, позволяют создавать собственные плейлисты и ежедневно предлагают большое количество рекомендаций, что значительно меняет способы потребления музыкального контента. Благодаря развитию стриминговых платформ музыкальный контент стал максимально мобильным и доступным: человек может слушать любимые треки и альбомы где угодно: дома через умную колонку, в машине по дороге на работу, на пробежке или во время тренировки в зале. Такая универсальность потребления формирует новые сценарии взаимодействия с музыкой и влияет на то, как артисты выстраивают коммуникацию со своей аудиторией.

Значительная роль в продвижении музыкального релиза отводится пользовательскому контенту и рекомендациям на основе алгоритмов. Вирусное распространение музыки в социальных сетях и рост значения органического охвата влияют не только на популярность отдельных треков, но и на восприятие музыкальных альбомов в целом. Сегодня успех музыкального релиза помимо художественных характеристик также зависит от того, насколько эффективно происходит его интеграция в медиасреду и устанавливается коммуникация с аудиторией. В этом плане рекламная коммуникация становится одним из значимых факторов, способных оказывать влияние на коммерческие показатели альбома и его культурную узнаваемость.

Материалы и методы. В рамках исследования используется комплекс методов, позволяющий рассмотреть особенности продвижения музыкальных альбомов в цифровой среде: метод контент-анализа, медиалингвистический анализ, анализ реакции аудитории.

Теоретическую базу исследования составили работы отечественных и зарубежных авторов по аспектам развития музыкальных стриминговых сервисов [Бельская, 2025; Anderson, Maystre, Anderson, 2020; Morris, Powers, 2015; Aguiar, Waldfogel 2021], интернет-продвижения музыкального продукта [Лазаренко, Павлова 2024; Пыпина, Астафьева-Румянцева, 2023], вопросам вовлечения молодежи с помощью интерактивного контента на музыкальных каналах [Абиева, 2025].

Эмпирическую базу данного исследования составляют цифровые показатели популярности и музыкального контента на стриминговых и медиаплатформах, а также музыкальные видеоматериалы, используемые в рекламной коммуникации современных исполнителей. В качестве основного материала исследования выбраны альбомы Тейлор Свифт “1989” и “Reputation”, а также сопровождающий их медиаконтент (музыкальные клипы, промо-ролики, тизеры).

Основные результаты и их обсуждение. В современных условиях успех продвижения музыкального альбома на стриминговых платформах напрямую связан с уровнем вовлеченности аудитории в потребление медиаконтента, сопровождающего его выпуск. Если ранее основным показателем успеха являлись продажи и позиции в музыкальных чартах, то в цифровой среде ключевыми метриками становятся лайки, комментарии, репосты, пользовательские видео, мемы и другие формы реакции аудитории на промо-контент. Именно уровень вовлеченности позволяет определить, насколько коммуникационная кампания альбома действительно работает и вызывает отклик у пользователей. В рамках данного исследования анализируется влияние промо-контента, связанного с альбомами

“Reputation” и “1989”, на активность аудитории в цифровой среде. Особое внимание уделяется официальным музыкальным клипам, поскольку именно они становятся основным инструментом рекламной коммуникации альбома и одновременно формируют реакцию аудитории в социальных сетях и на стриминговых платформах. В отличие от традиционной рекламы музыкальные клипы выполняют сразу несколько функций: они формируют визуальный образ альбома, создают эмоциональную связь с аудиторией и одновременно стимулируют пользователей к активному взаимодействию с контентом. Одним из наиболее показательных индикаторов вовлеченности аудитории являются лайки и комментарии под официальными музыкальными клипами. В рамках исследования были проанализированы наиболее популярные музыкальные клипы, связанные с продвижением альбомов “1989” и “Reputation”. Для анализа были выбраны клипы, которые получили наибольшее количество просмотров и вызвали активную реакцию аудитории в цифровой среде [Загулицына, 2026].

Обратимся к контент-анализу рекламных видеоматериалов, использованных при продвижении альбомов “1989” и “Reputation” американской певицы Тейлор Свифт. В качестве материала исследования были выбраны музыкальные клипы и короткие видеоролики, которые получили наибольший отклик аудитории и активно распространялись в цифровой среде. Анализ проводился с учетом жанровых особенностей видеоконтента, а также лингвистических и аудиовизуальных средств, используемых в процессе рекламной коммуникации.

Видео 1: “Look What You Made Me Do” – провокационный музыкальный клип с элементами нарратива и визуального конфликта. Лингвистические особенности: в тексте песни активно используются короткие и резкие синтаксические конструкции, создающие эффект эмоционального напряжения. Например, фраза “I don’t like your little games” выполняет функцию прямого обращения и задает конфликтный тон всей композиции. Также используется повтор, усиливающий эмоциональное воздействие на аудиторию (“Look what you made me do”). Преобладает разговорная лексика с элементами эмоциональной модальности. Лингвистически текст построен как личное высказывание, обращенное к условному оппоненту, что усиливает эффект искренности и вовлеченности аудитории.

Видео 2: “Delicate” – лирический музыкальный клип с элементами внутреннего монолога. Лингвистический анализ показывает, что в тексте песни используются мягкие интонационные конструкции и эмоционально окрашенная лексика. Например, фраза “Is it cool that I said all that” создает эффект неуверенности и делает текст более личным. Используется разговорный стиль речи, характерный для цифровой коммуникации, что помогает создать ощущение близости между исполнителем и аудиторией. Также в тексте присутствуют вопросы, направленные на установление эмоционального контакта со слушателем. Лингвистически текст построен как откровенный диалог, что делает рекламную коммуникацию более доверительной.

Видео 3: “Shake It Off” – динамичный музыкальный клип с элементами развлекательного видеоконтента. Лингвистические особенности: в тексте песни используются простые и легко запоминающиеся конструкции, рассчитанные на массовую аудиторию. Например, фраза “Cause the players gonna play, play, play” построена на повторе, который облегчает восприятие и способствует быстрому распространению песни в цифровой среде. Лексика максимально простая и разговорная, что делает текст понятным для широкой аудитории. Используются элементы юмора и иронии, что усиливает развлекательную функцию рекламного контента и способствует формированию позитивного имиджа альбома.

Видео 4: “Blank Space” – музыкальный клип с элементами сатирического нарратива. Лингвистический анализ показывает использование ироничных и гиперболизированных выражений. Например, фраза “Got a long list of ex-lovers” построена на самоиронии и намеренном преувеличении. В тексте активно используются разговорные выражения, эмоционально окрашенная лексика и короткие синтаксические конструкции. Лингвистически текст построен как игра с образом, созданным в медиапространстве, что делает рекламную коммуникацию более запоминающейся и привлекает внимание аудитории.

Нами был проведен сравнительный анализ рекламных видеоматериалов, использованных при продвижении альбомов “Reputation” и “1989”. Статистические показатели позволяют более точно определить уровень вовлеченности аудитории и эффективность рекламной коммуникации. Были опре-

делены ключевые метрики: коэффициенты ERpost и ERview. Показатель ERpost иллюстрирует уровень вовлеченности пользователей относительно конкретной публикации, а ERview учитывает вовлеченность с учетом числа просмотров видеоконтента.

Для расчета данных показателей были использованы следующие формулы:

ERpost = (лайки + репосты + комментарии [+ дизлайки для YouTube]) / количество подписчиков * 100%;

ERview = (лайки + репосты + комментарии [+ дизлайки для YouTube]) / количество просмотров публикации * 100 %.

VR (visibility rate) – коэффициент охвата (видимости) публикации. Он показывает, какая доля подписчиков увидела публикацию, и рассчитывается как сумма просмотров / количество подписчиков * 100 %.

Клипы на песни из альбома “1989” имеют высокие показатели ERpost и относительно умеренные значения ERview. Анализ видеоклипов Тейлор Свифт на платформе YouTube показывают следующие результаты. У “Shake It Off” ERpost составляет 22,2%, а ERview – 0,389%, что говорит о достаточно высокой вовлеченности аудитории. У “Blank Space” показатель ERpost еще выше – 25,37%, что отражает большой интерес к музыкальному ролику. Клип “Bad Blood” показывает более низкий ERpost 15,84%, однако ERview здесь выше – 0,625%, то есть пользователи активнее реагируют на просмотры, чем на публикацию в целом.

Видеоклипы к песням из альбома “Reputation” показывают иной характер вовлеченности по сравнению с “1989”. Видеоклип “Look What You Made Me Do” показывает ERpost 20,61% и ERview 0,867%, что выше показателей большинства клипов “1989”. Это говорит о более активной реакции аудитории на сам контент, даже если общий охват не всегда максимальный. У “Delicate” показатели ниже по ERpost – 7,29%, но ERview выше – 1,039%, что указывает на более сильную реакцию зрителей при просмотре. По этим данным видно, что у “Reputation” вовлеченность более глубокая: упор не на массовость, а на интенсивность реакции. У “1989”, наоборот, акцент делается на широкий охват и популярность контента.

Важным аспектом продвижения музыкального альбома являются показатели медиареzonансности музыкальных клипов. При этом не следует ограничиваться только классическими метриками (просмотры и лайки). Музыкальные клипы отличаются сюжетной линией, темой и визуальным оформлением, что определяет их восприятие аудиторией и последующие реакции в медиапространстве.

Анализ эмпирического материала показывает, что отклик на музыкальные клипы Тейлор Свифт находит проявление не только в количестве просмотров и лайков. Важную роль играют и качественные характеристики – сюжет, визуальный стиль и эмоциональное воздействие. Количественные показатели дают общее представление о популярности, но лучше понять вовлеченность помогает сочетание этих показателей с тем, как непосредственно устроен контент. Именно это влияет на то, какие клипы активнее обсуждают и чаще распространяют в медиапространстве.

Клипы Тейлор Свифт “Shake It Off” и “Blank Space” заметно выделяются по популярности – у них 3,6 и 3,7 миллиарда просмотров на платформе YouTube, 14 и 16 миллионов лайков соответственно. Такой результат во многом связан с тем, что оба видео легко «считываются»: у них понятные сюжеты, запоминающийся визуальный стиль и динамичный монтаж. Трек “Shake It Off” стал вирусным хитом за счет своей танцевальной подачи и общего позитивного настроения. Его активно пересылали и цитировали.

“Blank Space” пошел немного по другому пути. В нем больше глянца и почти кинематографическая история про отношения, что сделало клип очень узнаваемым и визуально цельным. Если смотреть на “Look What You Made Me Do” (1,5 миллиарда просмотров и 13 млн лайков) и “Ready For It?” (385 млн просмотров, 4 млн лайков), то цифры уже ниже, но обсуждений вокруг них не меньше. Эти клипы больше построены на сложной визуальной символике и насыщенных деталях, поэтому зрители часто разбирают их в социальных сетях и фан-сообществах. Здесь вовлечение ощущается иначе: не

через массовый вирусный эффект, а через интерес к деталям и интерпретациям, которые хочется обсуждать и пересматривать.

Клип “Delicate” (596 млн просмотров, 4,6 млн лайков) занимает промежуточное положение. По сравнению с более массовыми хитами он набрал меньше просмотров, но это компенсируется тем, как он воспринимается аудиторией за счет визуального решения и общего настроения, которое цепляет более узкий круг зрителей. Если сравнивать его с “Bad blood”, разница довольно заметна. Преимущества “Bad blood” в динамике, ярком сюжете и большом количестве персонажей, тогда как “Delicate” работает совсем иначе. Он более спокойный, минималистичный и эмоционально тонкий, поэтому и отклик у него более глубокий. Рассматривая данные в совокупности, становится заметно, что медиареzonанс нельзя объяснить только цифрами просмотров и лайков. Они дают общее понимание охвата, но не показывают, как именно аудитория реагирует на контент. На это влияют сюжет, визуальный стиль и эмоциональное содержание. В дальнейшем учитывается активность фанатов – обсуждения, мемы, репосты и разборы, которые и формируют долгосрочный эффект вокруг клипа.

Проведенное исследование свидетельствует о том, что ролики Тейлор Свифт с меньшим числом просмотров тоже могут вызывать заметный отклик в медиа, во многом за счет эмоциональности и качества самого контента. При этом массовые хиты с огромной аудиторией не всегда становятся предметом активного обсуждения. Важно учитывать, насколько глубоко аудитория вовлекается в потребление контента. Качественный медиареzonанс в этом смысле оказывается не менее значимым показателем, чем общий охват. Лучше всего работают те клипы, которые сочетают популярность с продуманным визуальным и сюжетным решением. Такие видео дольше остаются в обсуждениях, вызывают реакции в социальных сетях и продолжают привлекать внимание уже после релиза.

Проведенный анализ музыкальных клипов показывает, что сегодня они играют важную роль в продвижении артистов. В цифровой среде клипы являются не просто музыкальным продуктом, они часто выполняют рекламную функцию. В отличие от классической рекламы, в них сразу соединяются история, образ исполнителя и элементы продвижения. За счет этого клипы помогают закрепить стиль артиста и вызвать интерес к релизу. Чаще всего такие видео распространяются через онлайн-платформы, основной площадкой среди которых остается YouTube, на которой клипы получают наибольшую аудиторию.

В отличие от традиционной рекламы, клип не воспринимается зрителями как рекламное сообщение в прямом смысле, что делает его более эффективным инструментом воздействия на аудиторию. Именно поэтому музыкальные клипы можно рассматривать как форму интегрированной рекламной коммуникации, которая способствует продвижению всего альбома в целом. Особенно наглядно данная тенденция проявляется на примере клипов Тейлор Свифт, которые демонстрируют значительные различия как по количеству просмотров, так и по характеру реакции аудитории. Анализ показал, что клипы с наибольшим количеством просмотров, такие как “Shake It Off” и “Blank Space”, можно рассматривать как наиболее эффективные с точки зрения массового охвата аудитории. Более 3 миллиардов просмотров у каждого из этих клипов свидетельствуют о том, что они стали не просто популярными музыкальными видео, но и масштабными медиасобытиями. Такие показатели невозможно объяснить только популярностью песни: важную роль здесь играет визуальный стиль, сюжетная структура и эмоциональная направленность клипа.

В качестве примера можно привести клипы “Look What You Made Me Do” и “Ready For It?”. Несмотря на то, что у них меньше просмотров, чем у некоторых других работ, они выделяются более сложной визуальной подачей и насыщенной сюжетной идеей. По этой причине такие видео часто вызывают активные обсуждения. Зрители обращают внимание на детали, разбирают символику и интерпретируют скрытые смыслы. В результате формируется не просто интерес к клипу, а более устойчивое внимание к образу артиста. Получается, что успех музыкального клипа как рекламного инструмента зависит от того, насколько он вовлекает аудиторию в свое содержание. Визуальная сторона музыкальных клипов сильно влияет на то, как аудитория воспринимает музыку и самого исполнителя. Яркие, динамичные и насыщенные видео обычно быстрее привлекают внимание и чаще становятся популярными, поскольку ориентированы на широкую аудиторию. В то же время клипы с более сложным визуальным стилем и большим количеством символики чаще вызывают обсуждения и лучше находят отклик у поклонников.

Клипы Тейлор Свифт хорошо показывают, как визуальный стиль помогает продвигать музыку. Например, “Shake It Off” рассчитан на массового зрителя: простой и запоминающийся визуальный ряд вместе с динамичной подачей сделали клип легко узнаваемым и помогли ему быстро распространиться. “Look What You Made Me Do”, наоборот, строится на символах и отсылках к разным этапам карьеры певицы. Из-за этого клип воспринимается сложнее, при этом сильнее влияет на образ артистки и вызывает больше обсуждений.

Музыкальные клипы также помогают формировать представление об исполнителе. Через визуальные образы, стиль съемки и общее настроение зритель лучше понимает с каким этапом творчества связан образ артиста. Именно поэтому клипы становятся важной частью продвижения альбома. Они помогают поддерживать интерес к релизу и делают исполнителя более узнаваемым. Проведенный анализ показывает, что музыкальные клипы сегодня остаются одним из важных инструментов продвижения в музыкальной индустрии. Они помогают привлекать внимание широкой аудитории, поддерживать интерес к релизу и создавать обсуждение вокруг альбома. При этом успех альбома еще зависит от того, насколько сильный отклик у зрителя вызывают визуальный стиль, сюжет и общее эмоциональное впечатление.

На примере клипов Тейлор Свифт можно увидеть, как видеоконтент используется в коммуникационной кампании. Популярность таких роликов связана с тем, как выстроена визуальная концепция и какое впечатление она оставляет у аудитории. За счет этого музыкальный клип становится важной частью продвижения альбома и формирования образа артиста.

Отдельно стоит отметить роль языковых особенностей песен в продвижении музыкального альбома. Анализ показал, что тексты песен становятся частью общей стратегии формирования образа артиста и восприятия релиза. В альбоме “1989” преобладают более простые, разговорные и легко запоминающиеся конструкции, что способствует быстрому распространению фраз в цифровой среде и делает песни более узнаваемыми. В “Reputation”, напротив, заметны более эмоционально насыщенные и личные высказывания, которые усиливают драматичность образа и поддерживают общую атмосферу альбома. Это позволяет сделать вывод о том, что языковое оформление песен может выступать дополнительным инструментом продвижения, влияя на восприятие музыкального продукта и вовлеченность аудитории.

Заключение. Формирование успешного музыкального релиза все в большей степени зависит не только от качества контента, но и от встроенной системы цифрового маркетинга, включающего в себя PR-активность, развитие личного бренда артиста и использование инструментов онлайн-коммуникации.

Важным фактором также выступает персонализация взаимодействия с аудиторией и активное использование социальных медиа для формирования устойчивой вовлеченности слушателей. В совокупности это подтверждает, что эффективность продвижения музыкального продукта определяется комплексным воздействием коммуникационных стратегий, которые адаптированы под специфику цифровой медиасреды.

На основе контент-анализа рекламных материалов, используемых при продвижении альбомов “1989” и “Reputation” было проведено сравнение показателей вовлеченности аудитории, анализ медиарезонансности по контенту и визуальному стилю, а также анализ рекламного потенциала музыкальных клипов как инструмента продвижения альбома.

Анализ эмпирического материала показал, что популярность видеоклипов определяется сюжетом, визуальным стилем и эмоциональной подачей. Цифровые показатели дают представление об охвате, но именно эти указанные качественные параметры определяют, насколько сильно зрители вовлечены в потребление видео на песни. Важную роль играет реакция аудитории и медиа, что проявляется в обсуждениях, мемах и репостах, что способствует продолжению «жизни» клипов, выводит их за рамки обычного просмотра, превращая в заметные культурные явления.

Таким образом, эффективной оказывается комплексная стратегия продвижения музыкального альбома, предполагающая использование коротких видео, следование визуальному стилю, апеллирование к личному бренду артиста, а также взаимодействие с аудиторией. Такое сочетание формирует более стабильный интерес к релизу, усиливает его восприятие в медиaprостранстве.

Список источников

- Абиева, Д. Г. Стратегии вовлечения аудитории с помощью интерактивного контента на музыкальных каналах / Д. Г. Абиева, А. Д. Кривonosov // Современное профессиональное образование. 2025. № 4. С. 21-24. EDN REQCCF.
- Бельская, Ю. В. Критерии выбора музыкальных стриминговых сервисов / Ю. В. Бельская // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 2. С. 21–28.
- Загулицына, А. С. Специфика продвижения музыкального альбома в стриминговых сервисах (на примере альбомов Тейлор Свифт) / А.С. Загулицына // Державинский форум. 2026. Т. 10. № 2. С. 238-244.
- Лазаренко, А. И. Технологии контент-маркетинга в продвижении музыкального искусства / А. И. Лазаренко, О. А. Павлова // Вестник науки. 2024. Т. 3. № 5(74). С. 155–161.
- Пыпина, Д. Д. Продвижение музыкального продукта с помощью личного бренда на примере альбома “Midnights” Тейлор Свифт / Д. Д. Пыпина, И. Е. Астафьева-Румянцева // Вестник СПбГУТ. 2023. Т. 1. № 1. С. 4.
- Aguiar, L. Platforms, power, and promotion: Evidence from Spotify playlists / L. Aguiar, J. Waldfogel // The Journal of Industrial Economics. 2021. Vol. 69. № 3. P. 653-691. <https://doi.org/10.1111/joie.12263>.
- Anderson, A. Algorithmic effects on the diversity of consumption on Spotify / A. Anderson, L. Maystre, I. Anderson // WWW'2020: Proceedings of The Web Conference. New York: Association for Computing Machinery, 2020. P. 2155-2165. <https://doi.org/10.1145/3366423.3380281>.
- Morris, J. W. Control, curation and musical experience in streaming music services / J.W. Morris, D. Powers D. // Creative Industries Journal. 2015. Vol. 8. № 2. P. 106-122. <https://doi.org/10.1080/17510694.2015.1090222>.

References

- Abieva, D. G. (2025) Strategii vovlecheniya auditorii s pomoshh'yu interaktivnogo kontenta na muzy'kal'ny'x kanalex [Audience engagement strategies using interactive

- content on music channels] / D. G. Abieva, A. D. Krivonosov. *Sovremennoe professional'noe obrazovanie* [Modern professional education], 4: 21-24. EDN REQCCF. (In Russ.)
- Aguiar, L. (2021) Platforms, power, and promotion: Evidence from Spotify playlists / L. Aguiar, J. Waldfogel. *The Journal of Industrial Economics*, 69 (3): 653-691. <https://doi.org/10.1111/joie.12263>.
- Anderson, A. (2020) Algorithmic effects on the diversity of consumption on Spotify / A. Anderson, L. Maystre, I. Anderson. *WWW'2020: Proceedings of The Web Conference*. New York: Association for Computing Machinery: 2155-2165. <https://doi.org/10.1145/3366423.3380281>.
- Bel'skaya, Yu. V. (2025) Kriterii vy'bora muzy'kal'ny'x strimingovy'x servisov [Criteria for choosing music streaming services] *Gumanitarny'e, social'no-e'konomicheskie i obshhestvenny'e nauki* [Humanities, Socio-Economic and Social Sciences], 2: 21–28. (In Russ.)
- Lazarenko, A. I. (2024) Texnologii kontent-marketinga v prodvizhenii muzy'kal'nogo iskusstva / A. I. Lazarenko, O. A. Pavlova. *Vestnik nauki* [Science Bulletin], 3, 5(74): 155–161. (In Russ.)
- Py'pina, D. D. (2023) Prodvizhenie muzy'kal'nogo produkta s pomoshh'yu lichnogo brenda na primere al'boma “Midnights” Tejlora Svift [Promotion of a musical product using a personal brand on the example of Taylor Swift's album “Midnights”] / D. D. Py'pina, I. E. Astaf'eva-Rumyancevaya *Vestnik SPbGUT* [Bulletin of SPbSUT], 1 (1): 4. (In Russ.)
- Morris, J. W. (2015) Control, curation and musical experience in streaming music services / J.W. Morris, D. Powers D. *Creative Industries Journal*, 8 (2): 106-122. <https://doi.org/10.1080/17510694.2015.1090222>.
- Zagulicyna, A. S. (2026) Specifika prodvizheniya muzy'kal'nogo al'boma v strimingovy'x servisax (na primere al'bomov Tejlora Svift) [Specifics of promoting a music album on streaming services (using Taylor Swift's albums as an example)]. *Derzhavinskij forum* [Derzhavin Forum], 10. (2): 238-244. (In Russ.)

© Прохоров А.В., Загулицына А.С., 2026

Информация об авторах:

Андрей Васильевич Прохоров – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, директор Центра по связям с общественностью, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, ул. Интернациональная, 33, Тамбов, 392000; профессор кафедры иностранных языков и коммуникативных технологий, Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», Ленинский проспект, 4, Москва, 119049. Количество публикаций более 250. Сфера научных интересов: медиадискурс, брендинг университетов, спортивная журналистика.

Вклад автора: разработка концепции, подготовка и редактирование текста, утверждение окончательного варианта. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 27.03.2026; принята после рецензирования 20.04.2026; опубликована онлайн 29.05.2026.

Анна Сергеевна Загулицына – студентка направления подготовки «Лингвистика», Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», Ленинский проспект, 4, Москва, 119049.

Вклад автора: работа с теоретическими источниками, проведение эмпирического исследования. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 27.03.2026; принята после рецензирования 20.04.2026; опубликована онлайн 29.05.2026.

Information about the authors:

Andrey V. Prokhorov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Director of the Center for Public Relations, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Internatsionalnaya str., 33, Tambov, 392000; Professor of the Department of Foreign Languages and Communication Technologies, National Research Technological University "MISIS", Leninsky Prospekt, 4, Moscow, 119049. The number of publications is more than 250. Research interests: media discourse, university branding, sports journalism.

Author's contribution: development of the concept, preparation and editing of the text, approval of the final version. No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 20.12.2025; adopted after review 17.01.2026; published online 27.02.2026.

Anna S. Zagulitsyna – student of the "Linguistics" field of study, National Research Technological University "MISIS", Leninsky Prospekt, 4, Moscow, 119049.

Author's contribution: working with theoretical sources, conducting empirical research. No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 20.12.2025; adopted after review 17.01.2026; published online 27.02.2026.

ФИЛОСОФИЯ
PHILOSOPHY

Научная статья
УДК 113/119+712

**ЛАНДШАФТ КАК ПРОСТРАНСТВО ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ:
ФИЛОСОФИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ**

Иван Андреевич Дуплинских¹, Роза Абдулхаевна Тукаева²

^{1, 2} Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С.М. Кирова,
Санкт-Петербург, Россия

¹ SPIN: 5698-6855, ORCID: 0009-0008-5185-6278, duplinskikh@mail.ru

² SPIN: 5579-1475, ORCID: 0009-0004-1712-1973, tukaeva.rza@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена философскому осмыслению ландшафта как пространства, в котором формируется и раскрывается творческое мышление человека. Ландшафт рассматривается не только как природно-антропогенная среда, но как особое поле взаимодействия человека и природы, в котором возникают новые смыслы, формы восприятия и способы осмысления мира. Через обращение к философским представлениям о природе и анализу природоориентированных утопических градостроительных концепций показывается, что стремление человека к гармонии с окружающей средой находит отражение в проектах идеального города. Такие модели, как «город-сад» и другие, выражают попытку соединить пространство человеческой жизни с природными процессами и создать среду, способствующую развитию гармоничной и творческой личности. В этом контексте ландшафт предстает не фоном человеческой деятельности, а активным участником формирования мировосприятия, воображения и экологического сознания. Осмысление ландшафта как пространства диалога человека и природы позволяет по-новому взглянуть на роль среды в развитии культуры и на значение экологического мышления в современном мире.

Ключевые слова: ландшафт, философия природы, взаимодействие человека и природы, экологическое сознание, градостроительные утопические концепции, город-сад, биофильный город, экополис.

Original article

**LANDSCAPE AS A SPACE OF CREATIVE THINKING:
PHILOSOPHY OF HUMAN-NATURAL INTERACTION**

Ivan A. Duplinskikh¹, Roza A. Tukaeva²

^{1, 2} St. Petersburg State Forestry University named after S.M. Kirov, St. Petersburg, Russia

¹ SPIN: 5698-6855, ORCID: 0009-0008-5185-6278, duplinskikh@mail.ru

² SPIN: 5579-1475, ORCID: 0009-0004-1712-1973, tukaeva.rza@rambler.ru

Abstract. The article focuses on the philosophical understanding of landscape as a space where human creative thinking is formed and revealed. Landscape is viewed not only as a natural and anthropogenic environment, but also as a special field of interaction between humans and nature, where new meanings, forms of perception, and ways of understanding the world emerge. Through an examination of philosophical concepts of nature and an analysis of nature-oriented utopian urban planning concepts, the article demonstrates that human desire for harmony with the environment is reflected in the designs of an ideal city. Models such as the "garden city" and others represent an attempt to connect the space of human life with natural processes and create an environment that promotes the development of a harmonious and creative individual. In this context,

landscape is not just a backdrop for human activities, but an active participant in shaping worldviews, imagination, and ecological consciousness. Understanding landscape as a space for dialogue between humans and nature allows for a new perspective on the role of the environment in the development of culture and the significance of ecological thinking in the modern world.

Keywords: landscape, philosophy of nature, human-nature interaction, ecological consciousness, urban planning utopian concepts, garden city, biophilic city, ecopolis.

Постановка проблемы. Проблема взаимодействия человека и природы занимает важное место в философском осмыслении мира и человеческого существования. Природа выступает не только материальной основой жизни человека, но и средой формирования его мировоззрения, культуры и творческого мышления.

Особую роль в осмыслении связи человека и природы играет категория ландшафта. Ландшафт можно рассматривать не только как физическое пространство окружающей среды, но и как культурно осмысленную форму взаимодействия человека с природным миром. Он выступает средой, в которой формируются восприятие пространства, воображение и творческая активность человека.

В эпоху стремительной урбанизации и экологической нестабильности проблема гармонизации отношений человека и природной среды приобретает особую актуальность. В этом контексте значительный интерес представляют природоориентированные утопические концепции в градостроительстве, отражающие стремление к созданию городской среды, способствующей гармоничному взаимодействию человека и природы.

Целью статьи является философское осмысление ландшафта как пространства формирования творческого мышления человека и анализ природоориентированных градостроительных концепций как попыток создания гармоничной среды человеческого существования.

Философские основания взаимодействия человека и природы. Философское осмысление отношений человека и природы связано с более широкой проблемой определения места человека в структуре бытия. В рамках онтологического подхода бытие рассматривается как сложная система взаимосвязанных форм существования, включающая природную, социальную, духовную и человеческую реальности. Такое понимание предполагает, что природная среда выступает не только материальным основанием жизни, но и важным фактором формирования человеческой культуры, мышления и различных видов деятельности. Взаимодействие человека с природой в данном контексте может рассматриваться как один из ключевых процессов, определяющих развитие общества и духовного мира человека.

В античной философии природа рассматривалась как целостный космический порядок, частью которого является человек. Космос понимался как гармонично устроенная система, в которой все элементы взаимосвязаны. Уже в античной традиции формируется представление о единстве человека и природы, которое позднее получает развитие в различных философских концепциях. В дальнейшем данная идея трансформируется в философских системах Нового времени и немецкой классической философии, где проблема соотношения природного и духовного начала приобретает особое значение.

Значительный вклад в философское осмысление природы внесла немецкая классическая философия, прежде всего натурфилософия. В рамках этой традиции природа рассматривается как динамическая система, в которой постепенно формируются более сложные формы организации, включая человеческое сознание. Так, в философии природы утверждается идея внутреннего единства природного и духовного начал. Как отмечал Фридрих Вильгельм Йозеф Шеллинг, задача натурфилософии состоит в том, чтобы показать, как из природы возникает дух, как природа приходит к тому, что она познается человеком, «объяснить идеальное исходя из реального» [Шеллинг, 1987: 183]. В этой перспективе человек рассматривается не как противопоставленный природе субъект, а как результат её исторического развития.

В философии XIX века идея органической связи человека и природного мира получает дальнейшее развитие. В частности, Карл Маркс подчеркивал, что природа является необходимым условием человеческого существования, указывая на неразрывность их связи: «природа есть неорганиче-

ское тело человека» [Маркс, Энгельс, 1974: 92]. Эта мысль выражает представление о том, что человеческая жизнь и деятельность невозможны вне природной среды, а сама природа выступает основой материального и духовного развития общества.

В философии XX века проблема взаимодействия человека и природы получает новое осмысление в рамках феноменологической и экзистенциальной традиции. В данном подходе человек рассматривается не как стоящий вне мира наблюдатель, а как участник мирового бытия, существующий внутри него. Так, Мартин Хайдеггер утверждал, что человек не является абсолютным господином природы, а лишь хранителем и посредником в раскрытии бытия, определяя его как «пастуха бытия» [Хайдеггер, 1993: 202]. Подобный подход подчеркивает необходимость более ответственного и внимательного отношения человека к окружающему миру.

Современные философские интерпретации всё чаще рассматривают отношения человека и природы в контексте целостной системы. Такой подход близок холистическим представлениям, согласно которым сложные явления нельзя свести к сумме отдельных элементов, поскольку целое обладает собственными качествами, не выводимыми из свойств его частей. В рамках подобного понимания человек и природная среда образуют единую систему взаимных взаимодействий, в которой изменение одного элемента неизбежно отражается на других.

Философская традиция постепенно формирует представление о глубокой взаимосвязи человека и природы. От античного понимания космической гармонии до современных экологических и феноменологических концепций прослеживается идея единства природного и человеческого бытия. В этом контексте ландшафт может рассматриваться как особое пространство, в котором проявляется взаимодействие природного мира и человеческой культуры, а также формируются условия для развития творческого мышления и экологического сознания.

Ландшафт как пространство формирования творческого мышления. Ландшафт представляет собой не только природно-географическую среду, но и *особое культурное пространство*, в котором формируются формы восприятия мира, способы мышления и творческая активность человека. Он включает природно-антропогенные элементы — природные элементы, преобразованные деятельностью человека, и потому выступает своеобразным посредником между природной (естественной) и культурной реальностью. В этом смысле ландшафт можно рассматривать как среду, в которой происходит взаимодействие человека и природы, а также формируются новые смыслы и способы осмысления окружающего мира.

В гуманитарных и философских исследованиях ландшафт часто, и данная тенденция усиливается, трактуется как *культурно-символическое пространство*. Одним из первых исследователей, предложивших подобное понимание, был географ Карл Ортвин Зауэр. Он рассматривал культурный ландшафт как результат взаимодействия природной среды и человеческой деятельности, подчеркивая, что «культура является агентом, природная область — средой, а культурный ландшафт — результатом их взаимодействия» [Sauer, 2011: 18]. Ландшафт здесь выступает не просто физической территорией, а пространством культурного и интеллектуального развития общества.

Важное значение для понимания роли ландшафта в формировании человеческого сознания имеет феноменологический подход. В рамках феноменологии пространство рассматривается не как абстрактная геометрическая категория, а как переживаемая человеком среда. Человеческое восприятие пространства связано с телесным опытом, чувственными впечатлениями и культурными интерпретациями. В своей работе «Феноменология восприятия» Морис Мерло-Понти рассуждает, что пространство не является объектом, который можно рассматривать извне, это среда, в которой мы живем и через которую воспринимаем мир [Мерло-Понти, 1999: 327, 475]. В этой перспективе природный ландшафт становится важным фактором формирования человеческого восприятия и мышления.

Переживание природного пространства оказывает значительное влияние на развитие воображения и творческих способностей. Эстетическое восприятие природы, связанное с переживанием красоты, гармонии или возвышенного, способно стимулировать мыслительную и художественную активность человека. *Философы эстетики неоднократно отмечали особую роль природных пейзажей в формировании эстетического опыта.* Так, в философии эстетики подчеркивается, что природный ландшафт является источником художественных образов и символов, способствующих развитию творческого мышления [Berleant, 2005].

Наряду с эстетическим аспектом важную роль играет и пространственно-экзистенциальный опыт человека. Ландшафт формирует ощущение принадлежности к определенному месту и способствует становлению индивидуальной и коллективной идентичности. В исследованиях архитектурной феноменологии отмечается, что переживание места является важным условием формирования человеческого мировосприятия. Норвежский теоретик архитектуры Кристиан Норберг-Шульц говорит о том, что задача архитектуры и организации пространства заключается в том, чтобы помогать человеку «обитать в мире», раскрывая смысл конкретного места [Norberg-Schulz, 1980: 5]. В этом контексте ландшафт выступает пространством, в котором человек не только живет, но и осмысляет свое существование.

Ландшафт можно рассматривать как особую среду формирования творческого мышления. Взаимодействие человека с природным пространством способствует развитию воображения, эстетического восприятия и философской рефлексии. Ландшафт становится своеобразным пространством диалога между природой и культурой, в котором формируются новые формы понимания мира и человеческого существования. Именно поэтому в философии и градостроительной мысли возникает стремление создавать такие формы организации пространства, которые способствовали бы гармоничному развитию личности и ее творческого потенциала. Эти идеи находят свое выражение в различных природоориентированных концепциях градостроительства, которые будут рассмотрены далее.

Утопические природоориентированные концепции в градостроительстве. История градостроительной мысли содержит значительное количество утопических проектов, направленных на гармонизацию отношений между человеком, городской средой и природой. Появление подобных концепций было связано прежде всего с кризисом индустриального города конца XIX — начала XX века. Стремительная урбанизация, перенаселение, антисанитарные условия и нестабильность общемировой экологической ситуации стимулировали поиск новых моделей организации пространства, ориентированных на гармонию человека и природы. В этом контексте формируются проекты идеальных городов, в которых природа рассматривается не как внешняя среда по отношению к человеку, а как *органическая часть городской структуры*.

Город-сад Эбенизера Говарда. Одной из наиболее влиятельных природоориентированных утопий стала концепция «города-сада», разработанная английским философом и социологом-утопистом Эбенизером Говардом. Свои идеи он изложил в книге «Garden Cities of To-Morrow» (1902) [Howard, 1902], первоначально опубликованной в 1898 году под названием «To-Morrow: A Peaceful Path to Real Reform». Данный труд занимает уникальное место в градостроительной литературе. Книга непосредственно привела к двум экспериментам по созданию городов, которые оказали глубокое влияние на практическое городское развитие по всему миру. Она также стала причиной введения термина «Город-сад» и привела в движение идеи, которые помогли преобразовать городское планирование.

Говард стремился создать новую форму расселения, которая объединяла бы преимущества городской цивилизации и сельской жизни. Он писал: «Город и деревня должны вступить в брак, и из этого радостного союза родится новая надежда, новая жизнь, новая цивилизация» («The town and the country must be married, and out of this joyous union will spring a new hope, a new life, a new civilization») [Howard, 1902: 18].

В основе модели города-сада лежала идея небольшого автономного города, рассчитанного примерно на 32 тысячи жителей, окруженного сельскохозяйственным поясом и зелеными насаждениями. Пространственная структура такого города имела радиально-кольцевую форму: в центре располагался общественный парк и культурные учреждения, вокруг — жилые кварталы, а периферийную часть занимали промышленные и сельскохозяйственные зоны. Предполагалось, что подобная планировка позволит сохранить близость природы, обеспечить благоприятную экологическую среду и предотвратить хаотичный рост мегаполисов [Жаркова, 2025].

Важным элементом концепции Говарда была *идея децентрализации городского пространства*. Вместо одного крупного мегаполиса предполагалось создание сети небольших взаимосвязанных городов-садов, которые образовывали бы своеобразную систему поселений. Такая модель расселения должна была сочетать экономическую эффективность города и экологическую устойчивость сельской среды.

Идея города-сада оказала значительное влияние на развитие градостроительной теории XX века и стала отправной точкой для формирования различных природоориентированных моделей городской среды. Уже в начале XX века она получила частичное практическое воплощение в британских городах Летчурт и Уэлвин, построенных по принципам говардовской схемы [Жаркова, 2025].

Несмотря на утопический характер первоначальной концепции, её основные положения — необходимость сохранения зелёных зон, ограничение роста мегаполисов и интеграция природных элементов в структуру города — остаются актуальными и в современном градостроительстве.

«Лучезарный город» Ле Корбюзье. В дальнейшем идеи гармоничного сосуществования города и природы получили развитие в проектах модернистских архитекторов. Например, французский архитектор швейцарского происхождения Ле Корбюзье (Шарль-Эдуар Жаннере-Гри) предлагал модель так называемого «вертикального города-сада» или «Лучезарного города» (*фр. Ville Radieuse*) [Le Corbusier, 1929]. Данная модернистская концепция была направлена на рационализацию городской среды и улучшение условий жизни человека. Основная идея проекта заключалась в создании строго организованного города с функциональным зонированием, где жилые, рабочие и рекреационные пространства четко разделены.

В отличие от города-сада, ориентированного на горизонтальное расширение, «Лучезарный город» предполагает вертикальную застройку: высотные здания размещаются среди обширных зелёных пространств. Архитектор подчеркивал необходимость включения природы в городскую структуру, утверждая, что современный город должен обеспечивать «пространство, свет и зелень» [Le Corbusier, 1929: 95]. Философски данная модель отражает стремление к упорядочиванию человеческой жизни через рациональную организацию пространства, где природа становится элементом планирования, а не стихийной средой.

Биофильный город Эдварда Осборна Уилсона. Концепция биофильного города основана на идее врождённой связи человека с природой, разработанной Эдвардом Осборном Уилсоном и развитой урбанистом Тимоти Битли. Согласно теории биофилии, человек испытывает естественную потребность в контакте с живыми системами.

Битли определяет биофильный город как пространство, где природа интегрирована во все уровни городской среды — от архитектуры до повседневных практик, а жители чувствуют глубокую связь с окружающей средой: «Биофильные города — это места с легкодоступной и богатой природой» («Biophilic Cities Are Places of Easily Accessible and Abundant Nature») [Beatley, 2011: 50].

Такая модель предполагает создание зелёных крыш, вертикальных садов, природных коридоров и общественных пространств, насыщенных природными элементами. В отличие от классических утопий, биофильный город ориентирован не только на пространственную организацию, но и на изменение образа жизни и восприятия человека.

Децентрализованный город Фрэнк Ллойда Райта. Создателем концепции децентрализованного города является американский архитектор Фрэнк Ллойд Райт. Свою идею он изложил в проекте «Broadacre City» («Акрогород» / «город на холме») (1930-е гг.). В её основе лежит принцип рассредоточенного расселения, при котором каждый человек получает доступ к земле и природной среде.

Райт предлагал отказаться от традиционного компактного города в пользу пространственно распределённой системы поселений, где транспорт и технологии обеспечивают связь между элементами. Он писал: «В городе дня завтрашнего землю будут мерить акрами: по акру на семью» и «Земля есть сущностное основание для нового города новой жизни» [Райт, 2016: 88-89]. В «Акрогороде» каждый житель мог бы иметь свой собственный участок земли, на котором может строить дом и создавать собственную среду. При этом архитектор предполагал наличие обширных парковых зон, зелёных насаждений и пространств для отдыха, чтобы жители могли наслаждаться окружающей природой. «Акрогород» по Райту — это воплощение справедливости, демократии, гуманности и свободы, где человек формирует город, а не наоборот.

Данная утопическая модель отражает идею индивидуализации пространства, стремление к восстановлению непосредственного контакта человека с природой и частично воплотилась в «субурбиях» США.

«Аркология» Паоло Солери. Другая утопическая концепция, еще её называют радикальной утопией, называется «Аркология» (конец 1960-х гг.), соединение архитектуры и экологии (architecture + ecology). Создатель этой концепции — итальянско-американский архитектор Паоло Солери.

Идея Солери заключалась в создании компактных мегаструктур, объединяющих функции города и минимизирующих воздействие на окружающую среду. Практическим воплощением концепции стал проект «Аркосанти» в Аризоне. Проект не был реализован — город не был достроен, но на территории осталось 13 зданий. По Солери «Аркология» признает необходимость радикальной реорганизации обширного городского ландшафта в плотные, интегрированные, трехмерные города [Soleri, 1969].

По задумке автора «Аркология» должна сочетать в себе высокую плотность застройки с экологической эффективностью, стремясь сократить потребление ресурсов и сохранить природные территории.

Подобные проекты несут в себе во многом утопический характер, однако, в то же время, они отражают стремление архитекторов разных эпох переосмыслить роль природы в структуре урбанистического пространства.

Современные интерпретации градостроительной утопии: эко-город (eco-city) и постуглеродный город. Более современное понимание развития природоориентированных градостроительных концепций несет в себе идея эко-города (eco-city). На сегодняшний день это целое, динамично развивающееся, направление в градостроительстве и урбанистике ориентированное на создание городов, которые функционируют в гармонии с природой, минимизируя экологический след и обеспечивая устойчивое развитие.

Эко-город — это город, где ресурсы используются эффективно, отдается предпочтение возобновляемым ресурсам, любые выбросы и отходы сведены к минимуму, природные экосистемы интегрированы в городскую среду и поддерживается высокий уровень качества жизни горожан. Идея тесно связана с принципами устойчивого развития и во многом опирается на экологическое мышление, восходящее к работам Владимира Ивановича Вернадского о ноосфере [Брундтланд, 1989].

Одним из ключевых идеологов движения eco-city считается Ричард Реджистер, который ввёл термин eco-city в 1970-х гг., основал организацию «Urban Ecology Center» и написал книгу «EcoCity Berkeley» (1987).

Наиболее известными современными проектами эко-городов, где при проектировании применялся комплексный экологический подход, являются:

- Масдар (Masdar City) — «умный» и экологически устойчивый город в эмирате Абу-Даби (ОАЭ), задуман как международный центр чистых технологий и инноваций в области устойчивого развития. Проект служит демонстрацией возможностей снижения углеродного следа при урбанизации в жарком климате. С 2008 года идет поэтапная реализация проекта.
- Куритиба (порт. Curitiba) — город на юге Бразилии, столица штата Парана, один из крупнейших и наиболее экологически ориентированных мегаполисов страны, известный своим инновационным городским планированием, развитой транспортной системой и высоким качеством жизни. Куритиба часто упоминается как «зелёная столица Бразилии».
- Фрайбург (официально Freiburg im Breisgau) — город в юго-западной части Германии, в федеральной земле Баден-Вюртемберг. Расположен у подножия Шварцвальда, близ границ с Францией и Швейцарией. Это один из самых солнечных и «зелёных» городов Европы, считается пионером экологически устойчивого развития и возобновляемой энергетики.

Параллельно с концепцией эко-города, фактически на её основе, развивается идея *постуглеродного города*. Она формируется в настоящее время в контексте современных экологических вызовов, прежде всего изменения климата. Концепция предполагает отказ от углеродоёмких источников энергии и переход к устойчивым системам жизнеобеспечения: нулевые выбросы CO₂, развитие зелёной инфраструктура и саморегулирующиеся экологические системы.

В научной литературе подчёркивается, что такие города должны строиться на принципах энергоэффективности, использования возобновляемых ресурсов и сокращения выбросов углерода [Newman, 2009].

Постуглеродный город — это уже не столько утопия, сколько стратегическая модель будущего, ориентированная на выживание и устойчивость человеческой цивилизации.

Начиная со второй половины XX века все градостроительные концепции несут в себе идеи природоориентированного города, которые предполагают сохранение природного каркаса территории, развитие зелёных общественных пространств и экологически ответственное использование природных ресурсов. Несмотря на различия в конкретных проектах, их объединяет стремление преодолеть противоречие между урбанизацией и природной средой.

Рассмотренные выше природоориентированные градостроительные концепции можно рассматривать как важный этап в формировании нового понимания городской среды и в целом нового человеческого эко-мышления. Они не только предложили альтернативные модели организации пространства, но и сформировали философскую установку на гармоничное взаимодействие человека и природы. В этом смысле градостроительные утопии выступают не просто архитектурными проектами, а своеобразными культурными моделями, отражающими стремление человека создать среду, в которой природный ландшафт становится неотъемлемой частью человеческого бытия и творческой деятельности.

Экологическое сознание и переосмысление роли человека. Современный этап развития философской мысли характеризуется усилением внимания к проблеме экологического сознания, которое формируется на пересечении научных, культурных и мировоззренческих изменений. Возрастающее воздействие человека на природную среду, приводящее к глобальным экологическим кризисам, требует переосмысления традиционного антропоцентрического подхода и перехода к более целостному пониманию взаимодействия человека и природы. В этом контексте экологическое сознание выступает как особая форма мировосприятия, основанная на признании взаимозависимости всех форм бытия.

Формирование экологического сознания связано с критикой классической модели, в которой человек рассматривался как субъект, противопоставленный природе и обладающий правом её неограниченного преобразования. В философии XX века данная установка подвергается пересмотру. Так, Мартин Хайдеггер указывал на ограниченность технико-инструментального отношения к миру, подчеркивая, что человек не является господином сущего, а призван «охранять» бытие. Это положение становится важной отправной точкой для формирования нового экологического мировоззрения, ориентированного на ответственность и бережное отношение к окружающей среде.

Существенный вклад в развитие экологического мышления внесла концепция «глубокой экологии», разработанная норвежским философом Арне Декке Эйде Нэссом. В рамках данного подхода утверждается принцип равной ценности всех форм жизни и необходимость отказа от узкого антропоцентризма. По Нэсу благополучие и расцвет человеческой и нечеловеческой жизни на Земле имеют ценность сами по себе [Naess, 1973]. Данная позиция предполагает переосмысление роли человека как части более широкой экологической системы, а не её центра. Экологическое сознание в этом случае основывается на признании внутренней ценности природы и необходимости гармоничного сосуществования с ней.

Важное значение для формирования экологического мировоззрения имеет также концепция ноосферы, разработанная Владимиром Ивановичем Вернадским. В его работах подчеркивается, что развитие человеческой цивилизации неизбежно связано с переходом биосферы в новое состояние, в котором разумная деятельность человека становится определяющим фактором её эволюции. Однако это предполагает не произвольное преобразование природы, а осознанное и ответственное участие в природных процессах [Вернадский, 1991].

Экологическое сознание тесно связано и с изменением представлений о пространстве и среде обитания человека. Ландшафт в этом контексте начинает рассматриваться не только как ресурс или объект преобразования, но как ценность, обладающая культурным, эстетическим и экзистенциальным значением. Восприятие окружающей среды формирует не только отношение человека к природе, но и его внутренний мир, включая ценностные установки и творческое мышление.

Особую роль в развитии экологического сознания играет идея целостности мира, характерная для холистических и системных подходов. В рамках этих концепций человек и природа рассматрива-

ются как взаимосвязанные элементы единой системы, в которой любые изменения имеют комплексные последствия. Это понимание усиливает представление о необходимости согласования человеческой деятельности с природными процессами и ограничениями.

Формирование экологического сознания связано с глубоким переосмыслением роли человека в мире. От позиции господства и противопоставления природе философская мысль постепенно переходит к пониманию человека как части сложной системы взаимодействий, в которой он несёт ответственность за сохранение природного равновесия. В этом контексте ландшафт приобретает особое значение как пространство, в котором осуществляется не только практическое, но и духовное взаимодействие человека с природой, способствующее развитию экологического мышления и творческого восприятия мира.

Заключение. Проведённое исследование позволяет рассмотреть ландшафт не только как физическое или географическое пространство, но как многомерную среду, в которой осуществляется взаимодействие природного и человеческого начал, формируются формы мышления и раскрывается творческий потенциал личности. В философской перспективе ландшафт предстает как особая онтологическая реальность, соединяющая различные уровни бытия — природный, культурный и духовный.

Анализ философских оснований взаимодействия человека и природы показывает, что в истории мысли постепенно происходит переход от представления о человеке как внешнем по отношению к природе субъекте к пониманию его как неотъемлемой части единого мира. Эта трансформация находит отражение как в классических философских концепциях, так и в современных экологических теориях, ориентированных на целостное восприятие бытия.

Рассмотрение ландшафта как пространства формирования творческого мышления позволяет выявить его роль в развитии воображения, эстетического восприятия и способности к рефлексии. Ландшафт выступает не только средой обитания, но и пространством смыслообразования, в котором осуществляется диалог человека с природой и культурой.

Утопические природоориентированные градостроительные концепции демонстрируют стремление к созданию гармоничной среды, в которой природные и социальные процессы находятся в равновесии. Несмотря на различия в подходах, данные модели объединяет идея интеграции природы в структуру города и переосмысления принципов организации пространства в соответствии с экологическими и гуманистическими ценностями.

В свою очередь, формирование экологического сознания свидетельствует о глубинных изменениях в понимании роли человека в мире. Современная философия всё более настойчиво утверждает необходимость перехода от антропоцентрической модели к экологически ориентированному мировоззрению, основанному на принципах ответственности, взаимосвязанности и уважения к природной среде.

Таким образом, ландшафт может быть осмыслен как пространство, в котором сходятся онтологические, культурные и экологические измерения человеческого существования. Его значение выходит за пределы утилитарного понимания и раскрывается как важнейшее условие формирования творческого мышления и экологической культуры. В этом контексте дальнейшее философское осмысление ландшафта приобретает особую актуальность, поскольку связано с поиском путей гармоничного существования человека и природы в условиях современного мира.

Список источников

- Брундтланд, Г. Х. и др. Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию / Г. Х. Брундтланд. М.: Прогресс, 1989. 376 с.
- Вернадский, В. И. Научная мысль как планетное явление / В. И. Вернадский. М., 1991. 274 с.
- Жаркова, Д. Д. Градостроительные утопии первой половины XX века / Д. Д. Жаркова // Научный Лидер. 2025. №45 (246). URL: <https://scilead.ru/article/10240-gradostroitelnie-utopii-pervoj-polovini-khkh> (дата обращения: 20.03.2026).

- Маркс, К. Собрание сочинений / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 42. Том подготовили к печати А. К. Воробьева и А. И. Малыш. Издательство политической литературы. Москва, 1974. 535 с.
- Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / Пер. с франц. под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина / М. Мело-Понти. М.: «Ювента», «Наука», 1999. 608 с.
- Райт, Ф. Л. Исчезающий город / Пер. с англ. Ф. Л. Райт. М.: Strelka Press, 2016. 180 с.
- Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. / М. Хайдеггер. М.: Республика, 1993. 447 с.

Шеллинг, Ф. В. Й. Сочинения в 2 т.: Пер. с нем. Т. 1 / Сост., ред., авт. вступ. ст. А. В. Гулыга./ Ф. В. Й. Шеллинг М.: Мысль, 1987. 637 с.

Beatley, T. *Biophilic Cities*. Washington: Island Press, 2011. 197 p.

Berleant, A. *Aesthetics and Environment, Variations on a Theme*. 2005. 227 p.

Howard, E. *Garden Cities of To-Morrow*. London: Swan Sonnenschein & Co., 1902. 171 p.

Le Corbusier. *The City of Tomorrow and Its Planning*. London: Architectural Press, 1929. 352 p.

Naess, A. *The Shallow and the Deep, Long-Range Ecology Movement*. Inquiry, 1973, Vol. 16.

Newman, P., Beatley, T., Boyer, H. *Resilient Cities*. Washington: Island Press, 2009. 184 p.

Norberg-Schulz, C. *Genius Loci: Towards a Phenomenology of Architecture*. New York: Rizzoli, 1980. 213 p.

Sauer, Carl O. 2011. La morfología del paisaje. Geografía en Español – Traducciones [Colombia], N° 5: 1–25. Documento online, acceso [insertar aquí fecha de consulta]: http://www.geografiaenespanol.net/Sauer_GeE_5.pdf. [Originalmente en inglés: «The morphology of landscape». University of California Publications in Geography, 2 (2), 19–54, 1925].

Soleri, P. *Arcology: The City in the Image of Man*. Cambridge, 1969. 122 p.

References

Beatley, T. (2011) *Biophilic Cities*. Washington, Island Press:197.

Berleant, A. (2005) *Aesthetics and Environment: Variations on a Theme*: 227.

Brundtland, G. H. et al. (1989) *Nashe obshcheye budushcheye: Doklad Mezhdunarodnoy komissii po okruzhayushchey srede i razvitiyu* [Our Common Future: Report of the World Commission on Environment and Development]. Moscow, Progress: 376. (In Russ.)

Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytiye: Stat'i i vystupleniya: Per. s nem. [Time and Being: Articles and Lectures. Translated from German]*. Moscow: Respublika, 447 (In Russ.)

Howard, E. (1902) *Garden Cities of To-Morrow*. London, Swan Sonnenschein & Co.: 171.

Le Corbusier. (1929) *The City of Tomorrow and Its Planning*. London, Architectural Press, 1929. 352.

Marx, K., Engels, F. (1974) *Sobraniye sochinreniy. T. 42. Tom podgotovili k pechati A. K. Vorob'yeva i A. I. Malyshe. Izdatel'stvo politicheskoy literatury*. [Collected Works. Vol. 42. Prepared for publication by A. K. Vorobyeva and A. I. Malyshe. Moscow: Publishing House of Political Literature], 535 (In Russ.)

Merleau-Ponty, M. (1999) *Fenomenologiya vospriyatiya / Per. s frants. pod red. I. S. Vdovinoy, S. L. Fokina [Phenomenology of Perception. Translated from French, edited by I. S. Vdovina and S. L. Fokin]*. Moscow, Juventa Nauka: 608.

Naess, A. (1973) *The Shallow and the Deep, Long-Range Ecology Movement*. Inquiry, 16.

Newman, P., Beatley, T., Boyer, H. (2009) *Resilient Cities*. Washington, Island Press: 184.

Norberg-Schulz, C. (1980) *Genius Loci: Towards a Phenomenology of Architecture*. New York, Rizzoli: 213.

Sauer, C. O. (2011) *La morfología del paisaje. Geografía en Español – Traducciones [Colombia], 5: 1–25, 2011*. Available at: http://www.geografiaenespanol.net/Sauer_GeE_5.pdf (accessed: [insert date]). [Originally published as “The Morphology of Landscape”, University of California Publications in Geography, 2(2), 19–54, 1925].

Schelling, F. W. J. (1987) *Sochineniya v 2 t.: Per. s nem. T. 1 / Sost., red., avt. vstup. st. A. V. Gulyga [Works in 2 Volumes. Vol. 1. Translated from German. Compiled, edited, and with an introductory article by A. V. Gulyga]*. Moscow, Mysl: 637. (In Russ.)

Soleri, P. (1969) *Arcology: The City in the Image of Man*. Cambridge: 122.

Vernadsky, V. I. (1991) *Nauchnaya mysl' kak planetnoye yavleniye [Scientific Thought as a Planetary Phenomenon]*. Moscow: 274. (In Russ.)

Wright, F. L. (2016) *Ischezayushchiy gorod / Per. s angl. [The Disappearing City. Translated from English]*. Moscow: Strelka Press: 180. (In Russ.)

Zharkova, D. D. (2025) *Gradostroitel'n'yye utopii pervoy poloviny XX veka [Urban planning utopias of the first half of the 20th century]*. Nauchny Lider, 45 (246). Available at: <https://scilead.ru/article/10240-gradostroitelnie-utopii-pervoy-polovini-khkh> (accessed: 20.03.2026). (In Russ.)

© Дуплинских И.А., Тукаева Р.А., 2026

Информация об авторе:

Иван Андреевич Дуплинских – ассистент кафедры ландшафтной архитектуры, Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет имени С. М. Кирова, Россия, 194021, город Санкт-Петербург, Институтский переулок, д. 5, Литер У. Автор 9 научных публикаций. Сфера научных интересов: устойчивость урбанизированных территорий, философские аспекты ландшафтной архитектуры водно-зеленый городской каркас и благоустройство эксплуатируемых кровель.

Вклад автора: разработка концепции, проведение исследования, подготовка текста. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 27.03.2026; принята после рецензирования 23.04.2026; опубликована онлайн 29.05.2026.

Роза Абдулхаевна Тукаева – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных дисциплин, Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет имени С. М. Кирова, Россия, 194021, город Санкт-Петербург, Институтский переулок, д. 5, Литер У. Автор 66 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия искусства, онтология художественной реальности, аксиология и семиотика искусства, культурно-исторического анализа художественных практик.

Вклад автора: разработка концепции, утверждение окончательного варианта. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 27.03.2026; принята после рецензирования 23.04.2026; опубликована онлайн 29.05.2026.

Information about the author:

Ivan A. Duplinskikh – Assistant Professor of the Department of Landscape Architecture, St. Petersburg State Forestry University named after S.M. Kirov, Russia, 194021, the city of St. Petersburg, Institutsky Lane, 5, Letter U. Author of 9 scientific publications. Research interests: sustainability of urbanized territories, philosophical aspects of landscape architecture, water-green urban framework and landscaping of exploited roofs.

Author's contribution: concept development, conducting the research, text preparation. No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 27.03.2026; adopted after review 23.04.2026; published online 29.05.2026.

Rosa A. Tukayeva – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, St. Petersburg State Forestry University named after S.M. Kirov, Russia, 194021, the city of St. Petersburg, Institutsky Lane, 5, Letter U. Author of 66 scientific publications. Research interests: philosophy of art, ontology of artistic reality, axiology and semiotics of art, cultural and historical analysis of artistic practices.

Author's contribution: development of the concept, approval of the final version. No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 27.03.2026; adopted after review 23.04.2026; published online 29.05.2026.

Научная статья
УДК 17.03

НЕКОТОРЫЕ КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ В ПОНИМАНИИ БОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА ЧЕРЕЗ КОНЦЕПТЫ ДОБРА И ЗЛА

Тельман Эмиралиевич Кафаров

Дагестанский государственный медицинский университет, Махачкала, Россия
SPIN: 6224-0633, ORCID: 0000-0003-4044-4717, kafarov.56@mail.ru

Аннотация. В работе анализируются некоторые конфессиональные нарративы о месте человека в качестве божественного наместника и основной цели всего акта творения мироздания. Во введении раскрывается актуальность понимания диалектики добра и зла для теории и практики и эффективного межкультурного и межконфессионального диалога. В качестве основных аналитических инструментов используется историко-философская, конкретно-историческая, культурологическая и диалектическая методология. Основное внимание обращается на проблематику добра и зла, на различные варианты их диалектики в различных религиозно-философских концептах. Показывается, что ислам не удовлетворяет крайности позиций теодицеи, анти-теодицеи, нигитологии и привационизма, поскольку признается божественная атрибутивность как добра, так и зла. Без этого, божественное всемогущество, провозглашаемое всеми религиями откровения, останется не совсем убедительной. В этом, пожалуй, заключается существенное различие ислама от христианства, где, как известно, зло имеет антропологическое и экзистенциальное измерение. В заключении подводятся общий итог анализа, где показывается, что, с одной стороны, важно общечеловеческое содержание морали и представлений о добре и зле; с другой – для объективного подхода необходимо нахождение субъекта «по ту сторону добра и зла», как призывал Ницше.

Ключевые слова: религия, ислам, христианство, иудаизм, человек, добро и зло, теодицея и анти-теодицея.

Original article

SOME CONFESSIONAL NUANCES IN UNDERSTANDING DIVINE CREATIVITY THROUGH CONCEPTS OF GOOD AND EVIL

Telman E. Kafarov

Dagestan State Medical University, Makhachkala, Russia
SPIN: 6224-0633, ORCID: 0000-0003-4044-4717, kafarov.56@mail.ru

Abstract. In the article reveals some confessional narratives about the place of man as a divine viceroy and the main purpose of the entire act of creation. The introduction reveals the relevance of understanding the dialectics of good and evil for theory and practice and effective intercultural and interfaith dialogue. Historical-philosophical, specific-historical, cultural and dialectical methodology are used as the main analytical tools. The focus is on the issues of good and evil, and the various ways in which they are dialectically related in different religious and philosophical concept. It is shown that Islam does not subscribe to the extremes of theodicy, anti-theodicy, nihilism and privacionism, as it recognizes the divine attribution of both good and evil. Without this, the divine omnipotence proclaimed by all the religions of revelation will remain somewhat unconvincing. This is perhaps the essential difference between Islam and Christianity, where, as is known, evil has an anthropological and existential dimension. In conclusion, the analysis is summarized, showing that, on the one hand, the universal content of morality and notions of good and evil is important, on the other hand, in objective approach requires finding a subject “beyond good and evil”, as Nietzsche suggested.

Keywords: religion, Islam, Christianity, Judaism, man, good and evil, theodicy, anti-theodicy.

Введение. Известно, что ислам отличается от других религий откровения рядом принципиальных канонических особенностей. Они, прежде всего, основаны на более строгом и последовательном понимании единобожия, что отражается, в том числе, на рассмотрении всего комплекса антропологической проблематики и понимании сложной диалектики добра и зла. Актуальность изучения этих вопросов для теории и практики, а также для конструктивного межкультурного и межконфессионального диалога не вызывает сомнений. Поэтому знаменитая дельфийская формула «Познай себя!» становится для мусульман не просто абстрактным призывом к умозрительной активности, она подчеркивает важность непрерывной рефлексии и работы над собой, на что собственно ориентирована каждая из пятикратных молитв верующего человека.

Ядром всей конфессиональной антропологической проблематики является учение о добре и зле. Это естественно, поскольку человек – это, прежде всего, не его биологические, а аксиологические составляющие. Публикаций, посвященных диалектике добра и зла и в нравственно-философском, и религиозно-теологическом измерениях, в отечественной и зарубежной науке достаточно. Особенно продуктивной была научная конференция, инициированная Институтом философии РАН, в мае 2021 г. по теме «Феномен зла. Метафизика. Теодицея. Мораль», в которой приняли участие известные философы К. Карпов, А. Гагинский, И. Гаспаров, А. Мишура, В. Сидорин, А. Скоморохов, Б. Фауль и другие, по результатам которой выпущен специальный номер журнала «Государство, религия, церковь в России и за рубежом» [Рагозина (гл. ред.), 2021: 7-141].

А вот философских работ, посвященных анализу специфики действия императивов добра и зла в исламе почти нет, доказательством чему является полное отсутствие таких докладов на данной конференции. В основном большинство работ по данной антропологической и нравственной проблематике носит или богословский, или просветительский характер, что не дает возможности высветить многие грани сложной диалектики добра и зла.

Мы данному вопросу уже посвятили статью, опубликованную в журнале «Исламоведение» [Кафаров, 2022: 96-111] и хотим продолжить этот анализ.

Методология исследования. Объектом нашего исследования является теологическое измерение проблематики добра и зла. Для анализа, прежде всего, используется инклюзивная методология, ориентированная на нахождение общих точек совпадения у различных конфессий в этом вопросе. Применяются также инструменты компаративистского подхода, которые позволяют выявить методологические возможности различных концептуальных подходов к изучению религии в целом, и ислама, в частности. Важными также являются системный подход и традиционные методы диалектического мышления, с помощью которых анализируются различные религиозные явления и процессы. При этом используется принцип конкретно-исторического подхода, с помощью которого осуществляется весь содержательный анализ концептов добра и зла.

Результаты и обсуждение. В теологическом измерении подлинным творцом, а значит, суверенным и самодостаточным субъектом творчества объявляется Бог-демиург. В религиях откровения это, прежде всего, выражается в символике креационизма, согласно которому Бог сотворил все сущее «из ничего». Такая способность творить «из ничего» – это принципиальная особенность божественного творчества. Ни человек, никто-либо другой, такой способностью не обладает, что признано всеми религиями откровения. Это, во-первых. Во-вторых, мы все религии откровения идентифицируем как теизм, а не деизм, потому, что библейскими и кораническими сюжетами творение мира и человека не завершается; это перманентный, непрерывный и вечный творческий процесс, Всевышний продолжает ежеминутно творить и совершенствовать это собственное мироустройство. Наконец, в-третьих, Его высшим творением является человек, который был единственно сотворен Богом по Своему образу и подобию и кому, таким образом, была передана часть божественного могущества, в том числе, способность творить. Ислам категорически отрицает и символику божественной Троицы и всякую антропоморфизацию Бога, богоподобие и богообразность человека, рассматривая это как придание Ему со товарищей, что является непозволительным ширком, грехом. А в остальном, особенно в том, что Бог призвал в помощники в сотворчестве человека, наделив для этого его особыми полномочиями, мы видим совпадение коранических и библейских текстов.

Среди этих особенных полномочий, данных Богом человеку, следует выделить несколько, которые подчеркивают его творческий потенциал. Прежде всего, это касается божественного определения статуса человека в качестве полномочного и единственного Своего наместника на Земле, которому все должны подчиняться и поклоняться. Необходимо заметить, что некоторые алимы именно в этом видят определенную богообразность человека, которая в целом, как мы отмечали, исламом категорически отрицается. Связано это с тем, что ислам в целом запрещает все формы поклонения кроме божественного, но в данном случае Аллах призывает всех, в том числе, ангелов, поклоняться человеку, поскольку он уполномочен на наместничество самим Всевышним. Например, Ибн аль-Араби отмечает, что «нет никакого достойного наместника от Аллаха, кроме этого наместника, который есть человек, поскольку этот тварный наместник есть по образу Того, Кто назначил его на наместничество, и в нем сосредоточились все потенциальности всех сущих..., человек бытийствует в наилучшем образе, подобном наилучшему Создателю бытия» [аль-Араби, 1995: 36].

Для полноценного утверждение человека в качестве божественного наместника одного Божественного установления далеко недостаточно. Для этого нужны целенаправленные усилия самого человека и соответствующий духовно-интеллектуальный потенциал, обретение им определенной суммой знаний. Поэтому в Священном писании неоднократно подчеркивается важность человеческих знаний: «Разве сравниются те, которые знают и те, которые не знают?» [Коран, 39: 12 (9)]. «Возвышает Аллах тех из вас, которые уверовали, и тех, кому дано знание, на разные степени» [Коран, 58: 12 (11)]. А пророческие лозунги «Ищите знание даже в далеком Китае, так как его получение – фард (обязанность) для каждого мусульманина. И ангелы расстилают свои крылья под ногами ищущего знаний» [аль-Джами, 1/310], стали программными для всего исламского вероучения, его культурно-образовательной стратегии и каждого члена уммы.

И еще один важный момент, доказывающий факт значительного *расширения субъекта исламского творчества* по сравнению с другими конфессиями. Не секрет, что православие и католицизм, как церковные организации, подлинным субъектом объявляют церковь, именно через этот институт формируется наиболее активная масса участников конфессионального диалога и творчества, роль же рядовых верующих сведена до минимума. Церковь формулирует и распространяет наиболее важные формулы толкования символов христианской веры, она и ее органы следят за чистотой вероучения и действием всех его механизмов распространения. Ислам же, как нецерковная организация, осуществляет прямой диалог верующего с Аллахом, без всяких посредников. Здесь действует практика иджтихада, по которому, во-первых, каждый сознательный и подготовленный мусульманин может видеть в строках и «между строк» Священного текста свои собственные смыслы и значения; во-вторых, любой мусульманский богослов (муджтахид) имеет право самостоятельного решения религиозно-правовых вопросов, на которые нет прямых указаний в Коране и Сунне.

Необходимо заметить, что из отмеченного выше, высочайшего статуса человека в религиозной картине мира и его неисчерпаемого творческого потенциала, некоторыми христианскими философами – реформаторами даже делается тенденциозный вывод о правомерности выведении человека за пределы божественного всемогущества, поскольку в противном случае снимается проблема человеческой ответственности за свои намерения и действия. Например, совсем неубедительно с конфессиональной точки зрения звучат слова В. Н. Лосского о том, что человек – единственное существо, на которого не «распространяется» всемогущество Бога, что Он «... бессилен перед человеческой свободой» [Лосский, 1991: 157], и Андрея Кураева о том, что «своей рукой Бог создал в мире островок, в котором Он отказывается править непосредственно, у границы которого Его воля замирает в ожидании, когда Его туда допустит человек» [Кураев, 1993: 7]. Если Бог, как они утверждают, бессилен перед человеком – своим основным и любимым созданием, то спрашивается, зачем Он тогда нужен? Зачем тогда вообще нужна религия? Вся ветхозаветная символика, начиная от творения человека, грехопадения, изгнания из рая, со всеми вытекающими из этого последствиями, создана для человека, руководства его намерениями и деяниями и, наконец, во имя его спасения. Ведь религию не случайно называют Божественным откровением, поскольку в качестве адресата был человек и никто другой.

Необходимо отметить, что подобные формулировки, как метафоры, раскрывающие сложность антропологической тематики вообще, как философские рассуждения, доказывающие разумом многоаспектность проблемы человеческой свободы и его ответственности, недостаточность

лишь упования на Божественное всемогущество, вполне допустимы. Но выдвигать их в качестве канонических постулатов было бы неправильно и несправедливо, поскольку это выражают недоверие к Божьему промыслу и Его всемогуществу, проповедуемому исламом, иудаизмом и христианством.

Обсудим еще один важный вопрос, связанный с концептом божественной всеблагости, без решения которого не может утвердиться ни одна конфессия. С одной стороны, в отношении Бога как абсолютного источника блага, у всех религий откровение имеется единодушие. Ислам не является тут исключением, поскольку первоначалом и первоисточником блага в исламе является не сам человек, а только Всевышний. Человеческие блага проистекают не из самого человека, а от божественного абсолютного блага, но не в непосредственном виде, а опосредованно, через божественное всемогущество. «О Боже, царь царства! Ты даруешь власть, кому пожелаешь власть, и отнимаешь власть, от кого пожелаешь, и возвеличиваешь, кого желаешь, и унижаешь, кого желаешь. В Твоей руке – благо; Ты ведь над каждой вещью мощен!» [Коран, 3: 25 (26)]. Подобно тому, как луна светит не своим светом, а отраженным и идущим от солнца, так и человек постигает и претворяет благо, исходящее от Всевышнего. Источник у всех благ один и тот же – Всевышний, как носитель и выразитель абсолютного блага, но значения и смысл, в которых это благо проявляется, а также обстоятельства, ситуации и способы их существования, данные людям, могут быть различными у разных людей. Поэтому одна и та же абсолютная божественная благодать по-разному отражается на отдельных индивидах.

Значительно сложнее складывается межконфессиональный диалог, связанный с диалектикой добра и зла, с которой сталкивается любая религия. Без решения этой проблемы ни одна из религий и теологий не может в полной мере реализовать свой творческий и эвристический потенциал. Необходимо отметить, что многие аналитики существенное отличие ислама и иудаизма от христианства, видят именно в понимании источников зла: для одних, оно, как и добро являют собой результат божественного творчества. Для других же, зло имеет исключительно антропологическое и экзистенциальное измерение, проистекает от человека, что проявляется с первых моментов его творения, последующего непослушания, грехопадения и, в результате, изгнания из рая.

В религиозно-философском дискурсе сложилось несколько крупных установок в понимании этого вопроса:

- *теодицея* (от греч. *theos* – Бог и *dike* – справедливость), иначе (богооправдание) – это религиозно-философская доктрина, стремящаяся согласовать представление о благом и всемогущем Боге с наличием зла и страданий в мире. Особенно уязвимой она стала в последнем столетии после драматургии мировых войн, геноцида в отношении целых народов, других, более современных, примеров радикального зла, когда здравомыслящие люди убедились в неспособности теодицеи предложить позитивную и действенную программу преодоления зла в мире;

- *анти-теодицея* – противоположная позиция, раскрывающая бессилие Бога в борьбе со злом, и даже возлагающая всю вину за наличие зла, страданий и других атрибутов несовершенства мира на монотеистическую религию и ее моральную доктрину. Поэтому необходимо отказаться или от символики божественного всемогущества, что означает отход от монотеизма, или от признания очевидного наличия зла и страданий в мире, что абсурдно;

- *философская и нравственная нигитология*, считающая вообще недопустимым оценочный подход в философии, религии и аналитической теологии, особенно в категориях добра и зла, поскольку это ведет к утрате объективности дискурса. Исторически эта позиция была четко выражена Б. Спинозой, который считал, что категории добра и зла являются лишь мыслительными модулями, понятиями, не раскрывающими сущности вещей и процессов, поскольку через оценку выражается лишь человеческое отношение к ним. Поэтому одно и то же явление может вызывать самое противоречивое отношение к нему у различных людей и в различных ситуациях. Музыка хороша для одних, неприятна для других, например, носящих траур, и безразлична для глухого человека [Спиноза, 1957: 108-109]. Нигитологическая позиция была также выражена Ф. Ницше, который призывал встать «по ту сторону добра и зла», как отмечено в названии одной из его трактатов [Ницше, 1990]. Интересная и убедительная критическая аналитика этого направления была дана В.А. Кутыревым в одной из работ в Вопросы философии [Кутырев, 2000: 15-32].

- различные варианты *привационных* (от лат. *privation boni* – лишение, отсутствие, ограничение блага) концептов добра и зла, согласно которым существует только благо и только оно, а то, что воспринимается как зло, на самом деле есть недостаток блага [Карпов, 2020: 134-146].

Мы убеждены в том, что исламское мировоззрение не относится ни к одному из этих вариантов в понимании диалектики добра и зла. Во-первых, ислам не является теодицеей, поскольку Бог объявляется первоисточником не только добра, но и зла, как в иудаизме. Аллах сотворил не только благо и благодать, но и допустил многое, что приносит страдания, боль, болезни, что не может нравиться людям и оцениваться как добро. Ислам не являет собой также вариант анти-теодицеи, утверждающей, что монотеизм вообще не способен объяснить появление и присутствие зла в мире. Он не может удовлетвориться также нигитологической установкой, которая субъективизирует всю нравственную проблематику, а значит, она вообще снимает с повестки дня религиозного вероучения проблематику добра и зла вообще. Не подходит для его вероучения и привационный подход, который упраздняет проблему зла через количественную метрику в оценке добра.

Поэтому во многих религиях, в том числе в исламе, имеет место *пятая*, по нашей классификации, точка зрения, которую мы условно назовем *инклюзивной*, когда Всемогущий Бог объявляется *первоисточником не только блага, но и зла*. В истории религии подобная установка сформировалась достаточно давно, задолго до возникновения ислама. Например, такой характеристикой Всевышнего пронизаны все книги Ветхого завета: «Кто может приказать, чтобы исполнилось нечто, (чего) не повелел Господь? Не из уст ли Всевышнего исходят бедствия и блага?» [Библия, Плач 3: 37-38]; «Я обрзую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия. Я, Господь, делаю все это» [Библия, Ис.45: 7]; «Бывает ли в городе бедствие, которое не Господь сотворил?» [Библия, Ам.3: 6]; «... Я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло» [Библия, Втор.30: 15, 20].

Такую же позицию мы видим и в учениях зороастризма и манихейства, в основе которых лежит идея изначальной дуалистической разделенности бытия на две противоборствующие божественные составляющие – свет, олицетворяющий доброе начало бытия, и тьму – обиталище зла.

Логика всех этих религий проста и выражается в следующем: всемогущество должно выражаться во всем, хорошем и плохом, иначе оно не будет всемогуществом. Поэтому в Коране отмечается: «...Ты даешь царство кому хочешь, и отъемлешь царство у кого хочешь; Ты возвышаешь кого хочешь, и унижаешь кого хочешь: благо в Твоей руке, потому что Ты всемогущ» [Коран, 3: 26 (25)]. «Если коснется тебя Аллах бедствием, то нет избавителя от этого, кроме Него» [Коран, 6: 17 (17)].

Естественно, у всякого здравомыслящего человека возникает вопрос: почему Всевышний допускает наличие зла в мире? Приведем некоторые аргументы в пользу такой позиции.

Во-первых, зло и в исламе, и в других религиях не имеет субстанционального и самоценного статуса, поскольку оно не является самоцелью (мурад ли-затиhi), а лишь средством (мурад ли-гай-рихи) утверждения правильного таухида.

Во-вторых, ни одно Священное писание не утверждает, что зло присуще Самому Творцу как Его сущностное качество и что существование зла – цель Бога. Концепты всемогущества и всеблагости остаются во всех религиях откровения незыблемыми. Зло – следствие и результат человеческого отвержения Бога. Зло непосредственно не входит в план божественного творчества; Всевышний лишь *допускает* существование зла, иначе не было бы проблемы человеческой ответственности, а человеческая свобода была бы неполной.

В-третьих, Аллах допускает зло в мире для проверки крепости своего имана. В этом плане добро и зло одинаково являются формами испытания, посылаемыми человеку. «Каждый человек вкусит смерть. Мы испытаем вас, искушая злом и добром: вы возвратитесь к Нам» [Коран, 21: 36 (35)].

В-четвертых, как отмечает Пророк в одном из хадисов, главной причиной зла является невежество людей (*джахилийя*), незнание [аль-Бухари, 7084]. Поэтому путь восхождения человека в исламе к торжеству добра и блага проходит от незнания к знанию. Получается, что в исламе, как и у Сократа, добро и зло имеют общие и единые причинные истоки, связанные с мерой приобщения человека к одному и тому же, а именно - к знанию.

Таким образом, допущение зла Всевышним является не свидетельством Его бессилия, а, напротив, выражением божественной мудрости и дальновидности, предложившим столь изощренную стратегию проверки и испытания человека. Связано это, в том числе, с тем, что часто человек не в

состоянии в полной мере осознать, что для него благо, а что – нет. Как отмечал Ф. Ницше в одной из работ, к которой редко обращаются аналитики, когда нас постигает бедствие, то его можно одолеть либо устранением его причины, либо изменением действия, которое оно оказывает на наше сознание, – т.е. истолкованием его как блага, польза которого, быть может, выяснится нам позднее» [Ницше, 1997: 90].

Как преподаватель, всю жизнь проработавший в медицинском вузе, не могу не сказать в связи с этим о болезнях, которые, безусловно, трудно отнести к благу и добру. Согласно исламу, любая болезнь – это также одна из милостей Аллаха. Почему?

Во-первых, она дает понять, что человек часто, забывая о Творце, начинает себя чувствовать всемогущим и всемогущим. Только сталкиваясь с проблемами со здоровьем своим и близких людей он начинает понимать насколько человек слаб, немогущ и незащищен. Разве это не повод задуматься о величии Творца и потребности в Его покровительстве?

Во-вторых, как подчеркивается в одном из хадисов, Аллах не создал болезни, не сотворив одновременно исцеления от нее. Последнее может быть, как медикаментозное, так и духовное, с использованием инструментов Пророческой медицины. Не случайно, в современных условиях мы видим активное возрождение такой медицины у нас и за рубежом. Так, Центр исламской медицины в Грозном, работающий круглосуточно, сегодня принимает по 100-150 пациентов в день, и через него уже прошли лечение более 400 тыс. человек. Там используют традиционные и нетрадиционные технологии исламской медицины, такие, как хиджама, иглотерапия, ортопедия, косметология, включая всевозможные экзорцистские практики изгнания джиннов и демонов, снятие порчи. Особенно широко используется также лечение через чтение определенных аятов Корана.

В-третьих, согласно исламу, болезнь, являясь испытанием человека, смывает многие его грехи, даже если он не успел или забыл в чем-то покаяться. Когда ибн Масуд обратился к Пророку: «О, Посланник Аллаха! Тебя сильно знобит!», на что он ответил: «Да, клянусь Аллахом, не сходит беда от мусульманина, кроме как Аллах смывает его грехи (путем бед и болезней), подобно тому, как листья падают с дерева» [аль-Бухари, 5647]. Поэтому считается, если человек выживет во время данной болезни, то будет жить уже прощенным Аллахом, а если, к сожалению, умрет, то он будет умершим в прощении [Танбихуль, 2011: 499].

В-четвертых, любая болезнь есть напоминание человеку и человечеству, что символическое равенство людей перед Богом должно иметь место и в реальной жизни; все равны, если не через богатство и достаток, то через достояние божественной Всеблагости, где, как мы убедились, имеет место и добро, и зло. А потому никому не избежать жизненной драматургии, трудностей и болезней. В одиночку, какой бы ты ни был могущественный и богатый, не преодолеть их, только через социальное и духовное единение людей в селе, городе, стране и мире. Опыт пандемии ясно показал это. Поэтому чрезвычайно глубокой и справедливой является мысль, которую сформулировал известный церковный публицист, иеромонах Макарий (Маркиш), о том, что пандемия является не наказанием, а вразумлением и научением человечества. Ответ на этот вопрос лежит в трактовке слова «наказание», которое в православном контексте имеет в виду не возмездие, а «научение». Тогда и предлог «за» (в словосочетании «наказание за...») теряет смысл причины или повода [Священник назвал, 2021].

Из сказанного выше вытекает очень интересное требование к человеку. Как бы парадоксально это ни звучало, но безусловно человек должен быть благодарным Творцу не только за добро, благо, здоровье, достаток, не только когда тебе хорошо, но всегда, особенно когда плохо, есть проблемы и одолевают болячки. Ведь благодарность (шукр) представляет собой «способ осмысления мира и жизни такими, какие они есть» [Hallaq, 2018: 256–257]. Поэтому:

- если у тебя материальные трудности, у близких имеются проблемы со здоровьем, день начинай с благодарности Аллаху за тело, за то, что оно, несмотря ни на что, дышит и живет;
- если тебя одолевают душевные и сердечные терзания, то также благодари Всевышнего за то, что ты и близкие живы и могут чувствовать;
- когда судьба посылает жизненные испытания, трудности и враги не дают покоя – опять-таки благодари Его, поскольку только крепкая и искренняя вера в истину и справедливость помогают тебе преодолевать и побеждать себя и развиваться, продолжая путь вперед;

- даже тогда, когда одиноко и тоскливо, то снова благодари Всевышнего за тишину и личное пространство, возможность побыть наедине с собой, сказать что-либо важное, в чем-то признаться, а, может быть, просто отдохнуть и восстановиться для последующих деяний.

Заключение. Таким образом, получается, что согласно всем религиям откровения, божественная награда и наказание в одинаковой степени являются гранями проявления Его всеохватывающей любви-агапэ, ничем не мотивированной, безусловной и бескорыстной, направленной на спасение человека.

Следовательно, ницшеанский призыв «стать по ту сторону добра и зла» никак не может относиться к Богу, поскольку на платформе морального нейтралитета Он не может состояться как универсальный Творец всего сущего. Данный лозунг относится не только к сверхчеловеку с гипертрофированной «волей к власти», но и к любому человеку, включенному в созидательную деятельность, стремящемуся достичь чего-то в познании и преобразовании себя и мира.

Если устранить афористичность и метафоричность формулировок Ницше, он, безусловно, прав в одном: необходимо выйти за пределы упрощенных представлений о добре и зле, разводящих их по разным оценочным полюсам, и навечно закрепляющих их за определенными явлениями. То, что в одном случае оценивается как зло, в другом отношении может являться добром и благом, и наоборот. Поэтому единая шкала моральных оценок, действительная для всех времен, народов и индивидов, невозможна.

Конечно, общечеловеческая мораль с совпадающими у всех людей, народов и конфессий, представлениями о добре и зле нужна, поскольку без таких императивов невозможно управлять сложными социальными процессами и человеческим поведением. Без них невозможен диалог различных культур и конфессий, у которых, как мы убедились, разные представления о добре и зле. Но прогресс человечества невозможен без выхода за пределы традиционных представлений о добре и зле. В этом плане творчество является одним из механизмов выхода за пределы одномерно оцениваемого мира. Поэтому любой философ, ученый, аналитик, стремящийся к объективности, также должен стремиться стать по ту сторону добра и зла. Без этого он не может состояться как Творец.

Список источников

- Аль-Бухари М. Свод хадисов имама аль-Бухари (Мухтасар полный вариант) / пер. с араб. В. А. Нирша. М.: Умма, 2003. 959 с.
- Библия. Ветхий и Новый заветы. Синодальный перевод. Библийская энциклопедия арх. Никифора. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/biblerus/?f=0JjRgS40&t=0JjRgdGFLg%3D%3D&nt=910> (Дата обращения 10.03.2026).
- Ибн аль-Араби. Мекканские откровения. Введение. СПб., 1995. 283 с.
- Карпов К.В. Привационная трактовка зла в религиозном и натуралистическом мировоззрениях // Христианское чтение. 2020. № 6. С. 134–146.
- Кафаров Т.Э. Проблема зла в исламе: между теодицеей и анти-теодицеей // Исламоведение. 2022. №2(52). С. 96–111.
- Коран. Пер. с араб. акад. И. Ю. Крачковского. М.: СП ИКПА, 1990. 512 с.
- Кураев А. В. Грехопадение // Человек, 1993. №5. С.3-16.
- Кутырев В. А. Оправдание бытия (явление нигитологии и его критика) // Вопросы философии. 2000. №5. С.15-32.
- Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М.: Центр «СЭИ», 1991. 1232 с.
- Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего // Фридрих Ницше. Соч. в 2-х тт. Т.2. М.: Мысль, 1990. 99 с.

- Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Человеческое, слишком человеческое; Веселая наука; Злая мудрость. Сборник. – Мн.: ООО «Попурри», 1997. С.3-318.
- Сахих аль-Джами' ас-сагъир. Достоверные хадисы. URL: [https://vk.com/topic-46141534_27950846_\(Дата обращения 09.02.2026\)](https://vk.com/topic-46141534_27950846_(Дата обращения 09.02.2026)).
- Священник назвал пандемию коронавируса «вразумлением человечества». URL: [https://ria.ru/20200325/1569157443.html_\(Дата обращения 09.02.2026\)](https://ria.ru/20200325/1569157443.html_(Дата обращения 09.02.2026)).
- Спиноза Б. (1957). Этика // Спиноза Б. Избранные произведения. 2 тт. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 1. 523 с.
- Танбихуль гафилин (Пробуждение беспечных). Часть 1. Казань: Академия познания, 2011. 512 с.
- Феномен зла. Метафизика. Теодицея. Мораль. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 39(4). С.7-141.
- Hallaq W. Restating Orientalism: A Critique of Modern Knowledge. New York: Columbia University Press. 2018. 392 p.

References

- Al-Bukhari, M. (2003) Svod khadisov imama al-Bukhari (Mukhtasar polnyy variant) / per. s arab. V. A. Nirsha. [The Collection of Hadiths of Imam al-Bukhari (Muhtasar full version) / transl. from Arabic by V. A. Nirsha]. M., Umma: 959. (In Russ.)

- Bibliya. Vetkhii i Novyy zavety*. Sinodalnyy perevod. Bibleyskaya entsiklopediya arkh. Nikifora [The Bible. The Old and New Testaments. The Synodal Translation. The Bible Encyclopedia of Arch. Nikifor]. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/biblerus/?f=0JjRgS40&t=0JjRgdGFLg%3D%3D&nt=910> (Data obrashcheniya 10. 03. 2026). (In Russ.)
- Fenomen zla. Metafizika. Teoditsey. Moral (2021) [The Phenomenon of Evil. Metaphysics. Theodicy. Morality]. *State, Religion, Church in Russia and Abroad*, 39 (4): 7-141. (In Russ.)
- Hallaq, W. (2018) *Restating Orientalism: A Critique of Modern Knowledge*. New York, Columbia University Press: 392.
- Ibn al-Arabi. (1995) *Mekkanskije otkroveniya. Vvedenie* [The Revelations of Mecca. Introduction]. St. Petersburg: 283. (In Russ.)
- Karpov, K. B. (2020) Privatsionnaya traktovka zla v religioznom i naturalisticheskom mirovozzreniyakh [The Private Interpretation of Evil in Religious and Naturalistic Worldviews]. *Christian Reading*, 6: 134–146. (In Russ.)
- Kafarov, T. E. (2022) Problema zla v islame: mezhdue teoditsey i anti-teoditsey [The Problem of Evil in Islam: Between Theodicy and Anti-Theodicy]. *Islamovedenie*, 2(52): 96-111. (In Russ.)
- Koran* (1990) Per. s arab. akad. I.Yu. Krachkovskogo [The Quran. Translated from Arabic. by Acad. I.Yu. Krachkovsky]. M., SP IKPA: 512. (In Russ.)
- Kuraev, A. B. (1993) Grekhopadenie. [The Fall]. *Chelovek* [Man], 5: 3-16. (In Russ.)
- Kutyrev, V. A. (2000) Opravdanie bytiya (yavlenie nigitologii i ego kritika). [Justification of Being (the Phenomenon of Nihilism and Its Criticism)]. *Voprosy Filosofii* [Questions of philosophy], 5: 15 - 32. (In Russ.)
- Losskiy, V. N. (2000) Ocherk misticheskogo bogosloviya Vostochnoy Tserkvi. Dogmaticheskoe bogoslovie [An Essay on the Mystical Theology of the Eastern Church. Dogmatic Theology]. Moscow, SEI Center: 1232. (In Russ.)
- Nitshe, F (1990) *Po tu storonu dobra i zla. Preludiya k filosofii budushchego* [Beyond Good and Evil. Prelude to a Philosophy of the Future] // Friedrich Nietzsche. Works in 2 Volumes, 2. Moscow, Mysl: 99. (In Russ.)
- Nitshe, F. (1997) Chelovecheskoe, slishkom chelovecheskoe. *Chelovecheskoe, slishkom chelovecheskoe; Veselaya nauka; Zlata mudrost. Sbornik*. [Human, Too Human; The Merry Science; The Evil Wisdom. Collection]. Minsk, LLC "Popurri": 3-318. (In Russ.)
- Sakhikh al-Dzhami' as-sagir*. Dostovernnye khadisy [Authentic Hadiths]. URL: https://vk.com/topic-46141534_27950846 (Data obrashcheniya 09.02.2026). (In Russ.)
- Svyashchennik nazval pandemiyu koronavirusa «vrazumleniem chelovechestva*. [The priest called the coronavirus pandemic "a lesson for humanity"]. URL: <https://ria.ru/20200325/1569157443.html>. (Data obrashcheniya 09.02.2026). (In Russ.)
- Spinoza, B. (1957) *Etika*. Spinoza B. Izbrannye proizvedeniya. 2 tt. [Ethics. Spinoza B. Selected Works. 2 vols]. Moscow: State Publishing House of Political Literature. Vol. 1.: 523. (In Russ.)
- Tanbihul gafilin* (Probuzhdenie bespechnykh). Chast 1. (2011) [Tanbihul Gafilin (Awakening of the Careless)]. Part 1. Kazan: Academy of Knowledge: 512. (In Russ.)

© Кафаров Т.Э., 2026

Информация об авторе:

Тельман Эмиралиевич Кафаров – доктор философских наук, зав. кафедрой философии и истории, Дагестанский государственный медицинский университет. Пл. Ленина, д. 1, Махачкала, Россия. 367000. Автор более 250 научных публикаций. Сфера научных интересов: духовная культура в условиях глобализации, этико-философские проблемы современной медицины.

Вклад автора: разработка концепции, проведение исследования, подготовка и редактирование текста, утверждение окончательного варианта. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 05.03.2026; принята после рецензирования 25.03.2026; опубликована онлайн 29.05.2026.

Information about the author:

Telman E. Kafarov – Doctor of Philosophical Sciences, Head of the Department of Philosophy and History, Dagestan State Medical University. Lenin Square, 1, Makhachkala, Russia. 367000. Author of more than 250 scientific publications. Areas of scientific interest: spiritual culture in the context of globalization, ethical and philosophical problems of modern medicine.

Author's contribution: conceptualisation, research, drafting and editing of the text, approval of the final version. No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 05.03.2026; adopted after review 25.03.2026; published online 29.05.2026.

Научная статья
УДК 1 (091)

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КОММУНИКАЦИОННОЙ ТЕОРИИ НИКЛАСА ЛУМАНА

Александр Александрович Львов¹, Глеб Викторович Богомолов²

^{1, 2} Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹ SPIN: 2301-2592, ORCID: 0000-0001-7375-3327, a.lvov@spbu.ru

² ORCID: 0009-0000-0984-6326

Аннотация. Статья посвящена систематизации и анализу коммуникации в социальной теории Никласа Лумана. Центральное место отводится антропологическому измерению, которое возникает в связи с его теорией. Теория Никласа Лумана ассоциирована с дистанцированием от гуманистической проблематики в пользу перехода к исследованию автономных социальных систем. В рамках работы исследуются предпосылки и следствия, которые возникают при переходе к неантропологической модели общества, а также отмечаются специфические пространства-маргиналии, в которых сохраняется значимость человеческого влияния. Методологической основой работы является системно-теоретический анализ в сочетании с элементами концептуальной реконструкции и сравнительного подхода. Используются ключевые тексты Лумана, прежде всего «Что такое коммуникация?» и «Невероятность коммуникации», а также работы по теории аутопоэзиса и функциональной дифференциации общества. Дополнительно привлекаются материалы, связанные с дискуссией с Юргеном Хабермасом. В исследовании продемонстрировано, что исключение антропологического элемента из анализа Лумана провоцирует ряд проблем, которые разрешаются в критической теории коммуникации.

Ключевые слова: Никлас Луман, Юрген Хабермас, теория коммуникации, антропология, социальные системы, аутопоэзис, структурализм.

Original article

THE ANTHROPOLOGICAL DIMENSION OF NIKLAS LUHMANN'S THEORY OF COMMUNICATION

Alexander A. Lvov¹, Gleb V. Bogomolov²

^{1, 2} Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

¹ SPIN: 2301-2592, ORCID: 0000-0001-7375-3327, a.lvov@spbu.ru

² ORCID: 0009-0000-0984-6326

Abstract. This article is devoted to the systematization and analysis of communication in the social theory of Niklas Luhmann. Central attention is given to the anthropological dimension that emerges in connection with his theory. Luhmann's approach is commonly associated with a distancing from humanistic problematics in favor of investigating autonomous social systems. The study examines the presuppositions and consequences that arise from the transition to a non-anthropological model of society and identifies specific marginal spaces in which the significance of human influence is preserved. The methodological framework of the article is based on systems-theoretical analysis combined with elements of conceptual reconstruction and a comparative approach. The research draws on Luhmann's key texts, primarily «What is Communication?» and «The Improbability of Communication» as well as works on the theory of autopoiesis and functional differentiation of society. Additionally, materials related to Luhmann's debate with Jürgen Habermas are incorporated. The study demonstrates that the exclusion of the anthropological element from Luhmann's analysis generates a number of theoretical tensions that are subsequently addressed within critical theories of communication.

Keywords: Niklas Luhmann, Jürgen Habermas, communication theory, anthropology, social systems, autopoiesis, structuralism.

Никлас Луман известен как продолжатель и разработчик теории социального функционализма Парсонса. Концептуальное значение социального функционализма сводится к попытке описать общество и его элементы через интерпретацию специфических функций его составных частей. Предполагается, что их взаимодействие приводит к согласованному существованию общества. Теории Лумана и Парсонса сближаются в предпосылке, что системы общества всегда стремятся к удержанию баланса для продолжения своего существования. Однако уникальной оказывается проблематика взаимодействия элементов этих систем. Если для Парсонса баланс системы поддерживается действиями индивидов, то для Лумана акцент смещается уже на анонимную и лишённую человеческой субъективности коммуникацию.

«Самореференция и внешняя референция действуют в операциях по коммуникации постоянно и с необходимостью» [Луман, 2010]. Отсюда же выводится и следующее понятие, необходимое для теории Лумана. «Аутопоэзис» предполагает, что принцип самореферентности, использующий логику, по которой система может продолжать выполнять свои операции, обращаясь в саму себя, разворачивается на структурном уровне. Он описывает уже не рядовую процедуру, но структурное устройство системы. «Система состоит из самовоспроизводящихся элементов — и только из них» [Луман, 2010].

В рамках системной теории преодолевается дуализм между субъектом и объектом наблюдения, который ведёт классические социальные системы к «парадоксу включенного наблюдения». Впервые он был описан Уильямом Лабовым. Этот парадокс открывает дурную бесконечность вопроса о влиянии исследователя на его описание внешнее описание общества, частью которого он является сам. Система Лумана позволяет избежать этого парадокса, потому что стремится к тому, чтобы вообще исключить человека из социального описания. Он наделяет систему автономными механизмами для самовоспроизводства. Исследователь не включается в систему, поэтому может описывать её объективно. Первоначального разделения не возникает из-за закрытости и способности систем к самовоспроизводству.

Таким образом, Луману удаётся разрешить проблему включённого наблюдения, которая в ином случае может быть искажением любого другого подхода к описанию общества. Любой взгляд на общество со стороны требует от исследователя невероятного обоснования пути, который позволит ему исключать себя из описания. Проблема состоит в том, что он входит в наблюдение с каким-то багажом знаний, социальных представлений и связей, которые не разрываются с обществом во время исследования, а значит, контрабандой в него проникают. Попытка решить эту проблему через удвоение, например, вводя мышление мышления, при котором субъект сам же становится объектом, не разрешает проблемы. Элемент ангажированности продолжит своё присутствие в них. Системная теория предлагает использовать аутопоэзис и включение в структуру общества его элементов таким образом, чтобы воспроизведение структуры продолжалось и без участия человека.

Классическая теория социологии при таком «закрытом» подходе к обществу обычно предполагает, что система не сможет существовать продолжительное время, ведь она не вступает во взаимодействие с внешними элементами. Под такими отношениями понимается ситуация, при которой система получает какое-то дополнительное содержание извне. В теории общества Льюиса Козера такой исход ведёт к краху общества. В его логике система, которая не получает корректировки через открытые механизмы взаимодействия, рискует разрушиться из-за накопленных противоречий и неспособности соответствовать требованиям внешней среды [Козер, 2000: 71].

Луман утверждает, что ни одна система не подвержена воздействиям внешней среды. Она всегда самостоятельно решает «впустить» в себя какой-то «внешний» элемент или нет. Однако это происходит по законам самой системы, а элемент становится её частью. Для иллюстрации возможной степени открытости системы Луман опирается на автора концепции «Аутопоэзиса» Умберто Матурану:

«Окружающая среда как раз не соуправляет операциями системы..., но она может нарушить операции системы, мешать им или, как говорит Матурана, пертурбировать их, если (и только если) влияния окружающей среды проявляются в системе в качестве информации и могут быть переработаны системой как таковые» [Луман, 2010].

Если открыть доступ к смещениям с внешними системами, референтная система уничтожится, поэтому единственным способом взаимодействия систем остаётся коммуникация, осуществляемая

внутри системы по её собственным правилам. Эта логика используется для теоретического описания общества. Луман отказывается от выстраивания «больших теорий» или «метанарративов». Он выбирает другой путь, предлагая сосредоточиться на наблюдении второго порядка, в котором открывается множественность возможных комбинаций структур.

Чтобы реконструировать место коммуникации в теории Лумана, мы обратимся к двум магистральным текстам: «Что такое коммуникация?» и «Невероятность коммуникации». Коммуникация в представлении Лумана достаточно ограничена. Ей задаётся некоторая структура, в рамках которой участники могут делиться своими восприятиями. В дальнейшем мы проведём некоторое сопоставление теории Лумана со структурализмом, однако интересно уже на этом этапе отметить, что организация системы коммуникации Лумана походит на дискурсы в представлениях Мишеля Фуко. Причина этого состоит, как нам видится, в том, что структуралистская теория, в пределе заявляющая смерть автора, не может ответить на вопрос, каким образом возможно изменение содержания системы языка. Решение Фуко предполагает, что дискурс способен саморазвиваться благодаря тому, что включает в себя участников, которые уточняют и дополняют его элементы. Однако, как и у Лумана, это ситуация герметичная.

«Наша изначальная сопричастность миру как будто бы обосновывает для нас возможность говорить о нём, говорить в нём, его обозначать и называть, судить о нём и, в конечном счёте, познавать его в форме истины. Если и наличествует дискурс, то чем ещё он может быть на законном основании, как не скромным чтением? Вещи уже шепчут нам некоторый смысл, и нашему языку остаётся лишь подобрать его; а этот язык, начиная с наиболее рудиментарного своего проекта, уже говорил нам о некоем бытии, своего рода нервюрой которого он является» [Фуко, 1996: 76].

Луман характеризует коммуникацию как соединение трёх процессов селекции, которые не могут существовать по отдельности. Это селекция информации, сообщения и понимания. Обозначить их можно следующим образом: Информация селектирует содержания из перспективы любых возможных смыслов; Селекция сообщения предполагает ограничение формы передачи сообщения, например, почему оно происходит сейчас при данных условиях; Селекции понимания отводится особое место, потому что она включается в систему информации-сообщения и регулирует различие между ними.

Понимание, в отличие от традиционных теоретических систем, обращается не в транспортировку-передачу информации, а в процедуру, которую поддерживают другие акторы, опирающиеся на дистанцию между формой и информационным содержанием сообщения. Коммуникация поддерживает способ своего существования самостоятельно.

«Ничто не переносится. Создаётся избыточность в том смысле, что коммуникация порождает память, которая может быть использована многими и весьма различными способами. Если некто, А сообщает нечто некоему В, то дальнейшая коммуникация может обратиться как на А, так и на В. Система как будто пульсирует, постоянно создавая избыток и производя селекцию. С изобретением шрифта и книгопечатания такая технология системообразования неизмеримо усовершенствовалась, что имело соответствующие последствия для социальной структуры, семантики и даже самого языка, который мало-помалу появляется в поле зрения исследования» [Луман, 1995].

Практическим следствием такого подхода становится отказ от телеологичности коммуникации. Не имеет особого значения, что хотели сказать участники коммуникации, потому что единственной действительной её операцией может быть бинарное принятие или непринятие понимания. В коммуникации неизбежно будут возникать помехи. Луман описывает их предельное состояние, которое приводит к подозрению патологичности в системе. Он связывает его с понятием преодоления предела порога толерантности, которое, в сущности, предполагает накопление системой противоречий, которые перерабатываются и закрепляются в её воспроизводстве.

«Когда используется память системы и опыт помех (Störungserfahrung) запоминается, агрегируется, снова презентуется, укрепляется через укрепление рассогласования и гиперкорректуру, используя для этого всё больше и больше ёмкости системы» [Луман, 1995]. Подобной проблемой является невероятность коммуникации.

В работе «Невероятность коммуникации» Луман исходит из позиции, что подойти к коммуникации можно с точки зрения двух предварительных ожиданий. Первое он связывает с фигурой Бэкона,

а второе с Гоббсом. Бэкон предполагал, что общество способно к постоянному улучшению социальных отношений, тогда как альтернативная позиция исходит из того, что общество существует невероятным образом. Это различие между оптимистической просвещенческой установкой и установкой критической, которая воспринимает общество не как исключительно прогрессирующее. В нём находится сложность, а противоречие выступает его ключевым элементом. Луман работает с этой теорией и предлагает три возможных отношения невозможности коммуникации. Во-первых, невероятно, что два индивида понимают друг друга, поскольку у них есть индивидуальное сознание, которое не тождественно одно другому. Во-вторых, есть существенная сложность с тем, что коммуникация может расширяться, хотя лица, в неё включенные, не могут гарантировать истинности положений, при их расширении. При этом, например, в ситуациях с переходами от одних типов массовой связи к другим, круг лиц, вовлекаемых в ситуацию коммуникации расширяется всегда. В качестве иллюстрации Луман предлагает переход от греческих рапсодий к тексту. Такой переход знаменует невозможность первичного подтверждения участия в коммуникации, однако возникают другие стратегии верификации, например, логика, которая придаёт вес утверждениям в тексте. В-третьих, невероятность коммуникации связана с тем, что не существует какой-либо устойчивой гарантии, что элемент, вступающий в коммуникацию, сможет принять к сведению ту информацию, которую он получает. За этим не обязательно должно следовать какое-то действие.

Оказывается, что в каждом из этих этапов усложнения возникают новые потенциалы для формирования общественных функций. Обращаясь к Толкотту Парсонсу, Луман отмечает, что для сферы экономики посредником будут деньги. Прояснить это положение можно следующим образом. Из-за того, что во время сделки не присутствовали все её участники, однозначного подтверждения цены товара через отношение с другими товарами найти не получится, поэтому возникают деньги, как всеобщий эквивалент. Посредник позволяет сократить или трансформировать невероятность коммуникации. Она усложняется и переводится на новый уровень. Примеры подобных переходов он связывает с развитием средств массовой информации, например, появление печати ведёт к тому, что «государственные мероприятия и *amour passion*, научная истина, полученная методически, деньги и право пошли разными путями, специализируясь на преодолении различных видов невероятностей успешной коммуникации» [Луман, 2000].

Здесь стоит отметить, что невероятности коммуникации существуют в постоянном взаимовлиянии, а становление и переход невероятности в вероятность коммуникации ведёт к расширению других невероятностей. Например, если получатели, благодаря развитию техники, получили сообщение, остаётся проблема в том, что углубляется невероятность успеха такой коммуникации.

Тезисы Лумана сводятся к тому, что центральным элементом функционирования общественной системы является коммуникация. Благодаря коммуникации, происходит усложнение системы и сохраняется её стабильность. При этом, существование коммуникации парадоксально, потому что на каждом из этапов взаимодействия систем она может не состояться. В преодолении этого состояния происходит эволюция общества и переход от невозможности к возможности. Разрешается и междисциплинарная теоретическая проблема. Реальное противоречие между толкованиями коммуникации в разных системах происходит из изначальной эволюции и разорванности с первоначальной ситуацией невероятности коммуникации. Различие в толковании коммуникации в социологии и психологии сводится к этому первичному разрыву, который в результате связывается с взаимодействием между системами и подсистемами, где системой выступает коммуникация, а её специфическими истечениями – разные теории. В конечном счёте развитие систем не зависит от индивидуальных действий и организации моральных отношений субъектов, потому что эти черты подчиняются логике систем. Такой подход привёл к дискуссии между Луманом и Юргеном Хабермасом, поздним представителем франкфуртской школы.

В исследовании Кристиана Фукса и Вольфганга Хофкирхнера приводится критический подход к аутопоэзису, продолжающий дискуссию на основаниях философии Хабермаса.

Авторы предлагают рассмотреть понятие аутопоэзиса в его историческом контексте. Термин «аутопоэзис» предложили Умберто Матурана и Франсиско Варело в 1980 году. Они приводят несколько центральных элементов работы аутопоэтической машины. Это принципы самоопределения, то есть способности системы самостоятельно определять границы и единство; поддержания, процесса

постоянного самосохранения системы; а также самовоспроизводства, когда система, обращаясь к своим собственным компонентам, синтезирует в них свои части. Теория Лумана опирается на понятие, которое в изначальной трактовке наделялось чертами машинерии.

Далее авторы статьи переходят к теории Лумана. По мнению авторов, задача, которая стояла перед Луманом, состояла в том, чтобы описать социальную систему, которая функционирует и без человеческого влияния. «В теории Лумана действуют не люди, а только социальные системы... Функционализм не видит в людях рациональных агентов, пользующихся практическим сознанием и участвующих в социальном воспроизводстве, вместо этого он утверждает, что общество и институты только реализуют потребности и выполняют функции» [Fuchs, 2009: 104].

Безличные коммуникации становятся центральным актором образования социальных отношений, но авторы статьи отмечают ещё одно следствие такого описания общества. Оказывается, что формирование людей происходит в психической и биологической сферах, но не в социальной. Оно выносятся за пределы системы и принимается за её внешнюю среду. Результатом такого подхода, как считают Фукс и Хофкирхнер, становится неспособность социологии к диахроническому анализу. Система Лумана описывает только положение «как есть», однако не предлагает перспективы. Интересным кажется то, что подобную критику приводил Поль Рикёр по отношению к структурализму. В его исследованиях структурная теория превращается в объективацию, лишённую перспективного планирования. Структурализм, с точки зрения Рикёра, подчиняет диахронию синхронии [Рикёр, 2002: 71]. Аспект традиции и истории оказывается вынесен за скобку, по сравнению с актуальным состоянием языковой системы. Цитируя Клода Леви-Стросса, Поль Рикёр находит основание структуралистской идеи в раздвоении: «Как только факт звучания начинает восприниматься в качестве немедленно предлагаемой ценности и для говорящего, и для слушающего, он приобретает противоречивый характер, нейтрализация которого возможна только путём обмена взаимодополнительными ценностями, к чему сводится вся социальная жизнь» [Рикёр, 2002: 80].

Чтобы добиться чистого понимания ситуации коммуникации, структурализм предлагает отказаться от ценностных интерпретаций участников, а это возможно в ситуации объективации языка структурой. Интересно, что идеи Рикёра в преодолении проблемы структурализма сходятся с решениями Фукса и Хофкирхнера. Рикёр также не представляет дальнейших шагов структурализма, потому что без предложения перспективности любое чистое описание языка и общества не приведёт ни к чему. Он предлагает разрешить эту проблему обращением к телеологической герменевтике Гегеля. В дискуссии с Луманом на стороне Хабермаса авторы отмечают, что структурный-функционализм ведёт к тому, что любое конфронтационное отношение с системой заочно оказывается провальным, а любые проблемы, которые считаются «объективными» и общезначимыми, оказываются таковыми исключительно из-за того, что циркулируют в общественной сфере, а не из-за самостоятельного статуса. При этом, сам Хабермас также отмечает этот разрыв в работе «Теория коммуникативной деятельности». Он пишет: «Системная теория общества рассматривает возникновение и развертывание современных обществ исключительно с функционалистской точки зрения нарастающей системной сложности. Правда, после того как системный функционализм был очищен от шлаков социологической традиции, он стал нечувствителен к социальным патологиям, которые можно выявлять прежде всего в структурных признаках социально интегрированных сфер действия» [Хабермас, 2002: 815]. Фукс и Хофкирхнер приводят в пример подобных патологий экологические проблемы: «Опираясь на разделение системы и внешней окружающей среды, Луман не может объяснить, как возникают экологические проблемы. Он не способен показать, как они могли бы быть решены; его интересует лишь то, каким образом общество коммуницирует об экологических проблемах... При таком подходе экологические проблемы превращаются лишь в социальные конструкции» [Fuchs, 2009: 115].

В подходе Лумана сохраняется также неясность, связанная с историческим характером системы. Остаётся непонятным, каков её источник, если она возникает без субъекта.

В качестве альтернативы лумановскому проекту авторы предлагают модель критической теории социальных систем, которая предполагает, что выстраивание этически нейтральной системы невозможно. В качестве предпосылок её возникновения авторы отмечают франкфуртскую теорию, марксизм, общую теорию систем Людвиг фон Бераланфи, который считал, что системная наука должна формироваться вокруг человеческих ценностей, и, наконец, эволюционную теорию систем.

Опираясь на корпус исследований, авторы предполагают, что человека нельзя исключить из социальной системы. Более того, сам аутопоэзис организуется вокруг человеческой социальности. Они расширяют представление Лумана о биологической и психологической природе человека тем, что уточняют, что социальная среда включает людей в социальные системы, притом включает их в те структуры, которые предоставляются людям самими социальными системами. Такое самовоспроизводство уже обладает потенциалом к модернизации. Входные условия социальных систем могут быть изменены, в том числе и творческим воздействием самих акторов [Fuchs, 2009: 121].

Кристиан Фуке и Вольфганг Хофкирхнер пытаются провести трансформацию положения субъекта относительно системы. Способность человека к творческому преобразованию системы авторы статьи называют термином «re-creation» (воспроизводство). Они замечают, что теорию разделения системы и внешней среды, откуда исключается человек у Лумана, пытается разрешить Э. Янч посредством возвращения человека в систему. Его система начинает строиться вокруг восходящего и нисходящего движения, когда акторы посредством взаимодействий и коммуникаций создают социальные структуры, а после сами эти структуры задают ограничения, которые формируют новых индивидов.

Представление о коммуникации как о невероятности Никласа Лумана уместно дополнить рассуждениями критической теории, которая возвращает в систему самостоятельного субъекта. Разработка теории структурного функционализма через понятие аутопоэзиса, которое сводится к способности системы самовоспроизводиться подрывает гуманистический аспект социальности. Общество разделяется с историей и теряет возможность оказывать влияние на само себя. Возникновение динамики, социальной трансформации и существования коммуникативных разрывов можно объяснить при расширении теории Лумана критическим проектом, который возвращает в анализ творческий потенциал субъекта. В результате, коммуникацию можно описать двойственно, с одной стороны, она способна самовоспроизводиться, но возникновение кризисов и их преодоление возможно, благодаря человеческой деятельности. Она задаёт пределы коммуникации.

Исключение субъекта ведёт к возникновению ряда лакун, в частности, вопроса о возникновении невозможности в коммуникации. Раз система обладает своим внутренним устройством, пробелы в ней возникают по её решению, а значит она сама могла бы их избегать. Этого не происходит, поэтому уместно предположить, что за невозможностью лежит какой-то другой источник, который не может быть описан силами самой системы. Им может быть творческий потенциал и нередуцируемость человека, которая и задаёт пробелы и недосказанности в системе. Продолжение линии критического подхода к обществу и коммуникации заметно даже сегодня, спустя тридцать лет после дебатов между Хабермасом и Луманом. Кажется, что нейросети могли бы стать идеальным примером коммуникации, в которой отсутствует субъект. Тем не менее, сегодня для обучения нейросетей этическим принципам требуется включение философов. Например, в компании «Anthropic» работает Аманда Аскелл, которая занимается формализацией нормативной этики для того, чтобы ограничивать языковые модели. В её академических исследованиях проводится работа с вопросом «моральной самокоррекции» LLM. Их суть сводится к вопросу о том, возможно ли обучить нейросеть моральным принципам без специальных метрик, исключительно посредством диалога с человеком. Затем проверяется, справляется ли система самостоятельно с теми положениями, которые были ей предоставлены. В результате эта практика оказалась работоспособной, при этом оказалось, что модели могут принимать этические понятия человека, не опираясь на сложную систему оценок, вынося её из запроса самого человека. Однако само наличие таких исследований и разработок подсказывает, что корректировка системы коммуникации возникает в результате сотрудничества с человеком, а значит, утверждение его внешнего характера не до конца правомерно. Исследования критической теории общества и коммуникации позволяют учесть прогрессивные находки системной теории, сохранив в ней элементы гуманизма.

Список источников

Козер Л. А. Функции социального конфликта / Л. А. Козер / пер. с англ. О. А. Назаровой ; под общ. ред. Л. Г. Ионина. М. : Идея-Пресс : Дом интеллектуал. книги, 2000. 205 с.

Луман Н. Невероятность коммуникации / Н. Луман / пер. с нем. А. М. Ложеницина ; под ред. Н. А. Головина // Проблемы теоретической социологии. Вып. 3 / отв. ред. А. О. Бороноев. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2000. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2972> (дата обращения: 12.03.2026)

- Луман Н. Почему необходима системная теория? / Н. Луман / пер. с нем. Н. А. Головина // Электрон. публ.: Центр гуманитарных технологий. 03.06.2010. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2971> (дата обращения: 17.03.2026)
- Луман Н. Что такое коммуникация? / Н. Луман / пер. с нем. Д. В. Озирченко // Социологический журнал. 1995. № 3. Электрон. публ.: Центр гуманитарных технологий. 20.02.2009. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2954> (Дата обращения: 26.03.2026)
- Рикёр П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике / П. Рикёр / пер. с фр., вступ. ст. И. Вдовиной. М.: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2002. 624 с.
- Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: работы разных лет / М. Фуко / пер. с фр. М.: Касталь, 1996. 448 с.
- Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности / Ю. Хабермас. М.: Весь мир, 2022. 880 с.
- Fuchs C., Hofkirchner W. Autopoiesis and critical social systems theory // Autopoiesis in organization theory and practice / ed. R. Magalhães, R. Sanchez. Bingley: Emerald Group Publishing, 2009. P. 111–129.

References

- Foucault M. (1996) *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti: raboty raznykh let* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality: Selected Works]. Moscow, Kastal': 448. (In Russ.)

- Fuchs C., Hofkirchner W. (2009) *Autopoiesis and critical social systems theory*. Magalhães, R.
- Habermas J. (2022) *Teoriya kommunikativnoi deyatel'nosti* [The Theory of Communicative Action]. Moscow, Ves' mir: 880. (In Russ.)
- Kozer L. A. (2000) *Funktsii sotsial'nogo konflikta* [The Functions of Social Conflict]. Moscow, Ideya-Press; Dom intelektual'noi knigi: 205. (In Russ.)
- Luhmann N. (1995) *Chto takoe kommunikatsiya?* [What is Communication?]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 3. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2954> (Date: 26.03.2026). (In Russ.)
- Luhmann N. (2000) *Neveroyatnost' kommunikatsii* [Improbability of Communication]. *Problemy teoreticheskoi sotsiologii*, Issue 3. Saint Petersburg: SPbSU. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2972> (Date: 12.03.2026). (In Russ.)
- Luhmann N. (2010) *Pochemu neobkhodima sistemnaya teoriya?* [Why is Systems Theory Necessary?]. *Tsentr gumanitarnykh tekhnologii*. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2971> (Date: 17.03.2026). (In Russ.)
- Ricoeur P. (2002) *Konflikt interpretatsii: ocherki o germenevtike* [The Conflict of Interpretations: Essays in Hermeneutics]. Moscow, KANON-press-Ts; Kuchkovo pole: 624. (In Russ.)
- Sanchez, R. (eds.) *Autopoiesis in Organization Theory and Practice*. Bingley: Emerald Group Publishing: 111–129.

© Львов А.А., Богомолов Г.В., 2026

Информация об авторе:

Александр Александрович Львов – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии, Санкт-Петербургский государственный университет. Университетская наб., д.7/9, Санкт-Петербург, Россия. 19004. Специализируется в области истории западной философии XIX–XX вв., философской антропологии, структурализме и философии языка. Автор научных публикаций по проблемам философской антропологии, истории философии, истории науки, участник российских и международных исследовательских проектов.

Вклад автора: разработка концепции, проведение исследования, подготовка и редактирование текста, утверждение окончательного варианта. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 13.03.2026; принята после рецензирования 28.03.2026; опубликована онлайн 29.05.2026.

Глеб Викторович Богомолов – магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет, направление подготовки: Философский дискурс современности. Университетская наб., д.7/9, Санкт-Петербург, Россия. 19004.

Вклад автора: разработка концепции, проведение исследования, подготовка и редактирование текста, утверждение окончательного варианта. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 13.03.2026; принята после рецензирования 28.03.2026; опубликована онлайн 29.05.2026.

Information about the author:

Alexander A. Lvov – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, and Head of the Department of History of Philosophy, Saint Petersburg State University. He specializes in the history of Western philosophy of the 19th–20th centuries, philosophical anthropology, structuralism, and the philosophy of language. Author of scholarly publications on issues of philosophical anthropology, the history of philosophy, and the history of science, and a participant in Russian and international research projects.

Author's contribution: conceptualisation, research, drafting and editing of the text, approval of the final version. No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 05.03.2026; adopted after review 25.03.2026; published online 29.05.2026.

Gleb V. Bogomolov – Master's student at Saint Petersburg State University, program: Philosophical Discourse of Modernity.

Author's contribution: conceptualisation, research, drafting and editing of the text, approval of the final version. No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 05.03.2026; adopted after review 25.03.2026; published online 29.05.2026.

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ SCIENTIFIC REVIEWS AND PEER-REVIEWS

Рецензия
УДК 659.4

ИССЛЕДОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО РЫНКА PR: ОТ ГЛОБАЛЬНЫХ К ГЛОКАЛЬНЫМ ХАРАКТЕРИСТИКАМ (РЕЦЕНЗИЯ НА: СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ PR: ГЛОБАЛЬНЫЕ И ГЛОКАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ: КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ / ПОД РЕД. ПРОФ. А. Д. КРИВОНОСОВА. СПБ. : ИЗД-ВО СПБГЭУ, 2026. – 247С.)

Алина Николаевна Сыркина

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия
SPIN: 1559-1323, ORCID: 0000-0002-5118-7640, a.syrkina@mail.ru

Аннотация. В статье представлена рецензия на новую коллективную монографию, посвященной анализу современного состояния российского PR как социального института и специфике региональных рынков связей с общественностью. Книга инициирована кафедрой рекламы и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета и посвящена 30-летию Петербургской школы PR. В первом разделе монографии представлены сведения о периодизации развития российского PR. О российских профессиональных сообществах в сфере публичных рилейшнз, по профессии PR-специалиста, обозначены характеристики современной российской научно-образовательной школы PR. Кроме этого, обозначены особенности применения цифровых технологий в современном PR, а также описаны основные отличительные характеристики PR и нового феномена социальной архитектуры. Во второй части дан обзор семнадцати современных региональных рынков PR. Исследования регионального рынка основывалось в основном на экспертных интервью. Авторами монографии выступили исследователи и практики всех федеральных округов России.

Ключевые слова: связи с общественностью как социальный институт, современный российский PR, региональный рынок PR.

Review

RESEARCH ON THE CONTEMPORARY RUSSIAN PR MARKET: FROM GLOBAL TO GLOCAL CHARACTERISTICS (REVIEW OF: CONTEMPORARY RUSSIAN PR: GLOBAL AND GLOCAL CHARACTERISTICS: COLLECTIVE MONOGRAPH / EDITED BY PROF. A. D. KRIVONOSOV. ST. PETERSBURG: SPBGEU PUBLISHING HOUSE, 2026. 247 P.)

Alina N. Syrkina

St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia
SPIN: 1559-1323, ORCID: 0000-0002-5118-7640, a.syrkina@mail.ru

Abstract. The article presents a review of a new collective monograph dedicated to analyzing the current state of Russian PR as a social institution and the specifics of regional public relations markets. The book was initiated by the Department of Advertising and Public Relations at Saint Petersburg State University of Economics and is dedicated to the 30th anniversary of the St. Petersburg PR School. The first section of the monograph provides information on the periodization of the development of Russian PR. Concerning Russian professional communities in the field of public relations, the profession of a PR specialist, it outlines the characteristics of the modern Russian scientific and educational PR school. In addition, it highlights the specifics of using digital technologies in modern PR, as well as describes the main distinctive characteristics of

PR and the new phenomenon of social architecture. The second part gives an overview of seventeen modern regional PR markets. Research on the regional market was primarily based on expert interviews. The authors of the monograph are researchers and practitioners from all federal districts of Russia.

Keywords: public relations as a social institution, contemporary Russian PR, regional PR market.

В 2025 году в преддверии празднования 30-летия Петербургской школы публичных отношений по инициативе кафедры рекламы и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного университета и ее заведующего проф. А. Д. Кривоносова было проведено исследование российских региональных рынков связей с общественностью, на основе которых в 2026 году была издана коллективная монография «Современный российский PR: глобальные и локальные характеристики» [Современные, 2026] и была организована секция «Российские региональные рынки публичных отношений» в рамках XII Международной научно-практической конференции «Брендинг как коммуникационная технология XXI века», организатором которого стал СПбГЭУ.

Монография состоит из двух частей. В первом разделе представлено описание компонентов современных связей с общественностью как социального института. Данный раздел начинается с определения периодизации развития российского PR, где, в частности, указываются основные характеристики современного, седьмого этапа развития публичных отношений в России.

Далее авторы предлагают очерк современного состояния и функционирования российских профессиональных сообществ в сфере публичных отношений. Отдельная часть исследования – характеристики российских профессиональных конкурсов в контексте становления профессии PR в России: здесь читатель познакомится с кейсом Всероссийского конкурса «Корпоративный календарь».

Как известно, деятельностная парадигма PR в России фиксируется в начале 1990-х гг., именно тогда начинает формироваться профессия PR-специалиста. В монографии отдельный параграф посвящен профессиональной культуре и профессиональной программе PR-специалистов и становлению этих понятий, показан экскурс в историю развития профессиональной культуры специалиста по PR в виде пяти этапов, а на основе этого выделены четыре основных подхода к данному феномену.

Обязательным признаком социального института является – научная рефлексия своей деятельности, и авторы книги предлагают читателю проследить историю формирования российского научного знания о публичных отношениях, историю пиарологии. Наука о PR трактуется как научная дисциплина, относящаяся к разряду социальных дисциплин, дисциплина информационно-коммуникационная прикладного характера. Именно такое понимание науки о PR легло в основу крупной лексикографической работы исследователей СПбГЭУ. В виде вышедшего также в 2026 г. Словаря-справочника по рекламе и связям с общественностью [Реклама и связи с общественностью, 2026]. (См. рецензию К. В. Киуру в данном журнале [Киуру, 2025]). Итак, в монографии пиарология характеризуется как «самодостаточная развития отрасль научного знания, отражающая особенности развития отечественной практики PR, однако не всегда в виде форсайтных исследований в силу своей практикоориентированной специфики» [Современный, 2026: 34]. В данном параграфе характеризуются основные подходы к научной рефлексии PR-деятельности и основная исследовательская тематика российских теоретических исследований по публичным отношениям. Авторы констатируют: современная теория связей с общественностью развивается в основном в статейном и дидактическом формате (учебниках и учебных пособиях).

Известно, что система российского PR-образования начала развиваться одновременно с профессией PR. PR-образование рефлектирует характеристики новой профессии, ее проблемы и, кроме того, специфику региональной профессиональной среды. Авторы монографии описывают становление и современное состояние российской научно-образовательной среды, подчеркивая, что «Российское PR-образование во многом вобрало в себя характеристики развивающейся профессии, ее проблемы, болезни роста и становления, особенности общероссийской и региональной профессиональной среды. Как и раньше, являясь одной из консервативных сфер общественной жизни, российское образование очень быстро отреагировало на потребности практики, и это изначально происходило на фоне недостаточно развитой структуры и инфраструктуры рынка PR, государственного регулирования профессиональной деятельности» [Современный, 2026: 35].

Нельзя не отметить еще одно актуальное направление, репрезентированное в книге: особенности применения цифровых технологий в современном PR. Авторы отмечают: «Эволюция российского

PR в 2023-2025 гг. протекает в условиях беспрецедентной структурной перестройки, которую исследователи характеризуют переходом от глобалистской модели Digital First к модели «цифрового суверенитета». Концепция внешней политики РФ 2023 г. и последующие нормативные акты закрепили курс на формирование независимого информационного пространства. Для PR-индустрии это означало вынужденный, но стремительный переход к «технологической глокализации»: сохранение передовых мировых методологий (AI, Big Data, Agile-коммуникации) при их полной адаптации к локальным платформам и законодательству» [Современный, 2026: 49]. Авторы делают важный вывод о том, что в настоящее время «российский PR трансформируется в высокотехнологичный социальный институт, обеспечивающий диалог общества и бизнеса в новой цифровой реальности» [Современный, 2026: 58].

Отдельно рассматривается и феномен стратегической архитектуры как новейшей стратегической парадигмы связей с общественностью. Авторы отмечают: «В российской сфере общественных связей социальная архитектура как новейший стратегический формат социогуманитарной деятельности функционирует в традиционной для профессиональной коммуникационной сферы научно-теоретической и научно-практической нише, в которой сегодня наиболее значительным сегментом являются связи с общественностью» [Современный, 2026: 60]. Говоря о современном этапе развития публичных отношений в России, авторы делают закономерный вывод о том, что «институционализация PR в контексте социальной архитектуры переводит PR-деятельность государства и бизнеса как базисных субъектов из сферы преимущественно операционного и символического сопровождения в сферу стратегического со-управления социальной инфраструктурой, развитием локальных сообществ и территорий и общества как такового» [Современный, 2026: 72].

Во второй части дан обзор семнадцати современных региональных рынков PR. Исследования регионального рынка основывалось в основном на экспертных интервью (список экспертов также приведен в издании). Авторами монографии выступили исследователи и практики всех федеральных округов России.

Как известно, анализ коммуникационного рынка России – проблема сегодня недостаточно исследованная. В книге авторы сознательно не представили анализ столичных (московского и санкт-петербургского) рынков – они заострили свое внимание на российских регионах, где был представлен региональный материал по рынкам по их принадлежности федеральному округу. В монографии на основе региональных экспертных интервью изложены данные по 17 коммуникационным рынкам (Воронеж, Золотое кольцо, Тамбов, Калининград, Псков, Нижний Новгород, Республика Крым, Ставрополь, Екатеринбург, Челябинск, Алтай, Кузбасс, Новосибирск, Омск, Якутия, Бурятия, Хабаровск). Отмечена одна общая закономерность: многие региональные коммуникационные рынки развивались непосредственно от рекламных услуг к услугам в сфере PR и далее – к интегрированным услугам, а сегодня активно используют в своей коммуникационной деятельности цифровые инструменты, что соответствует общему тренду мировых коммуникаций. Несомненно, каждый региональный рынок, отмечен своими особенностями.

Отметим для примера некоторые. Так, воронежский рынок характеризуется такими параметрами: «зависимость коммуникационного рынка от развития региональной экономики; PR-агентства отходят от узкой ориентации на ограниченный спектр PR-инструментов, предпочитая объединять в работе инструменты PR, рекламы и маркетинга; наименование «PR-агентство» зачастую заменяется на более широкое «коммуникационное / маркетинговое агентство» или более узкое «бренд / digital-студия»; ориентация на местные потребности и специфику целевой аудитории. Например, отдельные агентства предлагают услуги по созданию и продвижению сайтов именно для региональных компаний, учитывая особенности местной культуры и поведения потребителей. Это повышает их конкурентоспособность на фоне крупных федеральных игроков, которые могут предлагать стандартные решения без адаптации к местным условиям; лидирующая роль крупных городов (преимущественно Москвы) в формировании трендов, а следовательно, и определения вектора развития региональных игроков; специализация в предоставлении услуг» [Современный, 2026: 60].

Анализ коммуникационный рынок Алтая позволяет сделать такие выводы: «Рынок Алтайского края средний по размеру для Сибири, с явной сезонной и отраслевой спецификой. Digital-сегмент доминирует (около половины бюджета), что соответствует общемировому тренду. Агентства, даже традиционные, активно развивают digital-направления. Традиционные СМИ (особенно ТВ) сохраняют

значительную долю из-за структуры аудитории и сильных локальных игроков. Основные объемы финансовых средств генерируются в Барнауле, а направляются на продвижение туристических услуг летом и агропромышленной продукции / госпроектов – круглый год. Рынок растет умеренными темпами (возможно, на 5-10% в год в денежном выражении), в основном за счет перетока бюджетов в digital и роста онлайн-торговли» [Современный, 2026: 176].

Думается, что при переиздании книги следует предложить авторам некий общий алгоритм описания структуры регионального рынка с опорой на четкую исследовательскую матрицу. Несомненно, перед нами пионерское исследование коммуникационного рынка и состояния паблик рилейшнз России первой четверти XXI века, которое может и должно получить свое дальнейшее развитие: глобальные и глокальные характеристики коммуникационного рынка в России находятся в постоянной динамике.

Список источников

- Киуру, К. В. Новый словарь по рекламе и связям с общественностью / К. В. Киуру // Язык. Коммуникация. Общество. 2025. № 4(12). С. 69-72. EDN LSJPGV.
- Реклама и связи с общественностью. Словарь-справочник ключевых терминов. Учебно-справочное пособие. СПб.: Питер, 2026. 224 с.
- Современный российский PR: глобальные и глокальные характеристики: коллективная монография / под ред. проф. А. Д. Кривonosова. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2026. 247с.

References

- Kiuru, K. V. (2025) *Novyj slovar' po reklame i svyazyam s obshchestvennost'yu* [New Dictionary of Advertising and

Public Relations]. *Yazyk. Kommunikatsiya. Obshchestvo* [Language. Communication. Society], 4(12): 69-72. EDN LSJPGV.

Reklama i svyazi s obshchestvennost'yu. Slovar'-spravochnik klyuchevykh terminov. Uchebno-spravochnoe posobie (2026) [Advertising and Public Relations. Dictionary-Reference of Key Terms. Educational and Reference Guide]. Saint Petersburg, Piter: 224.

Sovremennyj rossijskij PR: global'ny'e i glokal'ny'e xarakteristiki: kollektivnaya monografiya / pod red. prof. A. D. Krivonosova (2026) [Contemporary Russian PR: Global and Glocal Characteristics: Collective Monograph. Ed. by Prof. A. D. Krivonosov]. St. Petersburg, SPbGEU Publishing: 247.

© Сыркина А.Н., 2026

Информация об авторе:

Сыркина Алина Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью Санкт-Петербургский государственный экономический университет, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, Санкт-Петербург, 191023. Сфера научных интересов: философия культуры, социальная философия, исследования науки и техники (STS), визуальная культура и брендинг, управление проектами в сфере рекламы и связей с общественностью. Автор 100 научных публикаций.

Вклад автора: разработка концепции, проведение исследования, подготовка и редактирование текста, утверждение окончательного варианта. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 30.03.2026; опубликована онлайн 29.05.2026.

Information about the author:

Alina N. Syrkina – PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Advertising and Public Relations, St. Petersburg State University of Economics, emb. Griboyedov Canal, 30-32, St. Petersburg, 191023. Research interests: philosophy of culture, social philosophy, science and technology studies (STS), visual culture and branding, project management in advertising and public relations. Author of 100 scientific publications.

Author's contribution: conceptualisation, research, drafting and editing of the text, approval of the final version. No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 30.03.2026; published online 29.05.2026.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Электронный научный журнал «Язык. Коммуникация. Общество» Санкт-Петербургского государственного экономического университета приглашает к сотрудничеству авторов научных работ – преподавателей вузов, исследователей, молодых ученых в области лингвистики, медиакоммуникаций и журналистики, философии.

Присланные авторами статьи проходят обязательное двойное слепое рецензирование. Материалы аспирантов принимаются при наличии рекомендации научного руководителя.

Для публикации материалов в ЭНЖ «Язык. Коммуникация. Общество» авторам необходимо направить через сайт журнала (или на электронный адрес журнала) оформленные по требованиям тексты научных статей. Правила оформления и образец статьи размещены на официальном сайте журнала: **yako-journal.ru**

Редакция оставляет за собой право не рассматривать рукописи, оформленные не в соответствии с указанными требованиями.

Журнал выходит 4 раза в год. Сроки приема статей: № 1 – до 01 января, № 2 – до 1 апреля, № 3 – до 1 июня, № 4 – до 1 ноября. Сроки приема статей могут быть сокращены при досрочном достижении предельного объема номера журнала!

AUTHOR INFORMATION

Electronic scientific journal «Language. Communication. Society» of St. Petersburg State University of Economics invites authors of scientific works – university professors, researchers, young scientists in the field of linguistics, media communications and journalism, philosophy.

Articles submitted by authors are subject to mandatory double-blind review. Materials of postgraduate students are accepted if they are recommended by their supervisor.

To publish materials in ESJ «Language. Communication. Society» authors must submit their scientific articles, formatted in accordance with the requirements, through the journal's website (or to the journal's email address). The rules of design and a sample article are available on the official website journal: **yako-journal.ru**

The Editorial Board reserves the right not to consider manuscripts that are not in accordance with these requirements.

The journal is published 4 times a year. Deadlines for acceptance of articles: No. 1 – till 01 January, No. 2 – till 1 April, No. 3 – till 1 June, No. 4 – till 1 November. The deadlines for acceptance of articles can be reduced in case of early achievement of the limit volume of the journal issue!

Контактная информация:

191023, г. Санкт-Петербург,
Москательный пер., д. 4, каб. 302
e-mail: info@yako-journal.ru

yako-journal.ru

Contact information:

Moskatelny lane, 4, office 302,
St. Petersburg, 191023, Russia
e-mail: info@yako-journal.ru

yako-journal.ru

